

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
Теодор Ильич ОЙЗЕРМАН

**РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ
НА ОПЫТЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.**

М.: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 1956

«В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт».
В.И.ЛЕНИН

ВВЕДЕНИЕ

Марксизм как научная идеология пролетариата является живым, творческим учением. Марксизм развивается на базе теоретического обобщения исторического опыта, опыта революционно-освободительного движения рабочего класса в особенности. Отдельные положения марксистской теории органически связаны с той исторической ситуацией, в условиях которой они были сформулированы.

Марксистская диалектика учит, что все зависит от условий, времени и места, из чего, в частности, следует, что недопустимо ссылаться на те или иные положения марксизма вне связи с тем историческим периодом, о котором они трактуют. Но значит ли это, что выводы, сделанные марксизмом из определенной исторической ситуации, вообще не применимы к последующему развитию? Конечно, нет! Подобная точка зрения граничила бы с абсолютным: релятивизмом. Из того, что теоретические положения марксизма органически связаны с той эпохой, в которую они сформулированы, логически следует недопустимость их механического распространения на последующие периоды, необходимость творчески применять эти положения с учетом того нового, что дано последующим развитием.

Чтобы овладеть марксистско-ленинской теорией, необходимо понять, как она развивается, знать, как основоположники марксизма-ленинизма под углом зрения марксистского метода изучали определенные исторические эпохи и, теоретически обобщая исторический опыт, приходили к своим гениальным открытиям. Изучение развития марксистской теории на опыте революций 1848 г. в данной связи представляет большой интерес.

«Революции — локомотивы истории», — говорил Маркс, подводя итоги событиям 1848—1850 гг. И действительно, со времени возникновения классовых противоположностей периоды революций являются наиболее значительными, творчески плодотворными этапами истории. В.И.Ленин называл революции праздником угнетенных и эксплуатируемых, подчеркивая, что именно в эти пе-

риоды народные массы выступают активным творцом новых общественных порядков.

Социальные революции являются могущественной силой исторического! развития антагонистического общества, это высшая форма классовой борьбы и самое значительное проявление инициативы, самодеятельности, активности угнетенных и эксплуатируемых народных масс. Во время революции, указывает В.И. Ленин, десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной жизни. Периоды революций замечательны сознательным, целенаправленным изменением общественных отношений. В революционные периоды особенно ярко и, можно сказать, непосредственно проявляется решающая роль народных масс в общественно-историческом процессе.

Теоретическое обобщение опыта революций — одна из важнейших особенностей развития теории марксизма. В.И. Ленин подчеркивает, что основоположники марксизма изучали «каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции». Эту сторону учения Маркса и Энгельса Ленин называет «безусловно самой важной».

В работе «Государство и революция» В.И. Ленин специально рассматривает теоретические выводы, сделанные Марксом и Энгельсом из опыта революций 1848 г. В другой своей работе — «Против бойкота» В.И. Ленин подчеркивал: «В деятельности самого Маркса и Энгельса сам факт их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты».

Нетрудно понять, почему именно период революций 1848 г. образует центральный пункт в деятельности Маркса и Энгельса. Эти революции были первым великим испытанием и подтверждением учения Маркса и Энгельса; благодаря историческому опыту 1848—1851 гг. марксизм получил богатейший материал для дальнейшего своего развития. Революции 1848 г. показали, что лишь пролетариат является социалистическим по своей природе классом; они обнаружили превращение буржуазного либерализма в контрреволюционную силу, нанесли поражение мелкобуржуазным иллюзиям и повсеместно господствовавшим ненаучным формам социализма; в ходе этих революций классовая борьба пролетариата достигла высшей, исторически возможной тогда ступени, наглядно подтверждая великую идею основоположников марксизма об исторической миссии рабочего класса.

Революции 1848 г. являются началом нового периода в развитии марксизма, периода, непосредственно следующего за его формированием. Если в период формирования марксизма на первый план, естественно, выступало отношение Маркса и Энгельса к предшествующим учениям, к теоретическим источникам создаваемого ими мировоззрения, то теперь учение Маркса и Энгельса, как отмечает В.И. Ленин, впервые выходит на широкую политическую арену. В 1848—1851 гг. на опыте революций происходит дальнейшее развитие и обогащение теории марксизма и все более тесное, непосредственное соединение ее с рабочим движением.

В период становления, формирования марксизма Маркс и Энгельс занимались преимущественно разработкой основ диалектического и исторического материализма. Так, например, в произведении «Немецкая идеология» основоположники марксизма излагают основные положения своей общей материалистической теории общественно-исторического процесса. В 1848—1851

гг. в центре внимания основоположников марксизма находится прежде всего применение марксистской теории к рассмотрению политических событий, анализ определенной» сравнительно небольшой исторической полосы. Так, «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», как отметил Энгельс, была «первой попыткой Маркса на основе своего материалистического понимания объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения».

Произведения Маркса и Энгельса писались буквально по свежим следам исторических событий 1848—1851 гг. Это относится не только к статьям в «Новой Рейнской газете» (что само собой разумеется), но и к последующим, значительно превосходящим их по объему и значению произведениям Маркса и Энгельса, посвященным событиям революций, 1848 г. Так, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» было написано через несколько месяцев после контрреволюционного переворота 2 декабря 1851 г. Таким образом, в изучаемый нами период с особенной наглядностью выступает непосредственная связь учения Маркса и Энгельса с революционной практикой.

Исторический опыт революций 1848 г. позволил Марксу и Энгельсу развить и конкретизировать те общие положения, которые были выдвинуты ими в предреволюционный период и подытожены в «Манифесте Коммунистической партии». Теоретическое обобщение опыта революций привело основоположников марксизма к дальнейшей разработке вопроса о соотношении между борьбой за социализм и борьбой за демократию. При этом основоположники марксизма всесторонне вскрыли принципиальное качественное отличие, имеющееся между пролетарской и буржуазной борьбой за демократию. Освещая с позиций диалектического и исторического материализма фактический ход революции, Маркс и Энгельс пришли к идее непрерывной революции, которая впоследствии получила свое дальнейшее развитие в ленинской теории пролетарской революции в условиях империализма. Идея непрерывной революций была непосредственно связана с вопросом об отношении между пролетариатом и непролетарскими слоями трудящегося населения, и, следовательно, с идеей гегемонии пролетариата, основные наброски которой также были даны основоположниками марксизма. Сопоставляя ранние буржуазные революции с буржуазными революциями середины XIX в., Маркс и Энгельс указали на разные типы этих революций, на закономерное изменение их характера, заложив тем самым основу чрезвычайно важного для марксистско-ленинской науки различия между буржуазными и буржуазно-демократическими революциями.

Разрабатывая и конкретизируя идею диктатуры пролетариата, исследуя особенности борьбы классов, роль государства в ходе революции, Маркс и Энгельс пришли к идее революционного слома буржуазной государственной машины. Эта идея явилась вместе с тем дальнейшей конкретизацией задач пролетарской революции. Впоследствии идея слома буржуазной государственной машины была разработана Марксом и Энгельсом с учетом опыта Парижской Коммуны, а затем развита Лениным на опыте русских революций. Известно, что открытие Лениным Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата было неразрывно связано с этой идеей.

Вышеуказанному отнюдь не исчерпываются те теоретические выводы, которые были почерпнуты основоположниками марксизма из опыта революций 1848 г. Однако и того, что сказано, вполне достаточно для уяснения глубочайшего смысла ранее приведенного положения Ленина о значении этого периода в развитии марксизма.

Указание Ленина о роли революционного опыта 1848—1851 гг. в развитии марксистской теории было непосредственно направлено против оппортунистов Интернационала, которые с пренебрежением отзывались о произведениях Маркса и Энгельса периода революций 1848 г., в особенности же о статьях в «Новой

Рейнской газете». Оппортунисты рассматривали революционные годы как якобы наименее плодотворные в жизни Маркса и Энгельса, а произведения этих лет – как не имеющие прочной ценности, ибо в это время, как, например, утверждал немецкий социал-демократ М.Бэр, пером Маркса «часто водили горечь и страсть».

Весьма характерно, что оппортунистическая ревизия теоретических и тактических выводов, почерпнутых Марксом и Энгельсом из опыта революций 1848 г., составила содержание одного из первых ревизионистских выступлений Э.Бернштейна - его послесловия к книге французского буржуазного историка Л.Эривье «История французской революции 1848 г. и Второй республики», опубликованной на немецком языке в 1897 г. В этом послесловии Бернштейн пытался опорочить как «незрелые» и якобы бланкистские положения основоположников марксизма, подытожившие опыт революций 1848 г.; Впоследствии, в 1921 г., в брошюре «Как погибла одна революция» Бернштейн утверждал, что вся система его ревизионистских взглядов была якобы результатом «изучения истории февральской революции 1848 г.». В этой же брошюре Бернштейн, повторяя слова представителей империалистической реакции, кликушески «вещал», имея в виду победу Великой Октябрьской революции, что все революционные партии неизбежно ожидает катастрофа. История, как известно, посрамила все эти «пророчества» прислужников империализма.

И по сей день враги марксизма проповедают лживую «теорию» о существовании якобы двух разновидностей марксизма - революционного и умеренного. Они противопоставляют «революционному марксизму» 40-х годов его последующее, якобы умеренное содержание, которое-де недооценивают революционные марксисты-ленинцы. В.И.Ленин решительно выступил против этого оппортунистического разделения учения Маркса на две части - революционную и умеренную, доказав, что марксизм революционен от начала до конца. Ленинизм, как об этом свидетельствуют труды Ленина, вся история Коммунистической партии Советского Союза, возродил не какие-то отдельные стороны, а все учение марксизма и поднял марксистскую теорию на новую, высшую ступень.

Западноевропейские оппортунисты, отвергая данное Марксом и Энгельсом теоретическое обобщение опыта революций 1848 г., отрицали не только значение этих обобщений для последующих периодов, но даже принципиальную правильность оценки революционных событий основоположниками марксизма. Бернштейн, например, в упомянутом выше послесловии к книге Л.Эривье пытался доказать, будто у Маркса не было критического отношения к революционным партиям 1848–1851 гг., будто бы Маркс сам разделял иллюзии этих партий. В противовес марксизму и фактическим данным исторического развития Бернштейн объявил причиной поражения революций 1848 г. во Франции и в Германии... революционную борьбу пролетариата. Революционность рабочего класса Бернштейн «объяснял» его недостаточной зрелостью, сознательностью. С точки зрения Бернштейна сознательность рабочего класса в буржуазной революции проявляется в подчинении руководству либеральной? буржуазии, в отказе от политической самостоятельности.

Такова же, как известно, была позиция и русских меньшевиков, хотя они, в отличие от Бернштейна, говорили, что их меньшевистская тактика является продолжением тактической линии «Новой Рейнской газеты». Ссылаясь на то, что газета Маркса и Энгельса выступала как «орган демократии», а Маркс и Энгельс входили в буржуазно-демократический союз Рейнской провинции, Плеханов, например, утверждал, что основоположники марксизма проповедовали необходимость союза пролетариат с либеральной буржуазией в борьбе против

самодержавия. Не видя контрреволюционности русской либеральной буржуазии, рассматривая ее по существу как революционную по отношению к самодержавию силу, Плеханов писал: «...мы не должны выставить против буржуазии незаслуженные, или преувеличенные, или преждевременные обвинения».

В противовес меньшевикам большевистская партия разъясняла массам, что меньшевистская концепция буржуазной революции, меньшевистская линия в революции 1905 г. не имеют ничего общего с линией Маркса и Энгельса в 1848–1849 гг. Ленин разоблачил как «чистейший ревизионизм» меньшевистскую теорию о том, что борьба за демократические свободы обязательно предполагает союз с либеральной буржуазией. В.И.Ленин доказал, что только большевики являются подлинными продолжателями теории и тактики Маркса и Энгельса. Теоретически обобщая опыт русских революций, Ленин сопоставлял их с революциями XIX в. в странах Западной Европы, раскрывая и подчеркивая отличие буржуазно-демократических революций в России от предшествовавших западноевропейских революций эпохи домонополистического капитализма. В 1905–1907 гг., разоблачая тех врагов революции, которые желали повторения в России немецкого 48-го года, Ленин указывал, что специфической особенностью русской революции 1905 г. является прежде всего гегемония пролетариата, отсутствовавшая в 1848–1849 гг. не только в Германии, но и во Франции.

Меньшевики, как известно, не видели существенного отличия революции 1905 г. от предшествовавших буржуазных революций, они разглагольствовали о революции вообще, пренебрегая конкретно-историческим подходом к решению вопроса. Но, смазывая отличие революции 1905 г. от революций 1848 г., меньшевики обходили молчанием и такое характерное для обеих революций явление как контрреволюционность либеральной буржуазии. Положение В.И.Ленина о контрреволюционности русской либеральной буржуазии сыграло громадную роль в деле мобилизации пролетариата и крестьянства на доведение до конца буржуазно-демократической революции. Указывая на то, что русская либеральная буржуазия предает революцию так же, как это делала немецкая либеральная буржуазия в 1848-1849 гг.; большевистская партия вела линию на политическую изоляцию кадетов, разоблачая вместе с тем меньшевиков, ориентированных на союз с либеральной буржуазией. В.И.Ленин в своем классическом труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции», ссылаясь на статьи Маркса и Энгельса в «Новой Рейнской газете», подчеркивал, что выводы основоположников марксизма могут быть, конечно, с учетом специфики 1905 г., применимы и к России. В другой работе, относящейся к 1907 г, В.И.Ленин прямо указывал: «Кто хочет посоветоваться с Марксом о задачах пролетариата в буржуазной революции, тот должен взять суждения Маркса, относящиеся именно к эпохе немецкой буржуазной революции».

Таким образом, создавая новую теорию пролетарской революции эпохи империализма, обобщая новый исторический опыт, В.И.Ленин опирался и на выводы Маркса и Энгельса из опыта немецкой революции 1848 г.

В.И.Ленин указывал, что даже в революциях разного типа, различных исторических эпох могут быть сходные черты. Так, между Февральской революцией 1917 г. в России и французским 1848 годом – громадная разница. Однако Ленин, творчески используя исторический опыт 1848 г., сравнивал политическое поведение русских буржуазных и мелкобуржуазных деятелей с поведением их французских предшественников.

Сопоставляя революционные события 1905 г. с французской революцией 1848 г., В.И.Ленин, в статьях «Луи-Блановщина» и «Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки?» разоблачал меньшевиков и эсеров, предававших подобно Луи Блану и другим мелкобуржуазным деятелям 1848–1851 гг. революционную борьбу масс. Развитие В.И.Лениным марксистского учения о

буржуазной революции, ленинское понятие буржуазно-демократической революции, новая теория социалистической революции в эпоху империализма неразрывно связаны с этим сравнительным, диалектико-материалистическим изучением буржуазных революций различных исторических этапов развития капитализма, с выделением, анализом, теоретическим обобщением того нового, то дала эпоха империализма в отличие от эпохи монополистического капитализма.

Ленинизм раскрыл величайшее идейное богатство, заключающееся в произведениях основоположников марксизма. Только с позиций ленинизма – высшей ступени в развитии марксизма – становится полностью понятным величие открытий Маркса и Энгельса, исторические судьбы их учения, значение их идей для последующего исторического развития. Разве можно понять все значение выдвинутой основоположниками марксизма идеи непрерывной революции без ленинской теории пролетарской революции? Разве не углубляется во сто крат наше понимание положения Маркса о необходимости слома буржуазной государственной машины благодаря учению ленинизма о Советской власти?

Марксизм-ленинизм качественно отличается от всех предшествующих учений своей способностью научно обобщать настоящее, предвидеть будущее, неразрывной связью теории и практики, научности и революционности, своей прямой, открытой, воинствующей партийностью, своим творческим антидогматическим характером. Все эти коренные особенности марксистской теории полностью проявились уже в первые годы существования марксизма.

Единство теории и практики было руководящим принципом деятельности Маркса и Энгельса: теория освещала путь революционной практической деятельности, обеспечивая правильную ориентировку и предвидение хода событий, а практика, в свою очередь, обогащала теоретическое понимание истории, обеспечивая дальнейшее творческое развитие и применение теории соответственно изменяющимся историческим условиям. Изучение этого взаимодействия между теорией и практикой марксизма является в высшей степени благодарной задачей, способствующей более глубокому пониманию закономерностей развития марксистско-ленинской науки, что особенно важно для творческого овладения ею.

ГЛАВА I. МАРКСИЗМ И РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

1. Революции 1848 г. и освободительное движение пролетариата

Задача систематического освещения причин и хода революций 1848 г. в значительной мере уже выполнена советскими историками, опубликовавшими в связи со столетием революций 1848 г. ряд ценных исследований. В данной главе мы хотим лишь в кратких чертах осветить главные события и особенности данного периода, из которых исходили основоположники марксизма, охарактеризовать практическое участие Маркса и Энгельса в революционной борьбе и показать, что марксистская линия в революции оказалась единственно правильной и необходимой для классовой организации и социалистического просвещения пролетариата.

Невозможно дать единую, общую характеристику всех революций, происходивших в 1848–1849 гг. в различных странах с различным экономическим и политическим уровнем развития. Однако своеобразие немецкой, французской и австрийской революций не исключает,

конечно, существенно общего между ними: все они были буржуазно-демократическими революциями. Экономической основой переворота, осуществлявшегося в ходе этих революций, был конфликт между новыми производительными силами буржуазного общества и не соответствующими им устаревшими в значительной мере еще феодальными или полуфеодальными производственными отношениями. Развитие капиталистического экономического уклада сковывалось многочисленными пережитками феодализма, особенно в таких странах, как Германия, Австрия, Венгрия, Италия, где политическая надстройка все еще носила феодальный характер и политически господствующим классом было дворянство. Правда, во Франции политическая надстройка в основном уже была буржуазной. Но и здесь она не вполне соответствовала совокупности производственных отношений капиталистического общества. Задача революций 1848 г. состояла, следовательно, в том, чтобы уничтожить экономические и политические препятствия на пути капиталистического прогресса.

Как известно, революциям 1848 г. предшествовали ранние буржуазные революции, которые нанесли сокрушительные удары феодальному строю в Европе. Англия, благодаря буржуазной революции, совершившейся за два века до рассматриваемого нами периода, превратилась к середине XIX в. в крупнейшую капиталистическую державу. Франция в результате буржуазной революции 1789–1794 гг. уничтожила феодализм и быстро двинулась по пути капиталистического прогресса. Ко времени революций 1848 г. (а это ближайшим образом характеризует условия, в которых они возникли) капитализм был уже господствующим способом производства в таких странах, как Англия и Франция. Однако в ряде стран Западной и особенно Восточной Европы (не говоря уже о других частях света) все еще сохранялись, а местами даже преобладали различные формы феодальных и полуфеодальных отношений, крепостной зависимости крестьян, сохранялось господство дворянства, абсолютизм и т.д. Капиталистические производственные отношения далеко еще не были повсеместно господствующими. Даже в тех странах, где капитализм победил, сохранялись многочисленные феодальные пережитки.

Тем не менее не только в Англии и Франции – наиболее развитых в капиталистическом отношении странах Западной Европы, – но и в Германии и Австрии уже обнаруживались антагонистические противоречия, внутренне присущие капиталистическому строю, о чем прежде всего свидетельствовали такие выдающиеся движения и выступления рабочего класса, как чартизм, восстания лионских ткачей в 1831 и 1834 гг. и силезское восстание 1844 г. Борьба между пролетариатом и буржуазией все более и более выдвигалась на первый план в крупнейших западноевропейских странах. Накануне революционного взрыва 1848 г. Маркс и Энгельс выступили с научной критикой капитализма, с гениально обоснованными выводами о неизбежности революционного перехода от капитализма к социализму. Все эти факты существенным образом отличают революции 1848 г. от

ранних буржуазных революций XVII—XVIII вв. Поэтому было бы недопустимым упрощением ограничиваться при рассмотрении революций 1848 г. лишь теми событиями, которые им непосредственно предшествуют (неурожаи 1845—1846 гг., экономический кризис 1847 г.). Эти события, конечно, были непосредственными причинами революционных взрывов, однако корни революций 1848 г. лежат значительно глубже. Революции завершают длительный период исторического развития; противоречия, разрешаемые революциями, назревают в течение многих десятилетий, а иногда и столетий. Поэтому о революциях можно сказать, что они не просто вызваны определенными причинами — все имеет причину, беспричинных явлений нет, — а являются исторической необходимостью.

Когда читаешь буржуазных историков, описывающих возникновение той или иной революции, то находишь у них рассуждения о якобы необычайных событиях, предшествовавших революции. Подобные рассуждения направлены к тому, чтобы доказать, что обычный ход вещей в классовом обществе отнюдь не ведет к революции. Односторонняя концентрация внимания на одних лишь непосредственных предпосылках революции и именно на тех фактах, которых могло бы и не быть (картофельная болезнь, неурожаи и т.п.), противоречит марксистско-ленинской методологии, ибо игнорирует историческую необходимость революций.

Отдавая должное всем конкретно-историческим моментам, следует постоянно иметь в виду, что основные причины и особенности революций 1848 г. могут быть поняты лишь на основе изучения всей эпохи завершения буржуазно-демократических преобразований в Западной Европе, начавшихся в конце XVIII в. В.И. Ленин указывал: «В 1793 и 1848 гг. и во Франции и в Германии, во всей Европе объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция». В этом смысле можно сказать, что революции 1848 г. продолжали то, что было начато и далеко не завершено предшествующими буржуазными революциями. Но в отличие от буржуазных революций XVII—XVIII вв. революции 1848 г. происходили на более высокой ступени развития капиталистических отношений, в условиях непрерывно нараставшего антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Этот основной, неоспоримый факт ярко раскрывает содержание и движущие силы революций 1848 г., хотя, конечно, и не указывает на те ближайшие предпосылки, которые именно в феврале 1848 г. привели к революционному взрыву во Франции. Таким образом, коренные особенности причины революций 1848 г. могут быть поняты лишь исторически. Это прежде всего относится к Франции, где революции 1848 г. предшествовали две буржуазные и тому же победоносные революции.

Поскольку буржуазно-демократические преобразования к тому времени были в основном уже осуществляются в Англии, ареной революций явились менее развитые в капиталистическом отношении страны — Франция Германия, Австрия, Венгрия, Италия.

В самом деле, Англия того времени — не только наиболее развитая капиталистическая страна, но и стран) наиболее развитого рабочего движения. 40-е годы был) высшим этапом чартистского движения, когда

оно отделилось от буржуазных попутчиков и приобрело характер массового, политически оформленного, пролетарски-революционного движения. Дж.Гарни, один из наиболее видных деятелей чартизма, уже накануне революции находившийся, несомненно, под влиянием Маркса и Энгельса, утверждал, что «массы должны завладеть политической властью», провозглашая «единственно достойной целью политической борьбы... освобождение рабочего класса. Тем не менее Англия не начала революции и не продолжила ее, когда революция вспыхнула на континенте. Промышленный подъем после кризиса 1847 г., отмена хлебных законов и билль о 10-часовом рабочем дне, открытие золота в Калифорнии и массовый отлив безработных в Америку, наконец, подавление революции на континенте — все это привело к упадку чартистского движения. В условиях, когда буржуазно-демократические преобразования были в основном осуществлены, а предпосылок для социалистического пере ворота еще не было, революция была невозможна.

Иная картина сложилась в менее развитых по сравнению с Англией странах: во Франции, где буржуазно-демократические преобразования далеко еще не были завершены, в Германии и Австрии, где буржуазия вообще еще не была политически господствующим классом. Но и в этих, по сравнению с Англией отсталых, странах уже формировался рабочий класс и все более обнаруживались антагонистические противоречия между трудом и капиталом. Буржуазия, которая в XV—XV вв. вы ступала как революционный класс, теперь все более и более превращалась в контрреволюционную силу. Это не значит, что буржуазия не была заинтересована в буржуазно-демократических преобразованиях, она стремилась провести их в ограниченной мере, без революции, постепенно. В этих условиях революционную инициативу брали на себя рабочие, крестьянские, мелкобуржуазные массы, которые, преодолевая примиренчество буржуазии по отношению к феодально-монархическому режиму, двигали революцию вперед. Но если буржуазия, особенно во Франции и Германии, уже не была революционной силой, хотя и сохраняла руководящее положение в революции, то пролетариат, представлявший собой главную ударную силу революции, ввиду своей недостаточной сознательности и организованности еще не был способен стать гегемоном. В этом заключалась одна из главных причин поражения революций 1848 г.

Характерной особенностью венгерской буржуазной революции 1848 г. являлась гегемония либерального среднего дворянства, которое возглавляло, правда весьма не последовательно, борьбу народных масс против австрийского владычества и земледельческой аристократии. В Италии буржуазия, особенно отдельные ее группы, выступал в качестве революционной силы. Здесь, как указывал Энгельс «энергия буржуазии еще не была сломлена существованием противостоящего ей современного сознательного класса пролетариев».

Выше указывалось, что противоречия между пролетариатом и буржуазией, особенно в таких странах, как Франция и Германия, сыграли

существенную роль в возникновении и развитии революций 1848 г. Естественно, возникает вопрос: если революции 1848 г, носили в большинстве стран буржуазно-демократический характер, то чем объясняется нарастание антагонизма между пролетариатом и буржуазией накануне и в ходе этих революций? Чем объясняется то обстоятельство, что целый ряд выступлений пролетариата, в особенности июньская битва 1848 г., были направлены против политического господства буржуазии? Ведь задача уничтожения капиталистических, отношений еще не стояла и не могла стоять на повестке дня. Капитализм развивался еще по восходящей линии и во время революции 1848 г. и непосредственно после них. Каковы же ближайшие экономические причины обострения борьбы между пролетариатом и буржуазией в этот исторический период?

Для эпохи, когда осуществлялся переход от мануфактурного производства к машинному, была особенно характерна, как показал Маркс, борьба рабочего класса за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы. В 40-х годах XIX в. эта борьба носила особенно напряженный характер.

Известно, что капитал вследствие своей волчьей жадности к прибавочному труду опрокидывает не только моральные, но и чисто физические пределы рабочего дня. Та же ненасытная капиталистическая жажда наживы проявляется в тенденции к снижению заработной платы ниже стоимости рабочей силы. Обе эти тенденции доминируют в тот период развития капитализма, когда рабочий класс, не имеющий еще своей классовой организации, не может противопоставить капиталу свою организованную мощь. Так было накануне революций 1848 г., когда рабочий день сплошь и рядом достигал 18 часов, а заработная плата, выдававшаяся к тому же зачастую талонами или товарами, едва обеспечивала полуголодное существование значительной части рабочего класса, что вело к массовой смертности. Многие лионские рабочие за 18-часовой рабочий день получали 8 су. По данным официальной статистики, в Кельне в 1847 г. каждый четвертый житель поддерживался на средства публичной благотворительности. Даже прусские военные с тревогой говорили о плохом здоровье рекрутов. Несомненно, что не из любви к рабочему классу прусское правительство еще в 1828 г. запретило ночную работу детей.

Введение машин не только не улучшило положения рабочего класса, а, напротив, явилось новым средством удлинения рабочего дня. Капиталистическое применение машин вело к дальнейшему понижению заработной платы, в частности через вовлечение в производство женщин и детей, способствовало увеличению безработицы. В марте 1848 г. количество безработных в Берлине достигало 7 тыс. человек. В Вене в июне того же года количество занятых на общественных работах безработных составляло 20 тыс. Капитал, как известно, выжимает прибавочную стоимость из рабочей силы как путем удлинения рабочего дня (абсолютная прибавочная стоимость), так и путем сокращения необходимого рабочего времени за счет увеличения производительности труда (относительная прибавочная стоимость). В то время как

производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства, для производства абсолютной прибавочной стоимости: вполне достаточно формального подчинения труда капиталу достаточно, напр., чтобы ремесленник, работавший прежде самостоятельно, на себя самого, или в качестве подмастерья цехового мастера, превратился в наемного рабочего, находящегося под непосредственным контролем капиталиста...» Именно так и обстояло дело в революции, Германии, Австрии, где превалировало производство абсолютной прибавочной стоимости, образующее, по определению Маркса, всеобщую основу капиталистической системы и исходный пункт производства относительной прибавочной стоимости.

Борьба рабочего класса против буржуазии за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы, происходившая на протяжении всего мануфактурного периода, несомненно, способствовала кризису тех капиталистических методов эксплуатации, которые были основаны на абсолютном удлинении рабочего дня. Эта пролетарская борьба, неразрывно связанная с развитием производительных сил капиталистического общества и в конечном счете обусловленная последним, имела громадное прогрессивное значение. Вопреки представлениям буржуазии и иллюзиям самих рабочих она не могла еще угрожать существованию капиталистического способа производства, но она, несомненно, угрожала существованию мануфактурной системы капиталистического производства и вела к промышленному перевороту, необходимость которого вытекала из развития производительных сил.

Само собой разумеется, что сторонники мануфактурной системы рассматривали борьбу пролетариата за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы как угрозу самому существованию буржуазного общества. Передовые же представители буржуазной демократии считали необходимым сокращение рабочего дня и устранение «недоразумений» между трудом и капиталом. Таким образом, рабочее движение накануне и в период революций 1848 г. сыграло громадную роль в обеспечении прогрессивных, буржуазно-демократических преобразований.

Вследствие различия в уровне и условиях капиталистического развития во Франции, Германии, Австрии, Италии революция в каждой из этих стран отличалась своеобразием. Во Франции революция была направлена на завершение буржуазно-демократических преобразований, против июльской монархии, которая не допускала к власти широкие слои промышленной буржуазии, выдвинувшейся на авансцену в ходе промышленного переворота.

Известно, что революция 1830 г., совершенная рабочими и мелкобуржуазными массами Парижа, привела к установлению буржуазной монархии, от которой трудящиеся требовали, чтобы она осуществляла не одни лишь политические реформы, но и экономические преобразования в интересах неимущих. Конечно, июльская монархия не могла оправдать возлагавшихся на нее надежд, что вскоре увидели и сами трудящиеся. Монархия Луи Филиппа, которого Бланки назвал

королем лавочников, оказалась царством банкиров, т.е. господством верхушки буржуазии. Последняя вскоре вступила в конфликт не только с трудящимися, но и со значительной частью промышленной буржуазии.

Господство банкиров отнюдь не способствовало промышленному развитию, поскольку оно, как указывал Маркс, означало обогащение ничтожной части буржуазии не путем производства, а путем ловкого прикармливания имеющегося уже чужого, богатства. Между тем, во Франции уже развертывался промышленный переворот, выдвигавший на передний план именно промышленную буржуазию. С 1830 по 1847 г. количество паровых машин во Франции увеличилось с 625 до 4 853 единиц, добыча каменного угля возросла с 1760 тыс. т до 5153 тыс. т, производство чугуна увеличилось с 220 тыс. т до 592 тыс. т, железа и стали – почти в 3 раза. Протяженность железных дорог, не превышавшая в 1835 г. 150 км, достигла накануне революции 1931 км. Особенно быстро развивалась, как это и свойственно начальному периоду капиталистической индустриализации, легкая промышленность. Так, например, к 1847 г. количество станков для прядения и тканья шелка достигало 90 тыс., а прядение льна производилось на 200 тыс. веретен. Между тем значительная часть промышленной буржуазии вследствие высокого имущественного ценза все еще не имела избирательного права. Интересы этой части буржуазии находились в противоречии с интересами стоявшей у власти финансовой буржуазии, которую французский христианский социалист Ламенн остроумно называл незаконнорожденной аристократией.

Отдельные фракции буржуазии, представленные в парламенте, образовали в нем различные оппозиционные группы. «Династический центр» возглавлялся А.Тьером, будущим палачом Парижской Коммуны. Во главе «династической левой» находился О.Барро. Все это были монархические фракции либеральной буржуазии, стремившиеся к умеренной конституционной реформе. Вне парламента остальная часть либеральной буржуазии группировалась вокруг газеты «Националь», образуя партию умеренных республиканцев. Мелкая буржуазия, настроенная более радикально и объявившая себя защитницей интересов всех трудящихся, образовала так называемую социалистическо-демократическую партию, органом которой была газета «Реформа». Во главе этой партии стояли мелкобуржуазные демократы - Ледрю-Роллен, Луи Блан, Флокон. Ледрю-Роллен декламировал против «бесчеловечности капитала» и «экономической анархии», не предлагая, впрочем, ничего, кроме «ликвидации всех привилегий», и утверждая, что красная республика – это фантом.

Французские рабочие не имели своей политической партии; они поддерживали «Реформу», помогали ей, организуя коллективную подписку, сбор пожертвований и т.п. Изданная в начале 40-х годов книжка Луи Блана «Организация труда» была воспринята французскими рабочими как их собственная программа, хотя Луи Блан пропагандировал лишь создание рабочих ассоциаций, якобы способных преодолеть конкуренцию в рамках капиталистического общества при содействии

буржуазного государства.

Промышленный переворот тяжело отразился на положении рабочего класса, поскольку французская буржуазия могла конкурировать с английской промышленностью лишь за счет систематического понижения жизненного уровня трудящихся. Непрерывное ухудшение положения рабочих вело к выделению тех наиболее революционных элементов, которые, теряя веру в возможность мирного улучшения своего положения, примыкали к различного рода тайным обществам, стремившимся с помощью заговорщической организации осуществить революцию. Наибольшее влияние имели тайные революционные общества, организованные О.Бланки и его последователями. Бланки был сторонником социализма, но действительного пути к социализму он не видел; свои надежды на социалистическое преобразование общества он возлагал не на массовую борьбу рабочего класса, а на восстание, подготовленное и осуществленное кучкой профессиональных революционеров-заговорщиков. Организованное им тайное «Общество времен года» пыталось в 1839 г. овладеть Парижем, но потерпело поражение и было разгромлено. Тем не менее тайные общества создавались вновь и вновь и сыграли известную роль в революции.

В крайне тяжелом положении находилась также основная масса французского крестьянства. Парцеллирование крестьянской земли ухудшало условия сельскохозяйственного производства. Освободившись от феодальной эксплуатации, трудящееся крестьянство оказалось во власти ростовщического капитала. С этим непосредственно связана пауперизация французской деревни, усилившаяся в 40-х годах. Ликвидация общинных крестьянских земель, развитие крупного капиталистического сельского хозяйства еще более усиливали процесс обнищания трудящегося крестьянства, вызывая многочисленные крестьянские волнения. Таким образом, аграрный вопрос, изменившийся по своему содержанию, все еще стоял на повестке дня.

Назреванию революционной ситуации во Франции и других странах ближайшим образом способствовали неурожай 1845 и 1846 гг., голод 1847 г., кризис, начавшийся в том же году в Англии и быстро охвативший западноевропейские страны. Уже в 1847 г. в Нанси, Ренне, Бюзансе и других городах Франции начались выступления трудящихся, нападения на булочные столкновения со спекулянтами, прятавшими хлеб, чтобы позднее продать его втридорога. Многочисленные банкротства, следовавшие одно за другим (в 1847 г. во Франции произошли 4762 банкротства) и увеличивавшие массу безработных, еще более обостряли экономическое положение. Студенты протестовали против запрещения лекции либеральных профессоров. Либеральная буржуазия требовала избирательной реформы во избежание революции.

А.Токвиль – известный либеральный деятель, сторонник июльской монархии – в одном из своих выступлений того времени утверждал, что «на горизонте показались грозные тучи», и призывал изменить «дух управления», сделать его более либеральным. В 1847 г. оппозиция выдвинула законопроект о значительном снижении избирательного

ценза, но потерпела поражение. Тогда по инициативе «династической левой» начали организовывать петиции и банкеты и защиту избирательной реформы. Первый банкет состоялся 9 июля 1847 к 28 декабря 1847 г. открылась сессия вновь избранного парламента, и Луи-Филипп в своей тронной речи категорически отверг требования избирательной реформы. Партия «Националя» и «Реформы» ответили на выступление короля новыми петициями и банкетами. «Страна гигантскими шагами приближается к катастрофе», — заявил Тьер. Но, когда правительство запретило очередной банкет, назначенный на 22 февраля, оппозиция не посмела обратиться к массам. Буржуазный республиканец Мари заявил, что время республики «еще не пришло. Я ее слишком люблю, чтобы желать ее появления на свет раньше времени».

Мелкобуржуазная «Реформа», приветствуя начало революции в Сицилии, призывала парижан к легальной борьбе против правительства. 16 февраля «Реформа» констатировала, что «правительство боится. Оно признается в этом само, признается впервые с 1830 г.» Однако никаких революционных выводов «Реформа» не делала. 2 февраля в редакции «Реформы» состоялось большое собрание. Однако никто из выступавших, в том числе Ледрю-Роллен и Луи Блан, не считали, что час революции пробил. Даже 22 февраля «Реформа», аттестуя себя как «народную газету, газету тех, кто умирает за свободу», призывала вместе с тем к терпению и спокойствию. «Не предоставляйте правительству желанной возможности кровавой победы», предупреждала газета. И, наконец, 23 февраля, когда восстание уже было фактом, газета утверждала: «Невозможно в настоящий момент с определенностью выразить то, что происходит: это больше, чем возмущение, но это не восстание». Такое поведение характерно не для одной только «Реформы». П.-Ж.Прудон 22 февраля записывал в своем дневнике: «Весь Париж на ногах, совершенно очевидно, что что-то ожидается. Одни говорят — манифестация, другие — мятеж, третьи революция, четвертые — смена министерства».

Таким образом, революция началась стихийно, вопреки сознательным действиям и стремлениям каких-либо буржуазных партий и их руководителей; ее начали и совершили рабочие и мелкобуржуазные массы Парижа, которые в течение трех дней ликвидировали июльскую монархию и завоевали республику. В то время как шли бои, парламентская оппозиция уговаривала короля провозгласить избирательную реформу. Король дал отставку Гизо, назначил новое министерство, затем заменил его более либеральным министерством О.Барро, но было уже поздно: действительная власть уже принадлежала народу. Луи Филипп, как и его предшественник, бежал, отрекшись от престола. Однако плоды народной победы достались буржуазии. Партия «Националя» составила список членов Временного правительства, который был затем пополнен представителем «Реформы» Луи Бланом и рабочим-механиком Альбертом. Лишь под угрозой нового вооруженного выступления народа, представлявшего фактическую власть в Париже, Временное правительство декретировало республику.

Первые дни существования Временного правительства, когда оно

было еще бессильно перед революционным народом, были ознаменованы изданием ряда декретов, означавших уступки требованиям рабочего класса. Так, был незначительно сокращен рабочий день. В декрете по этому поводу говорилось, что продолжительная работа «не только разрушает здоровье рабочего, но также препятствует развитию его интеллекта». Рабочие массы, возглавляемые мелкобуржуазными руководителями, поддерживали Временное правительство, не видя его враждебности интересам трудящихся. В свою очередь это правительство вынуждено было создать для безработных Национальные мастерские, организовать так называемую Люксембургскую комиссию по вопросам труда, декретировать «право на труд» и т.п. Впрочем, создание Национальных мастерских и Люксембургской комиссии; с воодушевлением встреченное трудящимися, имело своей действительной целью срыв революционного подъема, дискредитацию идеи социализма.

В этой связи необходимо указать на реакционный характер псевдосоциалистических проповедей Луи Блана, имевших широкое распространение среди парижских рабочих. Луи Блан был противником борьбы классов и сторонником сотрудничества пролетариата и буржуазии. В своей пресловутой «организации труда», т.е. в создании ассоциаций, артелей трудящихся, кредитруемых буржуазным государством, Луи Блан видел спасение не только для пролетариев, но и для... капиталистов, неспособных-де в ином случае, по его мнению, конкурировать с более сильной английской буржуазией. «Мало известен тот факт, — писал впоследствии Луи Блан, — что идея о необходимости плана социальной реформы была внушена настойчивыми просьбами не только со стороны рабочего класса, но также и со стороны многих фабрикантов, пришедших в отчаяние». Однако последнее обстоятельство обнаружилось лишь позднее.

В февральские дни повсеместно господствовали иллюзии относительно характера совершившегося переворота. Воспоминания одного из участников революции следующим образом характеризуют настроение этих дней: «Это были несколько чудесных дней. Все свобода! были осуществлены разом... Можно было организовывать любые клубы, выступать с любой речью, принимать любые резолюции, казавшиеся полезными... Все классы казались солидарными. Ротшильд жертвовал раненым в февральские дни, герцогини организовывали благотворительные общества, священники возглавляли процессии, торжественно направлявшиеся сажать деревья свободы! Корпорация за корпорацией мы шли приветствовать Временное правительство, высказать ему свои нужды, свои требования. И все пели:

Шапки долой перед картузом,
На колени перед рабочим!

Пожалуй, никогда еще люди не находились в столь искренней решимости улучшить условия жизни трудящихся. Для нас республика, республика «демократическая и социальная», как мы ее называли, должна была стать режимом справедливости и счастья, всем тем, что вы сегодня зовете социалистическим строем».

Наиболее ярко эти февральские иллюзии, охватившие подавляющую

массу трудящихся Парижа и других городов Франции, выражает демократическая поэзия тех дней. Слава республике! — таков основной ее мотив. Республика рассматривается как осуществление всех чаяний народа, как воплощение идеи свободы, равенства и братства. Ипполит Демане в стихотворении «Кем лучше быть?» утверждает, что лучше быть каменщиком, чем королем. Савиньен Лапуант призывает пролетариев и буржуа объединиться в едином братском патриотическом порыве:

Без братства не достигнуть торжества!
Ведь сказано: друг друга возлюбите!
Осуществить завет спешите!
Рабочие, солдаты, буржуа
Провозгласят права людей
Здесь, во дворце старинном королей.

Республика изображается поэзией февральских дней как прочная основа для преобразования всей жизни человечества. Пьер Дюпен восклицает:

Мы можем творить чудеса!
Поднять целину поспешите,
Сажайте в пустынях леса,
Болота везде осушите!

Карикатуристы парижских журналов и газет изображали всеобщее опьянение республиканизмом. Онорэ Домье рисует парижского гамена на троне Луи Филиппа. «Journal roug rige» добродушно иронизирует по поводу кокетничанья с республиканизмом: римские одежды богатых людей, маленький мальчик читает «Реформу» — таковы картинки февральских дней.

Лишь немногие представители французского пролетариата сознавали тогда, что республика, которой возносились хвалы, в сущности — буржуазная республика. Народ ликовал, а Временное правительство тем временем организовало из парижских подонков «мобильную гвардию» с целью противопоставить ее вооруженному народу. В то же время в декретах Временного правительства утверждалось, что «великодушие есть наиболее мудрая политика», что «каждая революция, совершенная французским народом, должна освятить в глазах мира какую-нибудь новую философскую истину», что «нет принципа более высокого, чем неприкосновенность человеческой жизни».

Правительство установило новый обременительный налог на крестьян, который восстанавливал их против республики и рабочих. Ламартин, этот, по выражению одного из современников, злой гений революции 1848 г., в своем циркуляре французским послам сообщал, что «французская революция вступает уже в свою конечную фазу».

Временное правительство спешило провести выборы в Учредительное собрание вопреки протестам наиболее сознательных представителей трудящихся, требовавших отсрочки выборов, необходимой для проведения широкой разъяснительной работы в пользу республики. «Буржуа, разбитые 24 февраля и 17 марта, снова поднимают голову и страшно ругают республику», — писал по этому поводу Энгельс в письме из Парижа 26 марта 1848 г.

Выборы в Учредительное собрание дали большинство контрреволюционной буржуазии. Учредительное собрание порвало с февральскими иллюзиями и объявило, что необходимо ввести труд в его прежние рамки. Исполнительная комиссия, поставленная собранием на место Временного правительства, не имела в своем составе представителей рабочих. Луи Блан в основном уже выполнил свою роль, прикрыв своей соглашательской политикой контрреволюционность Временного правительства в период, когда оно было еще бессильно перед народом.

Учредительное собрание начало наступление на демократические завоевания трудящихся. Отражая интересы контрреволюционной буржуазии, оно вступило на путь ликвидации Национальных мастерских. Чтобы покончить с движением рабочего класса, буржуазия спровоцировала июньское восстание. Накануне этого восстания одна из буржуазных газет писала: «Мы предпочитаем битву, отчаянную битву, неизвестности и постоянному страху за завтрашний день».

Июньское восстание 1848 г. было спровоцировано буржуазией, закрывшей Национальные мастерские и оставившей без работы тысячи парижских рабочих. В этом восстании, которое Маркс назвал пролетарской революцией, пролетариат сражался один. Мелкая буржуазия была враждебна июньским бойцам.

Учредительное собрание предоставило военному министру Кавеньяку чрезвычайные полномочия. И Кавеньяк пустил в дело артиллерию, Зажигательные снаряды. В течение нескольких дней 40 тыс. рабочих героически сражались против во много раз превосходивших сил. Буржуазная пресса требовала беспощадной расправы с рабочими. Мелкобуржуазная «Реформа» бессильно призывала к примирению, к милосердию: «во имя Франции и республики — писала она, — вернемся к февралю».

В дальнейшем мы будем неоднократно возвращаться к рассмотрению вопросов, связанных с июньским восстанием. Пока же подчеркнем лишь то, что кавеньяковщина была столь же типичным проявлением буржуазной контрреволюционности, как луйблановщина — мелкобуржуазного предательства.

Разгром парижского пролетариата обнаружил буржуазную сущность республики 1848 г. Выработанная Учредительным собранием конституция установила буржуазно-демократические порядки со всей присущей им ограниченностью и формальными, не гарантированными для трудящихся гражданскими правами. В декабре 1848 г. президентом республики был избран Луи Бонапарт. В июне 1849 г. была разгромлена социалистическо-демократическая партия, возглавлявшаяся Ледрю-Ролленом, Флоконом и др. А 2 декабря 1851 г. Луи Бонапарт, выражая интересы одной из фракций контрреволюционной буржуазии, совершил монархический переворот, ликвидировавший республику и установивший императорскую власть.

Таковы некоторые основные моменты, характеризующие французскую революцию 1848 г.

Германия предреволюционного периода находилась в основном на мануфактурной стадии капиталистического развития; но и здесь уже начинался промышленный переворот. Немецкая промышленность, правда, еще находилась в технической зависимости от Англии и Франции, однако продукция ее возрастала весьма быстро. С 1800 по 1840 г. стоимость промышленной продукции возросла по меньшей мере в два с половиной раза. В Рурской области добыча каменного угля с 1830 по 1847 г. увеличилась в 2,5 раза. Непрерывно возрастал импорт железа. По данным В.Мейера, ввоз железа увеличился с 1834 по 1843 г. более чем в 10 раз. Столь же быстро увеличивалось количество паровых машин. Если в Пруссии в 1837 г. их насчитывалось 423 единицы, то в 1843 г. их было уже 1091, а в 1849 г. — 1963. Железнодорожное строительство, начавшееся в середине 30-х годов, значительно усилилось в 40-х годах. В конце 30-х — начале 40-х годов в Германии было 245 локомотивов, из которых 166 были закуплены в Англии, 12 — в Бельгии, 29 — в США, а остальные произведены в Германии. Открывались технические школы, фабриканты ездили за границу, преимущественно в Англию, для изучения тамошних методов производства. Таким образом, постепенно создавались предпосылки для повсеместного перехода от ручного, мануфактурного производства к машинному.

Наиболее развитой частью Германии была Пруссия. Общее количество фабричных рабочих, подмастерьев и учеников здесь в 1846 г. превышало 900 тыс. Значительная часть рабочих и подмастерьев все еще была связана с деревней. Наиболее развитой областью Пруссии (и всей Германии) была Рейнская провинция, непосредственно пережившая освободительное влияние французской буржуазной революции. В Саксонии значительного развития достигло текстильное производство. С 1814 по 1834 г. количество механических веретен здесь возросло с 283 тыс. до 375 тыс., а за последующее четырехлетие было открыто 45 бумагопрядильных фабрик.

Крупнейшим промышленным центром Пруссии был Берлин, где из 400 тыс. населения 70 тыс. были наемными рабочими. Берлин был самым значительным железнодорожным узлом, в нем была сосредоточена одна треть всего машиностроения и ситцепечатного производства.

В 1848 г. Германия насчитывала 36 млн. жителей, однако количество свободных, не связанных с сельским хозяйством и не входящих в цехи рабочих не превышало 1 млн. человек. Это показывает, что феодальные производственные отношения, препятствовавшие капиталистическому развитию Германии, все еще занимали значительное место в немецком хозяйстве. В особенности это относится к сельскому хозяйству, где наряду с помещичьим землевладением сохранились многочисленные остатки крепостничества. «Освобождение» крестьян от крепостной зависимости путем выкупа, проведенное в Пруссии в 1807–1811 гг., коснулось главным образом зажиточной части крестьянства. Что же касается середняцкой и бедняцкой массы, то она попрежнему находилась в кабале у помещиков.

Главным препятствием на пути - капиталистического развития

Германии являлась ее феодальная раздробленность, существование нескольких десятков формально независимых друг от друга немецких государств — королевств, герцогств, княжеств. Созданный в 1834 г. Таможенный союз, охвативший значительную часть немецких государств, хотя и способствовал капиталистическому развитию страны, а также ее торговым связям с Англией, Бельгией, Францией и другими странами, не мог коренным образом изменить положение. Так, например, когда Германский торговый союз обратился с петицией в Союзный сейм, то последний заявил, что он не должен называться Германским торговым союзом, ибо нет немецких, а есть лишь баварские, саксонские, вюртембергские и иные купцы. Национальное воссоединение, необходимое для успешного развития капитализма, составляло важнейшую задачу революции 1848 г. в Германии.

Немецкая буржуазия была кровно заинтересована в ликвидации феодальной раздробленности страны, в воссоединении Германии. Однако ее страшила революция. Развитие немецкой буржуазии как класса происходило в рамках небольших провинциальных немецких государств. Привыкшая ценить милости королевской власти и трепетать перед дворянством, немецкая буржуазия ожидала решения задачи национального воссоединения Германии «сверху», а не «снизу», не путем революции, ликвидирующей многочисленные немецкие монархии, а путем создания федеративного немецкого государства с прусской или австрийской монархией во главе.

Немецкая буржуазия, напуганная французскими революциями, с нескрываемой тревогой наблюдала за развитием немецкого пролетариата. Накануне революции в Германии десятками появлялись брошюры, посвященные проблеме «преодоления» пролетариата. Так, либерал Бидерман опубликовал в 1847 г. лекции о социализме и социальных вопросах, в которых доказывал, что «первая и ближайшая задача социализма» — задержать рост пролетариата, являющийся якобы следствием перенаселения земли, и тем самым преодолеть нищету. В качестве радикального средства решений этой проблемы Бидерман, ссылаясь на Мальтуса, рекомендовал законодательное запрещение раннего вступления в брак.

Столь же убогий уровень характеризует книжку деятеля «Молодой Германии» Т.Мундта, опубликованную в 1847 г., в которой интересы пролетариата фактически отождествляются с интересами третьего сословия. Справедливость, по мнению Мундта, требует лишь того, чтобы третьему сословию было предоставлено место наряду с теми сословиями, которые уже пользуются правами. Третьему сословию, утверждал автор, не хватает лишь права петиций, свободы печати и права ассоциаций; соответствующая реформа в этом отношении могла бы привести в конечном итоге ко всеобщему благоденствию.

Мало чем отличался от Мундта и Бидермана и буржуазный радикал Берендс (впоследствии — левый в Берлинском собрании). Он прямо утверждал, что ликвидация сословных привилегий вполне достаточна для преодоления нищеты рабочего класса. По мнению Берендса, «средство

преодоления нищеты» заключается в создании различных объединений трудящихся, системы взаимопомощи, а также в «организации труда» по инициативе государства. «Организация труда, — утверждал Берендс, — это требование, которого наше время не в состоянии избежать».

Такова была политическая физиономия буржуазии в стране, куда перемещался центр революционного движения.

Немецкий рабочий класс этого периода еще не выступал как самостоятельная политическая сила, имеющая свою собственную политическую программу. Рабочие предпочитали называть себя ремесленниками, что означало более высокую квалификацию. Значительная часть рабочих все еще враждебно относилась к машинам, техническим усовершенствованиям вообще, видя в них источник безработицы и нищеты. Однако при всей своей политической неразвитости и неорганизованности рабочий класс Германии не представлял из себя пассивной страдающей массы, не думающей о борьбе. Напротив, в рабочих массах ширился и назревал дух возмущения против феодального произвола и капиталистической эксплуатации; это-то и страшило либеральную буржуазию.

Накануне революции в Германии вышел перевод книжки Луи Блана «Организация труда», изданный, как говорится в предисловии, «некоторыми представителями рабочего класса». В этом предисловии указывается, что рабочие не хотят гражданской войны и именно поэтому они требуют, чтобы правительство нашло пути и средства для установления социальной справедливости. При всей своей наивности это обращение к правительству свидетельствует не только о незрелости немецких рабочих, но и о глубоком брожении, происходившем в рабочих массах. В апреле 1847 г., когда вследствие кризиса и неурожая в Германии начался голод, берлинские рабочие и их жены в течение четырех дней выступали против спекулянтов картофелем, а также вылучников, обвешивавших покупателей. Около ста участников этой, по выражению современников, «картофельной войны» было заключено в тюрьму.

Гражданская война в Швейцарии, в результате которой демократические кантоны добились победы над клерикальными, несмотря на то, что последние поддерживались всеми реакционными правительствами, вновь вызвала оживление либерального и демократического движения в Германии.

В апреле 1847 г. Фридрих Вильгельм IV созвал так называемый Соединенный ландтаг, требуя от него вотировать новые кредиты. В своей тронной речи Фридрих Вильгельм IV заявил, что никакая конституция не заменит королевского «отеческого» попечения о подданных. Король утверждал, что нет такой силы на земле, которая могла бы его принудить заменить «естественные», основанные на «внутренней правде» отношения между королем и народом «условными, конституционными» отношениями. Однако Соединенный ландтаг, несмотря на господство в нем консервативных элементов, ответил на лицемерно-патетическую речь короля отказом утвердить просимые кредиты, если не будет

введена конституция. Такое поведение отнюдь не революционной части имущих классов Германии наглядно свидетельствовало о кризисе «верхов».

Соединенный ландтаг был распущен в июне 1847 г. В сентябре того же года группа баденских буржуазных радикалов созвала в Оффенбурге собрание, которое потребовало отмены карлсбадских, франкфуртских и венских постановлений, провозглашения свободы печати, свободы совести и обучения, национального представительства в Германском союзе и т.п. Программа демократических преобразований, сформулированная в Оффенбурге, включала в себя также требование замены постоянного войска народной милицией и «урегулирования ненормальных отношений между трудом и капиталом».

Оффенбургские требования, свидетельствовавшие о стремлении революционных представителей буржуазной демократии привлечь на свою сторону рабочие массы, получили широкую известность.

В начале 1848 г. в Вюртемберге, Лейпциге и ряде других городов происходили народные волнения, столкновения с войсками. В Маннгейме и Гейдельберге народные собрания требовали свободы печати, суда присяжных, народного вооружения, общенационального парламента. В одной из распространявшихся в Маннгейме листовок провозглашался лозунг: «Смерть тиранам! Война богачам! Установление принципа равенства». Мелкобуржуазный демократ Геккер, выступавший против умеренных либералов-конституционалистов, заявил в своей речи, произнесенной в Бадене: «Капитал не должен быть более господином, а труд — его холопом; средством для достижения этой цели являются свобода и единение». Группа рабочих передала Геккеру письмо, в котором говорилось, что «нищета рабочих происходит лишь от ничем не ограниченного господства крупных капиталистов и фабрикантов над беззащитными рабочими и мелкими мастерами».

В немецких деревнях крестьянские волнения сплошь и рядом перерастали в открытые выступления против феодальных господ. В Бадене крестьяне подошли к нескольким дворянским замкам, уничтожили цензовые книги и другие феодальные документы. В Нассау тысячи вооруженных крестьян, прибыв в столицу герцогства Висбаден и соединившись с горожанами, захватившими оружие в местном арсенале, потребовали ликвидации всех феодальных повинностей и налогов. В Вюртемберге и Баварии крестьяне также жгли феодальные документы. В ряде мест дворяне, напуганные крестьянским движением, объявили о своем отказе от феодальных прав. Монархические правительства южногерманских государств вынуждены были пойти на уступки крестьянам и декларировать отмену феодальных повинностей, оставляя открытым вопрос о выкупе их крестьянами у помещиков.

Революционные выступления трудящихся в Бадене, Вюртемберге, Гессен-Дармштадте, Кургессене, Нассау, Ганновере и других юго-западных государствах привели к победе либеральной оппозиции. Но либералы, используя народное движение в своих интересах, вместе с тем стремились ограничить его размах. Так, марбургские либералы

требовали от курфюрста демократических преобразований, дабы «поддержать спокойствие и порядок и предотвратить злополучную катастрофу, которая может разразиться над князем и родиной». В Карлсруэ палата в начале марта в своей петиции к королю настаивала на необходимости уничтожения привилегий и примирения противоположности труда и капитала. В Берлине в начале 1848 г. в Тиргартене неоднократно происходили народные сходки, на которых между прочим дебатировался вопрос о создании министерства труда.

Февральская революция во Франции значительно ускорила назревание революционного взрыва в Германии. О впечатлении, произведенном февральскими событиями на немецкую буржуазию, можно судить по сообщению «Всеобщей Аугсбургской газеты», которая писала 2 марта: «Можете себе представить, какой страх вызвали прошлой ночью ужасные сообщения из Парижа. Рабочий среди руководителей республиканского правительства! Все имущие люда озбочены!».

Напуганный Фридрих Вильгельм IV объявил 6 марта о созыве Соединенного ландтага; 8 марта был обнародован новый указ о цензуре. Тем временем в Берлине начались забастовки, войска разгоняли собрания и демонстрации. 13 марта произошло кровопролитное столкновение королевской гвардии с народом. 15 марта стало известно о победоносном восстании в Вене. Король обещал новые уступки, его приближенные стягивали войска в столицу. Утром 18 марта было объявлено об отмене цензуры и решении короля ввести конституцию. Но было уже поздно. Столкновения между армией и народом привели к восстанию, в котором революционный народ и пролетариат Берлина во главе его победили королевские войска и вынудили короля дать приказ о выводе их из столицы.

Несмотря на победу народа, королевская власть не была свергнута, ибо массы находились под влиянием либеральной буржуазии. Фридрих Вильгельм IV призвал к власти либералов Кампгаузена и Ганземана, согласился на созыв «народного собрания» на основе всеобщих, но двухстепенных выборов. Это собрание вследствие господства в нем либеральной буржуазии оказалось враждебным делу доведения революции до конца. Правда, по предложению левых 200 голосов против 153 Берлинское собрание приняло решение об упразднении дворянства, однако оно ничего не сделало для мобилизации революционных сил и руководства ими. Министерство Кампгаузена перед лицом революционных событий объявило себя «щитом династии», что позволило реакции собрать и организовать свои силы.

В.И. Ленин говорил, что «германская буржуазия, напуганная самостоятельностью пролетариата, увидевшая, что демократическими учреждениями пользуются рабочие для себя и против капиталистов, отвернулась от демократии, позорно предала свободу, которую раньше защищала, и повернула к лакейству перед помещиками и клерикалами».

Предательство национальных интересов немецкой буржуазией получило свое идеологическое выражение в так называемой «теории соглашения», проповедовавшей соглашение короны с народом, старой

власти с силами революции. Классовые интересы буржуазии толкали ее на сделку с реакцией («соглашение») против революции. Эта тактика, имевшая определенное влияние не только на мелкую буржуазию, но и на значительные массы тогдашних рабочих, опиралась на «февральские иллюзии» о возможности мирного решения революционных задач, без борьбы против контрреволюции. Известный поэт-демократ Ф.Фрейлиграт утверждал, например, в одном из своих стихотворений, что завоевание республики означал бы разрешение всех социальных вопросов.

Когда 23 марта Г.Юлиус — редактор популярной газеты «Берлинская читальня» заявил, что «разрыв между классом буржуазии и рабочим классом уже произошел» ввиду чего война идет «не между королевством и республикой, а между собственниками и теми, кто при помощи своей рабочей силы стремится к собственности», против него выступили не только либералы, но и почти все деятели мелкобуржуазной демократии. Особенно неистовствовал младогегельянец Л.Буль, заявивший, что утверждение Юлиуса «извлечено исключительно из французских абстракций», на самом же деле «интересы буржуазии и рабочего класса во всех случаях совпадают». Юлиус, наконец, должен был заявить, что его слова имели своей целью установление прочной основы для длительного мира между классами.

Мелкобуржуазные демократы, выступая по ряду вопросов против либералов, в целом разделяли либеральную концепцию о необходимости классового мира для обеспечения победы революции. Так, в «Манифесте», написанном ветеринаром Урбаном и папиросником Бремером, говорилось: «Мы желаем мира между всеми классами, дабы пали отделяющие их друг от друга преграды». Воззвание Берлинского магистрата 24 марта выступало против тех, кто стремится к расколу «между различными классами», доказывало, что свобода «была завоевана при успешном содействии наших беднейших братьев», и уверяло, что все стремятся к проведению «самых широких мероприятий в пользу трудящихся классов».

Либеральная буржуазия всячески усыпляла революционную бдительность трудящихся, убеждая их, что революции не угрожает какая бы то ни было опасность. Юмористические журналы высмеивали «бессилие» реакции, в частности угрозы фельдмаршала Врангеля расправиться «с оборванными демократами». Повсеместно проповедовалась умеренность как главное средство для завоевания свободы. Либерал Гагерн (председатель Франкфуртского собрания), которого демократические карикатуристы изображали старой бабой, занятой полсканием грязного белья, провозгласил под аплодисменты всего собрания: «Если мы хотим свободы, то ее должно хотеть в меру и в меру следует учить свободе». Таким образом, «февральские иллюзии» в Германии, как и во Франции, были обусловлены не только самим содержанием буржуазной революции, но и незрелостью пролетариата, оказавшегося во власти буржуазных и мелкобуржуазных идей.

Среди трудящихся были еще сильны цеховые настроения. Так, в апреле 1848 г. лейпцигские цеховые мастера опубликовали открытое

письмо, призывавшее к сохранению цехового устройства и отвергавшее всеобщее избирательное право, поскольку оно-де усиливает подмастерьев. Собрание депутатов северогерманского ремесленного и промышленного сословия, состоявшееся в начале июня 1848 г. в Гамбурге, провозгласило в качестве одной из своих задач борьбу против «свободы промышленности». Подобные же идеи проповедовал Рейнско-Вестфальский ремесленный союз. На Франкфуртский ремесленный съезд не были допущены подмастерья, которые были вынуждены собраться отдельно. Немецкие типографщики, собравшиеся в Майнце в середине 1848 г., требовали ограничения применения машин. Цеховые мастера выступали против рабочего движения, в котором они видели угрозу своему существованию. Это была реакционная часть мелкой буржуазии, имевшая тем не менее влияние в рабочем классе. Ее настроения вполне характеризует опубликованное в апреле 1848 г. обращение членов Берлинского ремесленного союза, в котором говорится: «Еще один шаг, и ремесленник, являющийся основным ядром среднего сословия, безвозвратно погибнет. В такое положение привели его люди, проповедующие насилие и ложные доктрины». К этим людям воззвание относит... коммунистов. Настроение и идеалы реакционной части ремесленников ярко выражены также в строках популярной тогда среди них песни, написанной поэтом-ремесленником Л.Клопфштехом:

Нашему союзу слава!
когда мы для бесед
И для песней и забавы
Собираемся, то, право,
Нам до мира дела нет!

Мартовское восстание в Берлине ускорило развитие революционных событий в остальной Пруссии и в Германии в целом. Требование национального объединения, по-разному понимаемое различными классами, партиями, было у всех на устах. Еще накануне революции, 5 марта 1848 г., в Гейдельберге по инициативе ряда буржуазных демократов-конституционалистов была создана семичленная комиссия для подготовки Национального собрания. 31 марта во Франкфурте был собран предпарламент, состоявший преимущественно из либеральных деятелей старых сословных палат. Неудивительно поэтому, что предпарламент не высказался в пользу республики, его идеалом было монархическое объединение Германии. Мелкобуржуазный демократ Г.Струве предложил осуществить объединение Германии путем создания федерации республик. Он предлагал, далее, отделение церкви от государства, организацию министерства труда, замену постоянного войска ополчением, чиновничества — избранными лицами и т.п. Все эти предложения были отвергнуты без обсуждения. Предпарламент, вопреки предложению другого мелкобуржуазного демократа — Геккера, отказался объявить себя непрерывным и, поручив реакционному Союзному сейму созвать Учредительное (собрание, разошелся, оставив так называемую 50-членную комиссию.

В первой половине апреля Геккер и Струве подняли республиканское восстание в южных округах Бадена, которое при первых же

столкновениях с регулярными войсками потерпело поражение. Одной из главных причин поражения восстания кроме его недостаточной подготовленности являлась слабая активность крестьянства.

18 мая во Франкфурте открылся имперский парламент. Он сразу же отказался от какой-либо революционной инициативы и вскоре избрал в качестве блюстителя империи, временно осуществляющего центральную власть, австрийского эрцгерцога Иоганна. Правда, левые провозглашали, что «признают свободу, равенство и братство принципами, проведение которых является их задачей». Но эти декларации не могли изменить существа Франкфуртского собрания. Своей задачей члены Национального собрания считали выработку наиболее совершенной конституции, в связи с чем начались бесконечные дебаты, в то время как контрреволюция собирала силы, а затем перешла в наступление. Маркс отмечал, что с первых дней своего существования имперский парламент оказался пропитанным парламентским кретинизмом.

Особый интерес представляет отношение Франкфуртского парламента к «рабочему вопросу». При составлении конституции было отвергнуто предложение включить в основные права немецкого народа «право на труд». Противники этого предложения заявляли, что «право на труд» противоречит свободе и чуть ли не возрождает средневековые корпорации. Либералы утверждали, что для рабочих уже сделано все, что надо: достаточно им и политических прав. В связи в этом были отвергнуты предложения о введении прогрессивного налога, пособия для безработных и т.п. Депутата Науверка (младогегельянца), выступавшего с подобными предложениями, обвинили в коммунизме, и ему пришлось затратить немало времени для своего оправдания. Несомненно, что такое отношение Франкфуртского собрания к «рабочему вопросу» имело место отнюдь не потому, что «парламент страдал избытком ума, учености, добродетели и недостатком политической опытности и расчетливости», а в силу классовых причин. Это был буржуазный парламент, не только чуждый, но и враждебный интересам широких трудящихся масс, в особенности же пролетариата.

Одна из карикатур того времени изображает группу профессор-депутатов Франкфуртского собрания, которые, завязав глаза, сидя в шлафроках, составляют конституцию. Но не только бездеятельность составляла характерную черту Учредительного собрания: оно вместе с тем приняло ряд контрреволюционных решений, санкционировало военное подавление польского национально-освободительного движения, утвердило Мальмское перемирие с Данией и тем дискредитировало себя перед народными массами. Когда же была выработана имперская конституция, то оказалось, что проведение ее в жизнь невозможно, несмотря на всю ее умеренность: контрреволюция уже господствовала на политической арене.

Отказ прусского и других королей принять имперскую конституцию вызвал некоторый революционный подъем, кратковременную вооруженную борьбу за имперскую конституцию. Но и эти выступления были подавлены реакцией. Франкфуртское собрание было вынуждено

перебраться в Штуттгарт. Здесь оно в июне 1849 г. было распущено вюртембергским правительством.

Таким образом, в Германии революционный взрыв не сломил монархии, и революция потерпела поражение, ибо она происходила «под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс...»

Если в Германии основной задачей революции было национальное воссоединение, то в Австрии на передний план выдвинулась борьба поработанных феодальной империей Габсбургов национальностей за самостоятельное государственное существование. Уничтожение австрийской империи — этой, по словам Энгельса, пестрой, по кусочкам унаследованной и наворованной монархии, представлявшей собой организованную путаницу из десяти языков и наций, — было исторической необходимостью, обусловленной развитием капиталистических отношений в Австрии.

Известно, что в Восточной Европе образование наций не совпадало с образованием самостоятельных национальных государств. Австрийская империя сложилась в условиях феодализма, в период, когда отдельные составлявшие ее народы еще не консолидировались в нации. В рамках Австрийской империи происходило развитие капитализма и образование буржуазных наций у чехов, венгров, южных славян. Так, например, в Чехии значительного развития достигло полотняное и суконное производство, не зависящее в отношении сырья от других стран, в 1826 г. в Либереце (в то время втором по величине городе Чехии) было 602 прядильные машины. В Праге в это время имелось 15 ситценабивных фабрик, 44 ситцепечатные машины, свыше 15 тыс. рабочих. В ткацком деле преобладала ручная работа, которой занималось около 100 тыс. человек. Лишь в 40-х годах появляются ткацкие машины. Накануне революции на 211 богемских хлопчатобумажных и бумагоделательных фабриках работало 5306 мужчин, 4863 женщины и 1522 подростка. Развитие капитализма, естественно, приводило к тому, что угнетенные нации Австрийской империи (венгры, чехи, южные славяне и др.) вступали в конфликт с господствующей, угнетающей австрийской нацией. На этой почве разгорелась борьба между господствующими классами командующих и оттесненных наций, которая из экономической области перешла затем в политическую. Таково было национальное, буржуазное по своему тогдашнему содержанию, движение, которое и вылилось в конечном итоге в революцию 1848 г.

Еще в 1825 г. венгерский сейм требовал от габсбургского правительства полного соблюдения конституции венгерского королевства и замены официального латинского языка народным — венгерским. В дальнейшем сопротивление австрийскому правительству еще более возросло.

Пражский сейм также неоднократно вступал в конфликт с венским правительством, что отражало растущее стремление чехословацкого народа к национальной самостоятельности. В Галиции в 1846 г. вспыхнуло направленное против Австрийской империи восстание. В

итальянских провинциях Австрийской империи также разворачивалось национально-освободительное движение, преследовавшее цель освобождения Ломбардии и Венеции от австрийского гнета и образования единого национального итальянского государства.

Наряду с противоречиями между командующей австрийской нацией и угнетенными ею национальностями в Австрийской империи имели место также серьезные противоречия между венграми и южными славянами, поляками и украинцами, что укрепляло позиции Габсбургов. Венгерские помещики господствовали в Словении, Хорватии, Славонии, Банате, польские помещики эксплуатировали крестьянство Галиции. Но основное противоречие между командующей австрийской нацией и остальными угнетенными ею нациями определяло назревание революционной ситуации, а революционные события в Палермо и Неаполе, февральская революция в Париже ускорили взрыв.

Революция в Вене вспыхнула в день открытия Нижнеавстрийского сейма — 13 марта. Народные массы, направлявшиеся с петициями к депутатам сейма, были встречены императорскими войсками. Начавшееся вслед затем восстание заставило бежать Меттерниха и вынудило Фердинанда лицемерно санкционировать фактические завоевания революции, в частности вооружение демократических элементов, свободу печати, правомерность требования конституции и т.д.

15 марта восстание победило в Будапеште, и имперское правительство вынуждено было признать новое, национальное венгерское правительство, состоявшее из представителей землевладельческой знати, обуржуазившегося дворянства и буржуазной демократии.

Восстание в Милане, начавшееся 18 марта, привело к изгнанию австрийских войск из Ломбардии. Революционные события в Праге вынудили австрийское правительство признать автономию Чехии. Однако это были лишь временные победы революции и временные уступки австрийского самодержавия. Закрепление и дальнейшее развитие успехов революции было бы возможно, если бы в стране были проведены широкие демократические преобразования и прежде всего полностью ликвидировано помещичье землевладение. Этого требовали широкие крестьянские массы, интересы которых выразил, в частности, М.Танчич; его газета писала: «Большая часть барских владений — украденное иди награбленное добро». Шандор Петефи — «великий гражданин и певец свободлюбивого венгерского народа», который вместе с Танчичем по праву занимает почетное место среди вождей революции 1848 года...», правильно указывал, что главной угрозой венгерской революции является не внешний, а внутренний враг — помещики:

Внешний враг, поверьте, там не страшен,
Где подохла внутренняя стая.

Шандор Петефи призвал к уничтожению помещиков:

Баре, вы веками пили кровь рабов,
Нынче вашей кровью напоим мы псов.

Революционная программа Танчича и Петефи не была осуществлена

в силу противодействия обуржуазившегося дворянства и либеральной буржуазии, сопротивлявшихся революционному решению аграрного вопроса.

Венгерский парламент, в котором большинство принадлежало дворянам, до последних дней революции продолжал обсуждать вопрос о вознаграждении помещиков при отмене феодальных повинностей. Дворянство решительно выступало против национально-освободительного движения сербов, хорватов, словенцев, словаков, румын, составлявших половину населения венгерского королевства.

Национально-освободительное движение чехословацкого народа возглавлялось такими деятелями, как либеральный историк Палацкий. Эти деятели считали необходимым сохранение Австрийской империи и были враждебны стремлениям передовых сил народа к созданию самостоятельного национального государства. Но они все же не смогли склонить к защите Австрийской империи народные «низы», ставшие на сторону революции. Возглавлявшие эти «низы» мелкобуржуазные демократы (Сладковский, Фрич) считали патриотическим долгом австрийских славян присоединение к революции. Они призывали народ, как отмечали Маркс и Энгельс, «видеть своего главного врага в австрийской монархии и даже идти в интересах революции вместе с мадьярами...»

Славянский съезд, собравшийся в Праге 2 июня 1848 г., наглядно обнаружил существование двух противоположных направлений в национально-освободительном движении австрийских славян — либерального и демократического. Либералы в своем большинстве были австрославистами, т.е. стояли за сохранение Австрийской империи. Демократическое меньшинство конгресса, напротив, считало необходимым уничтожение Австрийской империи. Австрийское правительство направило в Прагу новые войсковые части. Отдельные столкновения бастовавших рабочих и революционно настроенных студентов с войсками, а также провокационные действия генерала Виндишгреца привели в конечном итоге к восстанию, начавшемуся 12 июня 1848 г. и разгромленному войсками через несколько дней. В то время как демократы — члены Славянского конгресса Фрич, Сабина, Сладковский, Бакунин, Штур организовывали восставших, Шафарик и другие лидеры либеральной буржуазии призывали к отказу от борьбы. Разгром восстания значительно ослабил демократические элементы в национально-освободительном движении чехов и других славянских народов Австрийской империи, что привело к превращению этого национального движения в один из резервов Габсбургской монархии в ее борьбе против революции в Вене и Будапеште.

В Галиции освободительная борьба украинского крестьянства была направлена против польских помещиков, упорно отстаивавших свое классовое господство. Австрийское правительство демагогически провозгласило «освобождение» крестьян от феодальных повинностей, используя это в сущности антикрепостническое движение для укрепления своих подорванных революцией позиций.

Революция в Италии, начавшаяся восстаниями в Палермо и Неаполе,

ускорив революционный взрыв в Париже и в Вене, в свою очередь получила толчок от этих революций. Австрийские войска, изгнанные из Ломбардии миланским восстанием, вынуждены были затем очистить и Венецию, где также началось восстание. Дальнейшее развитие национально-освободительной борьбы привело к тому, что глава сильнейшего итальянского королевства — пьемонтского — Карл Альберт объявил 24 марта 1848 г. войну Австрии. Вслед за Пьемонтом в войну против Австрии вступили Тоскана, Неаполь и другие области; Италии. Стремясь лишь к распространению пьемонтского абсолютизма на всю Италию, Карл Альберт был решительным противником революционной войны против Австрии. Между тем лишь революционная война, неразрывно связанная с решением аграрного вопроса, могла привести к освобождению Италии от австрийского владычества, к воссоединению итальянского государства. Пьемонтская армия после незначительных успехов, достигнутых ею, была 25 июля 1848 г. разбита австрийскими войсками под Кустоцей. Войска Радецкого вновь захватили Милан. Но революция не была подавлена. Венецианская республика, во главе которой находился последователь Мадзини — мелкобуржуазный революционер Манин, продолжала борьбу. Революция продолжалась во Флоренции, Сицилии и в других итальянских государствах.

В ноябре 1848 г. началось восстание в Риме — древней столице Италии. Здесь была провозглашена республика, во главе которой находился вождь «Молодой Италии» Д.Мадзини.

Все эти революционные взрывы, захватившие главным образом итальянские города, не смогли покончить ни с австрийским владычеством, ни с произволом итальянских феодалов. В революционное движение были втянуты широкие массы городской мелкой буржуазии, в то время как крестьянство в значительной мере оставалось пассивным, поскольку итальянская буржуазия игнорировала аграрные требования крестьянства. К.Маркс в письме к И.Вейдемейеру подчеркивал, что «первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность». Маркс подвергал критике политику лидера республиканско-демократического крыла итальянской буржуазии Д.Мадзини: «...ему следовало бы, — указывал Маркс, — обратиться к крестьянам, к этой веками угнетаемой части Италии...» Либеральные правительства, установленные в ряде итальянских городов, оказались не способны на революционную борьбу с внутренней и внешней реакцией. Новый революционный подъем в конце 1848 - - начало 1849 г. привел, правда, к возобновлению войны против Австрии, Однако военные действия, начатые пьемонтской армией 12 марта 1849 г., не увенчались успехом. 23 марта того же года, через 11 дней, войска Карла Альберта были вновь разбиты австрийцами. Успехи контрреволюции в Австрии позволили войскам Радецкого развернуть наступление в Италии. Правительство Луи Бонапарта направило военную помощь Пию Х. Сицилийский король зверски подавил восстание в Палермо. Характеризуя причины поражения национально-освободительного движения в Италии,

Маркс и Энгельс писали: «Народ, который хочет завоевать себе независимость, не может ограничиться обычными способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды вот способы, при помощи которых маленький народ может одолеть большой...»

Революция в Вене, одержавшая победу в марте 1848 г, в дальнейшем столкнулась с нарастающим сопротивлением реакции. Новый австрийский рейхстаг, собравшийся 22 июля, состоял в своем большинстве из представителей либеральной буржуазии. Тщетно крестьянские депутаты настаивали на конфискации помещичьей земли; рейхстаг принял решение всего лишь о выкупе феодальных повинностей крестьянами. Буржуазия боялась поднять на борьбу за демократию крестьянские массы. В августе она выступила против массовой демонстрации рабочих, боровшихся против снижения заработной платы на земляных работах. Произошло кровопролитное столкновение между рабочими и буржуазной национальной гвардией. Все это не могло не способствовать укреплению политических позиций феодальной реакции. 6 октября императорское правительство сделало попытку отправить из Вены на помощь Елачичу войсковые части. Но народные массы воспрепятствовали их выводу. Военный министр повешен народом, и революция снова восторжествовала в столице. Император и камарилья вновь, во второй раз, бежали из Вены.

Мобилизовав свои силы, монархическая контрреволюция повела наступление на Вену. Столица Австрийской империи оказалась изолированной в военном отношении. Восстание было подавлено, контрреволюция восторжествовала. Император Франц Иосиф — преемник отрекшегося от престола Фердинанда — подготавливал восстановление всех свергнутых революцией порядков и учреждений. Армия, подавившая революцию в Вене, выступила в поход против революционной Венгрии. Венгерские войска, вдохновляемые Кошутом, нанесли ряд серьезных поражений австрийской армии. Победы революционной Венгрии создавали предпосылку для возрождения революции в Австрии. Австрийское правительство вынуждено было обратиться за помощью к Николаю, и лишь вооруженное вмешательство царизма помогло австрийской реакции покончить с революцией.

В то время как самодержавие поддерживало контрреволюцию в Австрии и других странах, передовые русские люди страстно выступали на стороне революции в Европе. «...Передовые прогрессивные люди России, — говорил К.Е.Ворошилов, — всегда были на стороне освободительной борьбы венгерского народа. Замечательный представитель русского демократического движения XIX века Герцен, будучи в эмиграции, в своем журнале «Колокол» уделял немало прочувствованных страниц венгерской революции и ее вождю Кошуту. Общеизвестно, что другой великий русский демократ, Чернышевский, в своем «Дневнике» в 1848—49 гг. приветствовал венгерское национальное освободительное движение и также желал ему победы».

Маркс и Энгельс неоднократно указывали на то, что в период

революций 1848 г. царизм являлся главным оплотом европейской контрреволюции. «...Не только европейские монархи, — указывали впоследствии основоположники марксизма в предисловии к новому изданию «Манифеста Коммунистической партии», — но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против пролетариата, который только что начал пробуждаться». Реакционная роль царизма в России и его внешняя политика были неразрывно связаны между собой. Интервенция в Венгрии была продолжением внутренней политики царизма — подавления освободительного движения народов России.

Еще в начале 1848 г. царское правительство, учитывая вероятность революции в Европе, замечало интервенцию против народов, вступивших на путь революции. Интервенция, по замыслу русского царя, должна была преградить путь революции к России. Тем не менее царское правительство, как известно, не смогло двинуть свои вооруженные силы за границу вплоть до весны 1849 г. Это объясняется внутренним положением в самой России. Революционная ситуация, возникшая в России в конце 50-х и начале 60-х годов, исподволь нарастала, исторически подготавливалась в течение предшествующих десятилетий, и отдельные признаки революционного подъема намечались уже в 40-х годах. Революции 1848 г. в Европе, естественно, усилили революционное брожение среди народных масс России.

Значительно участились выступления крестьян против помещиков. В ряде мест, особенно в пограничных с Германией и Австрией губерниях, имели место крестьянские бунты, распространялись рукописные листовки, призывавшие к свержению самодержавия. В одной из них революция определялась как «похвальное действие, посредством которого народ, избавившись от палачей, делается свободным».

Царское правительство было напугано этими фактами, свидетельствовавшими о революционном брожении в народе. Третье отделение требовало от заводчиков и фабрикантов организационного наблюдения за рабочими. Газетам и журналам было запрещено писать о выступлениях рабочего класса и крестьянства во Франции и других странах.

Николай I уже 24 февраля 1848 г. (по старому стилю) отдал распоряжение о мобилизации для того, чтобы военными средствами выступить против, употребляя его собственное выражение, «пагубного разлива безначалия». 14 марта 1848 г. царским правительством был издан манифест, в котором давался «обзор» событий в Европе и определялось отношение к ним со стороны царизма. Царский манифест призывал к сплочению «за веру, царя и отечество», но оставлял открытым вопрос о путях вмешательства России в европейские дела. И тот факт, что царское правительство смогло лишь в небольшой мере и то лишь в середине 1849 г. осуществить свои далеко идущие планы подавления революции в Европе, объясняется главным образом нарастанием революционного движения в самой России.

Развитие революционно-демократической мысли в России наглядно

свидетельствовало о революционизировании масс. Об этом говорил, в частности, процесс петрашевцев. Н.Г.Чернышевский, которому в 1848 г. было всего 20 лет, в своем студенческом дневнике с глубоким убеждением писал о неизбежности и необходимости революционного переворота в России. Он называл себя представителем «крайней левой стороны», последователем «красной республики». 18 сентября 1848 г. он писал: «Мне кажется, что я стал по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев, монтаньяр решительно...»

Таким образом, следует полностью согласиться с выводами автора монографии «Россия в 1848 году» А.С.Нифонтова: «Народные массы и лучшие представители русской интеллигенции 40-х годов XIX века усилением борьбы с самодержавно-крепостническим режимом Николая в 1848–1849 гг. активно участвовали в общем революционно-освободительном движении народов Европы, укрепляя силы революции. Они сорвали замыслы немедленного подавления европейского революционного движения при его зарождении коалицией феодальных монархов и надолго задержали осуществление контрреволюционной интервенции царизма».

Таковы основные факты и некоторые коренные особенности буржуазно-демократических революций 1848 г., явившиеся фактическим основанием для тех новых теоретических выводов, которые были сделаны основоположниками марксизма,

2. Маркс и Энгельс – вдохновители революционно-демократической борьбы масс

Маркс и Энгельс предвидели неизбежность буржуазных революций середины XIX в. «Манифест Коммунистической партии» прямо указывает, что Германия находится накануне буржуазной революции. Обосновывая неизбежность пролетарской революции, Маркс и Энгельс в то же время указывают, что на повестке дня непосредственно стоит не социалистическая, а буржуазная революция, и, соответственно этому, ставят вопрос о характере участия пролетариата и его партии в надвигающейся революции. Подчеркивая последовательно пролетарский характер Коммунистической партии, основоположники марксизма вместе с тем предупреждают против сектантского понимания партийных задач пролетариата. «Манифест Коммунистической партии» учит, что коммунисты должны поддерживать всякое революционное движение, направленное против феодальных общественных отношений и их пережитков.

Маркс и Энгельс дают также основные наброски учения о Коммунистической партии как передовом отряде рабочего класса. В «Манифесте Коммунистической партии» разъясняется, что у коммунистов нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего рабочего класса. Но в отличие от других рабочих партий (имеются в виду, в частности, чартисты) Коммунистическая партия отстаивает общие, независимые от национальности интересы всего пролетариата и

на различных этапах его освободительного движения защищает общие интересы рабочего движения в целом. «Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью работавших партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

«Манифест Коммунистической партии» был подготовлен и опубликован в качестве программы «Союза коммунистов» – первой пролетарской партии, выступившей на политическую арену под идейным знаменем научного коммунизма. Создавая научную идеологию пролетариата, Маркс и Энгельс доказали, что для осуществления своей исторической миссии пролетариату необходимо образовать отдельную от всех других партий, противостоящую им самостоятельную классовую партию. Такая партия и была организована основоположниками марксизма.

Известно, что «Союз коммунистов» возник в результате реорганизации мелкобуржуазного «Союза справедливых», осуществленной в 1847 г. под непосредственным руководством Маркса и Энгельса. Созданию «Союза коммунистов» предшествовала длительная борьба Маркса и Энгельса против реакционных идеи мелкобуржуазного социализма, господствовавших в «Союзе справедливых».

Энгельс еще в 1843 г. познакомился в Лондоне с руководителями «Союза справедливых» – Г.Бауэром, К.Шаппером, И.Моллем. «...В 1843 г. Шаппер предложил мне вступить в Союз, – писал Энгельс, – но тогда я, разумеется, отклонил предложение. Мы, однако, не только поддерживали постоянную переписку с лондонцами, но и находились в еще более тесных сношениях с д-ром Эвербеком, руководителем в то время парижских общин».

Маркс и Энгельс потратили немало сил, чтобы превратить этот союз, пропагандировавший утопический социализм, в революционную классовую организацию рабочих. «...Мы, – отмечал впоследствии Маркс, – выпускали ряд частью печатных, частью литографированных памфлетов, в которых подвергали беспощадной критике ту смесь французско-английского социализма или коммунизма с немецкой философией, которая составляла тогда тайное учение Союза; вместо этого мы выдвигали изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно твердую теоретическую основу и, наконец в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества».

В то время «Союз справедливых» под влиянием Маркса и Энгельса уже вступал на путь коммунизма,

В 1845–1846 гг. Энгельс принимал участие в деятельности парижской общины «Союза справедливых», о чем он писал в «Брюссельский Коммунистический комитет сношений» 23 октября 1846 г.

Современный немецкий исследователь-марксист К.Оберман

указывает, что в ноябре 1846 г. руководство Союза обратилось ко всем членам и организациям с воззванием против доктринерства и сектантства, в котором подчеркивалось, что эти пороки приводят к «плачевному положению, которое решительно должно быть преодолено». В этой связи были поставлены на обсуждение следующие три вопроса: 1) отношение пролетариата к крупной и мелкой буржуазии, 2) к различным религиозным партиям, 3) к различным социалистическим и коммунистическим организациям. Целесообразно ли объединение всех социалистов и каким образом оно может быть осуществлено? Обсуждение этих вопросов способствовало приближению лучших представителей «Союза справедливых» к позициям основоположников марксизма.

Выступление Маркса и Энгельса против мелкобуржуазного социалиста Г.Криге («Манифест против Криге») вызвало, как сообщали члены «Союза справедливых» в своем письме основоположникам марксизма, горячую дискуссию, в которой большинство встало на сторону Маркса и Энгельса.

Руководители «Союза справедливых» сообщали об организации в Лондоне отделения «Коммунистического комитета сношений». В том же письме члены «Союза справедливых» заявили о своей солидарности с критикой, которой Маркс подверг Вейтлинга. Вейтлинг, указывается в письме, полагает, «будто лишь он один обладает истиной», и поэтому с ним невозможно дискутировать, ибо он не воспринимает никаких доводов и требует лишь «слепого слушания своим приказам». Вслед за Марксом члены «Союза справедливых» порывают с Вейтлингом.

Авторы письма высказались также против чисто заговорщической организации революционеров, подчеркивая, что революция не делается по заказу. Предпосылкой «физической революции» должна быть «революция духовная, которая уже началась». В качестве важнейшей задачи авторы письма выдвигали организацию революционной коммунистической пропаганды: «Наша задача — просвещать народ, пропагандировать общность имущества; вы хотите того же, следовательно, протянем друг другу руки и будем действовать объединенными силами ради лучшего будущего». Письмо было подписано членами «Союза справедливых» К.Шаппером, Розенталем, Депелем, Гебелем, Г.Бауэром, Стином, А.Леманном, Г.Кельтерборном, И.Моллем и являлось приглашением Марксу и Энгельсу вступить в члены Союза.

Летом 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс «Союза справедливых». От парижских коммунистов, членов Союза, на конгресс был делегирован Энгельс. Решением конгресса «Союз справедливых» был реорганизован в «Союз коммунистов». Мелкобуржуазный девиз «Все люди — братья» новая организация заменила боевым революционным лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В сентябре 1847 г. вышел первый (и последний) номер «Коммунистического журнала», издание которого было намечено новым Союзом. Журнал выступил против утопического социализма и всякого

рода доктринерства и сектантства. «Мы не являемся такого рода коммунистами, которые все хотят осуществить с помощью любви», — говорится в одной из статей, помещенных в журнале. Коммунизм «будет осуществлен лишь благодаря полному преобразованию ныне существующих отношений собственности».

Во втором конгрессе «Союза коммунистов» (конец ноября - начало декабря 1847 г.) принимал участие Маркс. Он неоднократно выступал на заседаниях с критикой мелкобуржуазных воззрений членов Союза и разъяснял, что решающее значение для уничтожения частной собственности и введения общественной собственности имеет пролетарская революция. Конгресс предложил Марксу и Энгельсу составить программу «Союза коммунистов». Эта программа — «Манифест Коммунистической партии» - была сдана в печать буквально накануне революционного взрыва 1848 г. В «Коммунистическом манифесте», как говорилось выше. Маркс и Энгельс наряду с изложением основ научной идеологии пролетариата сформулировали в основных чертах тактическую линию пролетарской партии в буржуазной революции. Таким образом, создание Коммунистической партии и издание ее программы явилось закономерным подытожением исторического процесса формирования марксизма.

В период революций 1848 г. Маркс и Энгельс стали подлинными руководителями наиболее передовой части европейского пролетариата, вдохновителями революционно-демократической борьбы всех угнетенных и эксплуатируемых. В.И. Ленин говорит: «Оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолели. «Новая Рейнская Газета» была запрещена, Маркс, потерявший за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, был выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народно» восстании в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон».

Последовательно проводя выработанную ими пролетарскую программу борьбы за демократию, Маркс и Энгельс полностью учитывали буржуазный характер революций 1848 г. Задачей пролетариата они считали борьбу за достижение максимума демократических преобразований, необходимых для рабочих в их последующей борьбе за социализм.

Февральская революция во Франции застала Маркса в Брюсселе. Здесь он принимает участие в подготовке республиканского восстания и вооружении рабочих. По его инициативе Брюссельское демократическое общество обращается к городскому совету с требованием включить в гражданскую гвардию рабочих и ремесленников. В первых числах марта Маркс получает письмо члена Временного французского правительства Флокона, дающее ему возможность вернуться в Париж. В связи с этим Брюссельский окружной комитет «Союза коммунистов», которому в начале 1848 г. были переданы полномочия Центрального комитета, принимает решение о перенесении руководства Союзом в Париж,

Бельгийское правительство приказывает Марксу в 24 часа покинуть территорию Бельгии и, не ограничившись этим, арестовывает его вместе с женой, производит обыск на его квартире и под конвоем препровождает на французскую границу. Прибыв в Париж, Маркс и Энгельс (который также вскоре переехал в Париж) возглавляют руководство «Союзом коммунистов».

«В Париже, — писал впоследствии Энгельс, — господствовало тогда увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, поляки, немцы объединялись в отряды, чтобы идти освобождать свое отечество». Отставной прусский офицер Борнштедт и поэт Гервег, возглавлявшие в Париже Немецкое демократическое общество, развили лихорадочную деятельность по организации немецкого революционного легиона, призванного, по их мнению, экспортировать революцию в Германию. Маркс и Энгельс решительно выступают против этой заранее обреченной на провал авантюристической затеи, противопоставляя ей свой, впоследствии успешно осуществленный план конспиративной переправки членов «Союза коммунистов» в Германию. На собрании немецкой колонии в Париже Маркс произносит речь против затеи Гервега и Борнштедта, призывая немецких рабочих-эмигрантов активно участвовать в освободительной борьбе французского пролетариата.

После начала революции в Германии свыше 300 немецких рабочих, подготовленных «Союзом коммунистов» были направлены в Германию с тем, чтобы в назначенных им местах организовать борьбу рабочих масс за осуществление «Требований Коммунистической партии в Германии». Так назывался документ, выработанный Марксом и Энгельсом в конце марта и напечатанный в Париже в виде листовки 1 апреля 1848 г. В Германии «Требования» впервые увидели свет 5 апреля 1848 г. в газете Юлиуса «Берлинская читальня», куда они, по поручению Маркса, были доставлены С.Борном. В этих «Требованиях», конкретизирующих тактическую линию, намеченную «Манифестом Коммунистической партии», Маркс и Энгельс ставили задачу ликвидации монархии и установления единой, нераздельной Германской республики. Этот лозунг являлся в тех исторических условиях наиболее полным и революционным выражением задач буржуазно-демократической революции. Не только либералы, но и мелкобуржуазные демократы не отваживались выставить требование единой, нераздельной немецкой республики, само по себе не имеющее ничего общего с требованиями социализма.

«Требования Коммунистической партии в Германии» намечали, далее, последовательную революционно-демократическую программу различных социально-экономических мероприятий: отмена без выкупа всех феодальных повинностей, национализация феодальных имений, создание единого государственного банка, национализация средств транспорта, полное отделение церкви от государства, ограничение права наследования, прогрессивный налог, всеобщее и бесплатное образование и т.д. «Требования Коммунистической партии в Германии» завершались следующим положением: «В интересах германского пролетариата,

щелкой буржуазии и крестьянского сословия — со всей энергией способствовать проведению в жизнь указанных выше мероприятий. Ибо только посредством их осуществления миллионы людей, которые до сих пор эксплуатировались в Германии небольшим числом лиц и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своего права и той власти, которая подобает им как производителям всех богатств».

Отсюда видно, что «Требования» выдвигались «Союзом коммунистов» в качестве программы объединенной борьбы всех трудящихся, возглавляемых пролетариатом. Маркс и Энгельс полагали также, что победоносная революция в Германии неизбежно станет прологом социалистической революции, ввиду чего ряд требований носит переходный характер, то есть предполагает для своего осуществления выход за пределы буржуазной революции.

Оппортунисты, прикрывающие свою соглашательскую линию словами о «реальной политике», всегда ратовали за наиболее умеренные лозунги, якобы привлекающие на сторону пролетариата все оппозиционные силы. Эти фальсификаторы марксизма обвиняли Маркса и Энгельса в том, что они ставили перед буржуазно-демократической революцией такие цели, которых она по природе своей не могла достигнуть. В противовес оппортунистическому крохоборчеству Ленин, КПСС постоянно указывают на единственно правильный критерий оценки революционных лозунгов: их соответствие интересам дальнейшего развертывания революционного движения. «Требования Коммунистической партии в Германии» находились в полном соответствии с интересами революции, они представляли собой боевую программу борьбы всех трудящихся за демократические преобразования.

Едва ли можно поэтому согласиться с французским марксистом Огюстом Корню, который в своей интересной книге «Карл Маркс и революция 1848 года», приводя вышеуказанные 17 требований, считает, что «эта, по своей тенденции, собственно, коммунистическая программа более соответствовала положению во Франции, чем положению в Германии, о которой в ней шла речь и где стояла задача не разрушения буржуазного режима, а, напротив, задача его установления и помощи буржуазии для свержения абсолютизма и феодализма». Проф. О.Корню, по нашему мнению, не прав, поскольку как в Германии, так и во Франции объективные задачи революции сводились не к свержению буржуазии, а к завершению буржуазно-демократических преобразований. Не следует также забывать и о контрреволюционности немецкой либеральной буржуазии, ввиду чего Маркс и Энгельс не только не предлагали поддерживать ее, а, напротив, разоблачали ее враждебность делу революции.

Таким образом, «Требования Коммунистической партии в Германии» не представляли из себя программы пролетарской революции. Они были направлены на обеспечение передовой роли пролетариата в буржуазной революции. Этот вопрос, как известно, впоследствии был, глубоко разработан В.И.Лениным, доказавшим, что пролетариат, не забывая ни

на минуту своих особых всемирно-исторических задач, поднимает в то же время обще народное знамя борьбы за демократию.

В первых числах апреля Маркс и Энгельс вместе с рядом своих соратников выехали в Германию и, прибыв в Кельн, взяли на себя дело организации большой ежедневной газеты, начатое демократами и отчасти также коммунистами — членами кельнской общины «Союза коммунистов».

Маркс и Энгельс избрали в качестве места своего пребывания Кельн, так как это был центральный город Рейнской провинции — наиболее развитой в промышленном отношении области Германии, где действовало введенное Наполеоном буржуазно-демократическое законодательство и условия для издания революционной газеты были более подходящими, чем в Берлине.

Ознакомление с положением наглядно показало Марксу и Энгельсу, что создание массовой пролетарской партии в Германии пока еще неосуществимо. «Союз коммунистов», как известно, не был такой массовой партией рабочего класса. Отчеты о положении дел в местных общинах «Союза коммунистов», полученные Марксом в течение мая 1848 г. из Бреславля, Майнца, Висбадена, Кобленца, Франкфурта, Нассау, свидетельствовали о том, что Союз оказался слишком слабым рычагом по сравнению со вспыхнувшим движением народных масс. Пролетарские массы были еще политически незрелы, не сознавали необходимости самостоятельной классовой организации. После того как немецкая либеральная буржуазия перешла на сторону монархии, мелкобуржуазная демократия, возглавляемая так называемой Демократической партией, приобрела преобладающее влияние на массы и подчинила своему влиянию пролетариат.

Немецкий рабочий класс периода революции 1848 г. еще не был подготовлен историей к тому, чтобы стать гегемоном в общедемократической борьбе масс. Не было у него и сильной, массовой, влиятельной коммунистической партии. В этих исторических условиях блок с Демократической партией был объективно необходим. Отказ от такого блока фактически означал бы отказ от борьбы за влияние на пролетариат, который, еще не сознавая своей собственной исторической роли, выступал в качестве передового, крайнего левого крыла буржуазно-демократического движения. Впоследствии, в 1887 г., Энгельс писал: «...мы примкнули к Демократической партии, потому что это было единственным возможным средством привлечь к себе внимание рабочего класса...»

Тактика Маркса и Энгельса была блестящим применением принципов диалектического и исторического материализма к руководству революционной борьбой пролетариата. Эта тактика исходила из объективного учета соотношения классовых сил и уровня развития рабочего класса; она исключала всякое доктринерство в отношении к массовому движению, учила идти впереди масс, не отрываясь от них, учиться у масс и учить массы на опыте самой революционной борьбы.

Научный социализм, марксистское учение об исторической миссии

пролетариата в корне противоположны всякому сектантству, которое, как известно, было характерной особенностью утопического социализма. Основоположники марксизма не могли не учитывать того факта, что немецкие рабочие в значительной своей части еще не выделились из общей массы эксплуатируемых и угнетенных. Необходима была, следовательно, такая тактика, которая учитывала бы реальное, объективно обусловленное положение пролетариата и вместе с тем способствовала его выделению в качестве авангарда и руководителя всех угнетенных и эксплуатируемых. Именно такой и была тактика Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс подняли знамя демократии, но демократии, которая, как указывал Энгельс, повсюду подчеркивала свой специфически пролетарский характер. «Если бы, — писал он, — мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам ничего другого не оставалось бы, как проповедывать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: не для этого мы так хорошо изучили утопистов и не для этого составили свою программу».

Основанная на учете реального положения немецкого пролетариата тактика Маркса и Энгельса была вместе с тем направлена на изменение этого положения, т.е. на обеспечение политической самостоятельности пролетариата и его передовой роли в демократической борьбе масс.

Блок с Демократической партией был временным союзом, служившим делу политического воспитания и просвещения пролетариата. Он явился, следовательно, важным этапом в исторической борьбе марксизма за создание массовой пролетарской партии, против мелкобуржуазной идеологии, господствовавшей в рабочем движении того времени.

Маркс и Энгельс решительно выступили как против авантюристического забега вперед, так и против хвостистского отставания от революционной борьбы народа. Так, уже в мае 1848 г. Маркс подверг критике председателя «Кельнского рабочего союза» А.Готшалька, который вместе со своими сторонниками провел решение бойкотировать выборы в Прусское национальное собрание,

Готшальк, объявивший себя сторонником Маркса, игнорировал буржуазный характер немецкой революции и провозглашал в качестве непосредственной задачи рабочего класса завоевание «рабочей республики». Этот «левый», квазиреволюционный в данных исторических условиях, лозунг сочетался у Готшалька, что, впрочем, вполне закономерно, с полной неопределенностью представлений о путях социалистического преобразования. Отвергая Марксистское положение о необходимости завоевания пролетариатом демократических свобод как одного из условий для пролетарской борьбы за социализм, Готшальк вместе с тем выдвигал требования в духе буржуазного либерализма: отмена налогов на продукты питания, предоставление денежной помощи ремесленникам и нуждающимся рабочим и т.п. Это противоречие между

общей политической задачей и теми средствами, которые должны были служить ее осуществлению, наглядно свидетельствовало об оппортунизме руководства «Рабочего союза», смешивавшего демократические и социалистические задачи, вместо того чтобы различать их и связывать между собой. Выражением такого рода расплывчатой, лишенной определенного действенного политического содержания линии был выдвинутый А.Готшалком лозунг: «Свобода, братство и труд», в котором декламация подменяла указания на задачи, пути и средства борьбы рабочего класса.

Если Готшалк и его сторонники авантюристически перескакивали через буржуазно-демократический этап революции, то Стефан Борн — руководитель «Центрального комитета берлинских рабочих» и позднее «Братства рабочих» — игнорировал специфические интересы пролетариата в буржуазной революции и проповедовал хвостистскую тактику соглашения с либералами. Ленин указывал на наличие в рабочем движении Германии 1848 г. двух тенденций — «тенденции Борна (сродни нашим экономистам) и тенденции марксистской».

С.Борн, будучи членом «Союза коммунистов», но не усвоив идей Маркса, пытался соединить их с учением Луи Блана и других мелкобуржуазных социалистов. Он принижал значение революционных методов борьбы, стремился к примирению пролетариев с либеральной буржуазией, третировал идею пролетарской партийности, утверждая, что он никогда не был «рабом партийной политики».

С.Борн и его сторонники, имевшие значительное влияние в рабочих организациях Берлина, выступали против революционной инициативы пролетариата, противопоставляя «яростным фантазерам» путь реформ. 14 июня 1848 г., когда берлинские рабочие сделали попытку овладеть арсеналом, Борн и его сторонники разоружали их, убеждая рабочих, что их сила заключается в соблюдении «порядка», в спокойствии. В письме К. Марксу, написанном по поводу этого события, С. Борн выражал сожаление, что успокоение, имевшее место до 14 июня, может «полностью исчезнуть». Стоит сравнить эти оппортунистические опасения с той высокой оценкой штурма цейхгауза, которую дала «Новая Рейнская газета», чтобы стала очевидна пропасть, разделявшая Маркса и Борна.

Стремясь ограничить требования рабочих и сделать их приемлемыми для немецкой либеральной буржуазии, Борн доказывал, что лозунг республики якобы является утопическим. Задачи рабочего движения Борн сводил к лиублановским экономическим проектам «организации труда», «самопомощи» и государственной помощи рабочим ассоциациям.

В своей газете «Братство» Борн пытался убедить «господствующий класс», что забота о рабочих в его собственных интересах, ибо-де только таким путем можно избежать «печального положения», когда рабочие сами берутся за улучшение своей участи. «Десять заповедей рабочего», опубликованные в «Verbrderung» 9 марта 1849 г., в евангелическом стиле призывали пролетариев трудиться, бороться против всяческих мелких злоупотреблений, требовать справедливой заработной платы, носить

чистое платье (?!), радоваться своей жизни и жить по-чести. Эта обывательская мораль преподносилась рабочим в период острейших классовых схваток, в период революции.

Маркс и Энгельс подвергли резкой критике оппортунистическую тактику С. Борна, противопоставив его «экономическому» крохоборчеству широкую программу политической борьбы рабочего класса. Так в борьбе против Готшалка, Борна и их сторонников, одинаково мешавших хотя и на разный манер, делу политического воспитания пролетариата, Маркс и Энгельс последовательно проводили пролетарскую линию в условиях буржуазной революции, когда свержение политического господства буржуазии не было и не могло еще быть непосредственной задачей пролетариата и его партии. Борьба Маркса и Энгельса против оппортунистических шатаний А.Готшалка и С.Борна явилась важным этапом в разработке марксистского учения о коммунистической партии, существование и развитие которой невозможно без решительной борьбы против оппортунизма.

Первый номер «Новой Рейнской газеты» вышел 1 июня 1848 г. Подзаголовком «Новой Рейнской газеты» было: «Орган демократии». Этот подзаголовок отражал охарактеризованную выше политическую линию Маркса и Энгельса, и было бы грубой ошибкой истолковывать его в том смысле, что «Новая Рейнская газета» не была пролетарской газетой. Классовая линия «Новой Рейнской газеты» — линия революционного пролетариата. И именно поэтому в период революции 1848 г. газета была «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата...»

Интересы революционного пролетариата в то время заключались прежде всего в доведении буржуазной революции до конца. Потому-то Маркс и Энгельс осуждали авантюристическую тактику А. Готшалка и хвостизм С. Борна, извращавших или игнорировавших основные задачи буржуазной революции, в решении которых непосредственно заинтересован пролетариат. Именно поэтому «Новая Рейнская газета» в каждом номере разоблачала контрреволюционность либерализма, имея в виду прежде всего предательство либералами интересов демократии. По тем же причинам газета уже в первом своем номере выступала против буржуазных иллюзий Демократической партии и неревolutionного поведения ее парламентских представителей. Через несколько месяцев «Новая Рейнская газета» писала: «Мы никогда не притязали на честь быть органом какой-нибудь парламентской левой. Напротив, при пестроте различных элементов, из коих образовалась демократическая партия в Германии, мы считаем настоятельно необходимым никого не подвергать такой строгой критике, как именно демократов».

Объявляя себя «органом демократий», газета по-пролетарски понимала демократические задачи. «Новая Рейнская газета» принципиально отличалась от Демократической партии своей высокой оценкой борьбы французских рабочих против буржуазии, своими требованиями единой демократической немецкой республики, уничтожения монархии, беспощадной борьбы против контрреволюции.

В соответствии с «Требованиями Коммунистической партии в Германии» газета Маркса и Энгельса считала важнейшей революционной задачей ликвидацию прусской и австрийской монархий и действительное объединение Германии в единую республику. С этих позиций «Новая Рейнская газета» разоблачала не только либеральную буржуазию, стремившуюся по сути дела превратить Германию в единое конституционно-монархическое государство под эгидой Пруссии, что и мелкобуржуазных демократов, проповедовавших превращение Германии в федерацию отдельных немецких буржуазно-демократических государств. Выдвигая задачу революционного объединения Германии, Маркс и Энгельс исходили из интересов освободительной борьбы пролетариата. «Интересам пролетариата, — писал впоследствии Энгельс, — одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробленности на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного воссоединения Германии в единую нацию, что единственно могло очистить от всяких унаследованных от прошлого препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами».

«Новая Рейнская газета» писала, что революционная национальная задача может быть осуществлена лишь благодаря продолжению борьбы народных масс против абсолютизма, а отнюдь не решениями Франкфуртского парламента. Статьи Маркса и Энгельса о Франкфуртском и Берлинском собраниях разоблачают иллюзии относительно способности этих учреждений решить задачу национального воссоединения Германии. В них вскрывается контрреволюционность господствовавшей во Франкфуртском и Берлинском собраниях разоблачают иллюзии относительно способности этих учреждений решить задачу национального воссоединения Германии. В них вскрывается контрреволюционность господствовавшей во Франкфуртском и Берлинском собраниях либеральной буржуазии и критикуются мелкобуржуазные демократы, уговаривавшие контрреволюционеров вместо того, чтобы апеллировать к массам.

Обращаясь к массам, «Новая Рейнская газета» смело вскрывала беспочвенность иллюзий, которые ими владели. «Ты думаешь, что ты сделал революцию? Заблуждение! Ты думаешь, что ты покончил с полицейским государством? Заблуждение! Ты думаешь, что теперь тебе уже обеспечены право свободного объединения, свобода печати, вооружение народа и прочие высокие слова, которые летели к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение, чистейшее заблуждение!»

Каждая статья газеты на конкретных фактах показывала, что враги демократии не уничтожены, а, напротив, накапливают силы для наступления, что завоевания революции не закреплены, так как вопрос о власти, в сущности, не решен. Газета разоблачала планы реакции, призывая народные массы пресекать все попытки повернуть революцию вспять. Но особенное внимание Маркс и Энгельс уделяли критике антидемократической политики либеральной буржуазии. Газета

разоблачала аграрную, национальную, внешнюю политику либерального министерства, Берлинского и Франкфуртского собраний. Она показывала, что буржуазия защищает юнкерство в вопросе о ликвидации феодальных повинностей, отказывает в поддержке крестьянам, требующим конфискации помещичьей земли, поддерживает издавна проводившуюся Пруссией экспансионистскую политику, направленную на порабощение польского и других народов.

Обращаясь к массам, «Новая Рейнская газета» смело вскрывала беспочвенность иллюзий, которые ими владели. «Ты думаешь, что ты сделал революцию? Заблуждение! Ты думаешь, что ты покончил с полицейским государством? Заблуждение! Ты думаешь, что теперь тебе уже обеспечены право свободного объединения, свобода печати, вооружение народа и прочие высокие слова, которые лети к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение, чистейшее заблуждение!»

Каждая статья газеты на конкретных фактах показывала, что враги демократии не уничтожены, а, напротив, накапливают силы для наступления, что завоевания революции не закреплены, так как вопрос о власти, в сущности, не решен. Газеты разоблачала планы реакции, призывая народные массы пресекать все попытки повернуть революцию вспять. Но особенное внимание Маркс и Энгельс уделяли критике антидемократической политики либеральной буржуазии. Газета разоблачала аграрную, национальную, внешнюю политику либерального министерства, берлинского и Франкфуртского собраний. Она показывала, что буржуазия защищает юнкерство в вопросе ликвидации феодальных повинностей, отказывает в поддержке крестьянам, требующим конфискации помещичьей земли, поддерживает издавна проводившуюся Пруссией экспансионистскую политику, направленную на порабощение польского и других народов.

Отстаивая интересы угнетенных Германией народов, «Новая Рейнская газета» постоянно подчеркивала, что «Германия станет свободной в той же мере, в какой даст свободу соседним народам». Маркс и Энгельс высоко оценивали национально-освободительную борьбу польского и венгерского народов, разоблачая юнкерство и буржуазию Германии и Австрии, подавлявших стремление угнетенных народов к национальному самоопределению.

Наконец, «Новая Рейнская газета» призывала к революционной войне против контрреволюционных европейских правительств — против российского царизма и действовавших заодно с ним правительств Пруссии, Австрии и Англии.

«Новая Рейнская газета» была единственной в Германии и почти единственной в Европе газетой, стоявшей на стороне парижского рабочего класса, вступившего в июне 1848 г. в смертельную схватку с буржуазией. Она высоко, как подчеркивает Энгельс, держала знамя революционного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран обливали побежденных грязью. Пламенные статьи Маркса, посвященные июньскому восстанию, являются замечательным памятником героическим пролетариям Парижа. «Ни одна из немецких

газет, — говорит Энгельс, — ни раньше, ни после — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Новая Рейнская Газета»».

Таким образом, деятельность «Новой Рейнской газеты» была ярким образцом марксизма в действии; она наглядно демонстрировала присущую марксизму способность теоретически обобщать революционную практику, предвидеть ход исторических событий, давать истинный лозунг борьбы, превращать теорию из орудия одного лишь объяснения жизни в орудие ее революционного преобразования.

Участие Маркса и Энгельса в революции не сводилось к одному лишь изданию революционной газеты. Организуя и направляя через газету революционно-демократические и пролетарские силы, Маркс и Энгельс были вместе с тем тесно связаны с рабочими и демократическими обществами, клубами и принимали непосредственное участие в их работе. Вскоре после начала выхода газеты Маркс был избран в члены Окружного комитета демократических обществ Рейнской провинции и в августе 1848 г. вместе с Энгельсом, Вольфом и Шаппером участвовал в конгрессе демократических обществ этой провинций. На заседаниях и собраниях Кельнского демократического общества Маркс и Энгельс решительно выступали против всякого рода оппортунистических предложений, утопических планов, отвлекавших демократические массы от коренных задач борьбы. В августе—сентябре Маркс совершил поездку в Берлин и Вену, где устанавливал связи с революционно-демократическими и пролетарскими элементами, выступал в демократических и рабочих клубах, разоблачая соглашательство буржуазии и парламентариев Демократической партии. В начале сентября Маркс выступил на собрании первого Венского рабочего общества с докладом о наемном труде и капитале.

Возвратившись в Кельн, Маркс и Энгельс вместе с другими членами редакции организовали массовое народное собрание, на котором распространялись «Требования Коммунистической партии в Германии» и был избран комитет безопасности, в состав которого вошел Маркс. Комитет безопасности развернул активную деятельность, особенно в период восстания во Франкфурте, и лишь введением осадного положения в Кельне прусскому правительству удалось предотвратить вооруженное восстание.

«Новая Рейнская газета», выход которой был запрещен во время осадного положения, начала вновь выходить вскоре после снятия осадного положения. Выход газеты был налажен благодаря величайшей энергии Маркса и несмотря на то, что Энгельсу и трем другим членам редакции пришлось покинуть Кельн из-за преследований правительства.

В октябре 1848 г. Марте становится председателем Кельнского рабочего союза. Реакция неоднократно привлекает Маркса к судебной ответственности. Однако все попытки осудить Маркса заканчиваются провалом благодаря решительным действиям кельнских рабочих.

После того как Берлинское собрание в ответ на государственный переворот декретировало отказ от уплаты налогов, Маркс и его соратники

развертывают борьбу за проведение в жизнь этого решения, мобилизуют силы на борьбу против феодально-монархической контрреволюции. Привлеченный к суду, Маркс в своей блестящей речи разоблачает прусское правительство и вынуждает присяжных вынести оправдательный приговор.

После государственного переворота в Пруссии и последовавших за ним событий, способствовавших разочарованию пролетарских масс в политике Демократической партии, Маркс и Энгельс пришли к выводу о необходимости прекращения того временного союза, который был заключен коммунистами с мелкобуржуазной демократией.

В апреле 1849 г. Маркс и Энгельс и их соратники выходят из Рейнского окружного комитета демократических обществ и принимают меры к непосредственной организации пролетарской партии на основе Кельнского рабочего союза, также порвавшего с мелкобуржуазной демократией. Намечается объединение всех рабочих обществ Рейнской провинции. С этой целью Маркс совершает поездку по Вестфалии и северо-западным городам Германии.

Итак, только через год после прибытия в Германию Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию. Отмечая этот факт и сравнивая революцию 1848 г. с революцией 1905 г., Ленин указывал, что в немецкой революции пролетарская струя была несравненно слабее, чем в русской революции 1905 г. Понадобилось длительное время для подготовки в самом ходе революции политического отделения пролетариата от мелкобуржуазной демократии. И именно опыт революционной борьбы привел Маркса к выводу о необходимости отделения.

Однако Марксу и Энгельсу не удалось осуществить намеченный ими план организации пролетарской партии. После того как подготовленная Франкфуртским собранием конституция была отвергнута реакцией, началась вооруженная борьба за проведение конституции. Но восстания в защиту Франкфуртского собрания были быстро подавлены. Торжествующая феодально-монархическая реакция начала разгром революционных организаций. Маркс» как потерявший в период своей эмиграции прусское подданство, получил приказ покинуть территорию Пруссии. Энгельс был вынужден скрываться от судебного преследования. Само собой разумеется, что дальнейший выход «Новой Рейнской газеты» без Маркса и Энгельса был невозможен. Последний, опечатанный красной краской номер газеты вышел 19 мая. В нем редакторы «Новой Рейнской газеты», обращаясь к рабочим, заявляли, что «их последним словом всегда и всюду — будет: освобождение рабочего класса!» Так были подведены итоги славной революционной деятельности газеты Маркса и Энгельса.

В последующие дни Маркс, находясь во Франкфурте, стремился воздействовать на левых представителей Национального собрания с тем, чтобы собрание призвало на свою защиту повстанческие отряды баденских и пфальцских демократов. С этой же целью он вместе с Энгельсом . направился в Маннгейм, Карлсруэ и другие города, где они

вели переговоры с руководителями повстанческих отрядов. Энгельс, Молль и другие члены «Союза коммунистов» вступили в ряды участников восстания, Вольф занял свое депутатское место во Франкфуртском собрании. В начале июня Маркс переезжает в Париж, где поддерживает связи с тайными рабочими обществами и требует от социалистическо-демократической партии перехода к внепарламентской, борьбе. Бонапартистское правительство издает декрет о высылке Маркса из Парижа. «Здесь, — писал Маркс Энгельсу 7 июня 1849 г., — господствует роялистская реакция, более бесстыдная, чем во времена Гизо...»

Изгнанный из Франции победившей контрреволюцией, так же как до этого из Германии, Маркс переселяется в Лондон. Туда же в ноябре 1849 г. после поражения баденского восстания приезжает Энгельс. Здесь Маркс и Энгельс выступают в Рабочем обществе с серией докладов по политической экономии, готовят издание журнала, принимают меры к восстановлению «Союза коммунистов», ведут борьбу с мелкобуржуазными элементами эмиграции. В марте 1850 г. Маркс и Энгельс от лица Центрального комитета «Союза коммунистов» выпустили обращение, имевшее целью организационное воссоединение Союза и определение тактической линии в связи с ожидавшимся, как казалось тогда, новым взрывом революции. В этом обращении была классически сформулирована идея непрерывной революции.

В той же месяце вышел первый номер журнала «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение», название которого указывало на его преемственность с революционной кельнской газетой. И действительно, статьи Маркса и Энгельса в «Обзрении» были дальнейшим развитием идей «Новой Рейнской газеты». В «Обзрении» была опубликована серия статей Маркса составивших книгу «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», работа Энгельса «Крестьянская война в Германии» и ряд написанных Марксом и Энгельсом совместно политико-экономических обзоров. В течение 1850 г. было выпущено шесть номеров журнала, после чего издание было прекращено из-за отсутствия средств.

В первое время лондонской эмиграции Маркс и Энгельс ожидают нового подъема революционной волны. И первое и второе обращения Центрального комитета «Союза коммунистов» исходят из этой перспективы. Подытоживая исторический опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс приходили к выводу, что общественные потребности, вызвавшие эти революции, не получили своего удовлетворения, не исчезли, а, следовательно, период революций еще не завершился. Соответственно этому Маркс и Энгельс писали в 1850 г., что «в недалеком будущем предстоит взрыв новой революции». Однако промышленный подъем, начавшийся в конце 1849 г., все более свидетельствовал о том, что революционная буря временно исчерпала себя, хотя задачи, стоявшие перед революцией, все еще не были решены.

Глубокое изучение экономического положения, выяснение того, что экономический подъем, наступивший после поражения революций, явился основой временной победы контрреволюции, привели Маркса и

Энгельса к пересмотру некоторых тактических установок. Уже осенью 1850 г. Маркс и Энгельс отказались от представления, что новая революция должна начаться в ближайшем будущем, и, таким образом, подошли к выяснению вопроса об условиях наступления новой революции. Маркс и Энгельс писали в ноябре 1850 г.: «В период всеобщего промышленного расцвета, при котором производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазных отношениях, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна лишь в такие периоды, когда оба эти фактора, т.е. современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают в противоречие друг с другом».

Исходя из трезвого анализа положения, сложившегося после поражения революции, Маркс и Энгельс, как указывает В.И. Ленин, прямо и открыто потребовали «коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой».

Этот поворот в тактике оказался не по плечу некоторым мелкобуржуазным элементам «Союза коммунистов» во главе с Виллихом и Шаппером. Последние, подобно другим лондонским эмигрантам» все еще питали иллюзии, будто начало новой революции непосредственно зависит от организационной и агитационной деятельности демократической эмиграции. Склоняясь к бланкистскому представлению, что главное в подготовке и осуществлении революции — надлежащая организация заговора, Виллих и Шаппер выступили против новой тактики Маркса и Энгельса. Раскол, вызванный фракционной деятельностью группы противников тактики Маркса и Энгельса, ослабил и без того малочисленный «Союз коммунистов». По предложению Маркса функции лондонского Центрального комитета были переданы кельнскому окружному комитету «Союза коммунистов» — наиболее значительной организации Союза в Германии.

Фракция Виллиха—Шаппера, упиваясь революционной фразой, заявляла, что нельзя уходить на покой, что и в условиях поражения революции следует проводить ту же тактику, что и в период революции, что «Союз коммунистов» должен теперь же завоевать власть, иначе ему вообще нечего делать и т.д. Маркс так объяснял корни авантюристических прожектов Виллиха и Шаппера: «Насильственное подавление революции оставляет в головах ее участников, в особенности выброшенных с отечественной арены в изгнание, такое потрясение, которое даже сильных людей делает на более или менее продолжительное время, так сказать, невменяемыми. Они не могут дать себе отчета в ходе истории, они не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции, одинаково компрометирующая как их самих, так и то дело, которому они служат; отсюда и промахи Шаппера и Виллиха».

Разоблачая взгляды Виллиха—Шаппера, Маркс говорил: «На место критических воззрений меньшинство ставит догматические, на место

материалистических идеалистические. Движущей силой революции для него становится просто воля вместо действительных отношений. Между тем как мы говорим рабочим: «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, не только для того чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». Вы говорите наоборот: «Мы должны сейчас же достигнуть господства, или нам не остается, ничего делать»».

Это положение Маркса, вскрывающее неспособность фракционеров по-революционному работать в новых, изменившихся условиях, имело большое значение для развития марксистского учения о партии пролетариата. Итоги борьбы Маркса и Энгельса против фракции Виллиха–Шаппера свидетельствовали о том, что марксизм вышел из революционной бури 1848–1849 гг. еще более зрелым, обогащенным новым историческим опытом и новыми теоретическими и тактическими положениями.

В 1851–1852 гг. Энгельс при участии Маркса написал серию статей для газеты «Нью-Йорк дейли трибюн» под общим названием «Революция и контрреволюция в Германии», а в 1852 г. Маркс создал «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Все эти произведения подводят итоги революций 1848 г., теоретически обобщают опыт пореволюционного развития и обогащают теорию марксизма.

В 1852 г. прусское правительство инсценировало посредством всякого рода фальшивок, подлогов, лжесвидетельств кельнский процесс «Союза коммунистов», Маркс и Энгельс организуют на страницах передовых европейских и американских газет разоблачение гнусных методов прусской охраны. Ярким документом борьбы против прусского правительства являются опубликованные Марксом «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов».

Вскоре после окончания кельнского процесса, в результате которого подсудимые были приговорены к каторжным работам, существование «Союза коммунистов» прекратилось. Поражение революций 1848–1849 гг. привело к временному торжеству политической реакции, к временному спаду рабочего движения. Экономический кризис, бывший одной из предпосылок революций 1848–1849 гг., сменился периодом «процветания». Капитализм все еще развивался по восходящей линии. В этот период, когда, как указывал В. И. Ленин, выдвигаются на первый план экономические идеи марксизма, Маркс и Энгельс, творчески развивая свое учение, готовят передовые пролетарские кадры к новым, приближающимся боям, неизбежность которых они гениально предвидят.

1. Проблема революции

в трудах Маркса и Энгельса периода формирования марксизма

Научная идеология пролетариата закономерно, с исторической необходимостью возникла в конце первой половины XIX в, в Европе, где к этому времени уже утвердился капитализм, пришедший на смену феодальному способу производства. Возникновение марксизма отразило с позиций революционного пролетариата прогрессирующее обострение экономических и политических антагонизмов буржуазного общества, назревание экономических предпосылок социализма в недрах капиталистического строя, коренные потребности рабочего движения, не имевшего до тех пор правильной революционной теории.

Формирование марксизма происходило накануне революций 1848 г. Таким образом, не только общий характер исторических условий возникновения марксизма, но и специфические особенности исторического развития Европы, и в особенности Германии, куда перемещался центр революционного движения, выдвигали на первый план проблему революции. Не случайно поэтому уже в своей докторской диссертации (1841 г.), написанной с идеалистически-гегельянских, но вместе с тем революционно-демократических позиций, Маркс призывает революционную бурю и выступает буревестником приближающейся буржуазно-демократической революции. Столь же не случайно и то, что юноша Энгельс в своих письмах к братьям Греберам восторженно говорит о французских революциях 1789 и 1830 гг. и безоговорочно утверждает «Я жду чего-либо хорошего только от того государя, вокруг головы которого свистят пощечины его народа и во дворце которого революцией выбиты стекла».

Исходным пунктом развития политических взглядов Маркса и Энгельса был революционный демократизм, качественно отличавший их воззрения и все направление их деятельности от младогегельянской идеологии, провозглашавшей «терроризм чистой мысли», но избегавшей всего, «что выходит за пределы философии». Буржуазный радикализм младогегельянства был глубоко враждебен делу практически-революционного выступления против существовавших в Германии реакционных порядков. Неизбежность революции, все более и более очевидная, вызывала страх среди либеральных буржуа. Эти буржуа, радикальные на словах и консервативные на деле, искали мирного выхода из сложившегося положения и заранее пытались смягчить грядущие столкновения.

В своем отношении к революции, как и в других вопросах, младогегельянцы в значительной мере следовали за Гегелем, хотя они и не разделяли его поклонения перед монархией.

Гегель признавал выдающееся значение и историческую необходимость революции 1789 г. во Франции как стране католической, лишенной-де истинной религии, а следовательно, по мнению Гегеля, и истинной свободы, Германия же, утверждал Гегель, благодаря лютеровской реформации еще в XVI в. наилучшим образом осуществила то, что французы сделали в конце XVIII в. Гегель считал Германию воплощением высшей ступени развития абсолютного духа, а французскую буржуазную революцию изображал как «субъективную» и, следовательно, низшую стадию саморазвития абсолютного духа, когда дух восстает против действительности, не сознавая еще, что сама она разумна. С точки зрения Гегеля, революция выступала как необходимая стадия развития, самопознания и вместе с тем заблуждения абсолютного духа. Но так как абсолютный дух в разных странах проходит различные ступени своего саморазвития, то повторение революции, совершившейся во Франции, в других странах не является необходимостью. Французская революция, утверждал Гегель, началась свержением монархии, но она завершилась ее восстановлением; борьба за свободу породила террор, явившийся, по мысли Гегеля, наглядным доказательством невозможности демократии как длительно существующей формы человеческого общежития.

Против этого подчиненного консервативным задачам истолкования проблемы революции Маркс и Энгельс выступают с первых шагов своей общественной деятельности, выдвигая идею революционного свержения реакционных порядков, господствовавших в Германии.

В «Рейнской газете» Маркс отстаивает право народа на революцию. Энгельс в статье «Фридрих Вильгельм IV, король прусский», опубликованной в Швейцарии, высказывает уверенность в неизбежности революционного свержения прусской монархии и связанных с нею реакционных общественных учреждений. Стоит сравнить эту статью Энгельса с утверждением Прудона, что эра революций миновала навсегда!

В переписке с А.Руге, предшествовавшей организации «Немецко-французского ежегодника», Маркс обстоятельно обсуждает перспективы революции в Германии, в ней обнаруживается коренная противоположность между формирующимся пролетарским революционером и буржуазным радикалом. Так, например, в одном из своих писем Маркс выражает глубокую уверенность в том, что его родина находится накануне революции. Руге, отвечая Марксу, фактически отказывается от сознательной идейно-политической подготовки революции, заявляя, что в Германии она, увы, невозможна. «Наш народ не имеет будущности...», — восклицает Руге. В ответном письме Маркс критикует эту «надгробную песнь», противопоставляя лицемерным либеральным сетованиям глубочайшую убежденность революционера, опирающуюся на анализ исторического развития.

Письма Маркса, датированные 1843 г. еще не говорят нам, видел ли он в то время историческую ограниченность буржуазных революций. Ответ на этот вопрос дают его статьи, опубликованные в «Немецко-французском ежегоднике». Здесь Маркс вскрывает классово

ограниченное содержание буржуазно-демократической программы социальных преобразований, которая всячески идеализировалась младогегельянами. Последние не шли дальше отделения церкви от государства, ликвидации имущественного ценза, сословных привилегий и т.п. К этому же сводили они все задачи так называемой политической эмансипации, т.е. буржуазно-демократических преобразований. Маркс категорически отвергает эту идеализацию буржуазно-демократических задач, противопоставляя политической эмансипации эмансипацию человеческую, т.е., в сущности, социалистическую революцию. Он указывает, что политическая эмансипация «представляет собой большой прогресс», но лишь в пределах буржуазного миропорядка. Таким прогрессом является, например, уничтожение имущественного ценза при выборах. Однако это «политическое аннулирование частной собственности» нисколько не упраздняет ее фактического господства. Ссылаясь на опыт буржуазных революций в Англии и Франции, Маркс показывает, что осуществленные ими социальные преобразования являются в лучшем случае лишь частичным освобождением человека. Посягая на феодальную собственность, разрушая ее, буржуазные революции утверждают капиталистическую собственность, лишенную каких бы то ни было открытых политических привилегий, но господствующую с не меньшим деспотизмом, чем собственность помещика.

Таким образом, противоположность между буржуазной и пролетарской революцией характеризуется Марксом в этот период как противоположность между политической и человеческой эмансипацией. Терминология эта, конечно, еще не адекватна предмету, который она обозначает. Понятие «человеческая эмансипация», имея в виду социалистическое преобразование общества, еще не указывает на необходимость диктатуры пролетариата. Кроме того, в выражении «человеческая эмансипация» обнаруживается влияние фейербаховского антропологизма. Но если иметь в виду не форму выражения, а существо вопроса, то «человеческая эмансипация» означает ликвидацию пролетариатом частной собственности. Маркс прямо указывает на пролетариат как на единственную общественную силу, способную опрокинуть, разбить силы, враждебные человеческой эмансипации. Социалистическое преобразование всей человеческой жизни, указывает он, не может быть достигнуто одним лишь просвещением развитием сознания, воздействием философии на общественную жизнь: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

Итак, в «Немецко-французском ежегоднике» Маркс формулирует идею всемирно-исторической миссии пролетариата и доказывает необходимость революционного осуществления «человеческой эмансипации». Однако, провозглашая неизбежность пролетарской революции, Маркс считает необходимым также участие пролетариата в буржуазной революции. Он указывает на неспособность немецкой

буржуазии решить стоящие перед ней демократические задачи. В последующих своих трудах Маркс и Энгельс конкретизируют, углубляют и развивают эти мысли об отношении пролетариата к буржуазной революции, об участии в ней рабочего класса.

В «Немецко-французском ежегоднике» социалистическая революция понималась как «человеческая эмансипация», противопоставляемая политической эмансипации — буржуазной революции. Но и в социалистической революции основным вопросом является вопрос о власти. Противопоставление человеческого и политического (весьма распространенное в тогдашней социалистической литературе) непосредственно еще не вело к постановке вопроса о диктатуре пролетариата, т.е. об основном политическом содержании пролетарской революции. Поэтому, несмотря на гениальное открытие исторической миссии пролетариата — разрушителя капиталистического общества, идея диктатуры пролетариата еще не могла быть выдвинута Марксом и Энгельсом в статьях, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике». Но проходит немного времени, и в том же 1844 г. в парижской, (издававшейся на немецком языке) газете «Вперед!» в статье Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа» Маркс указывает на политический характер социальной революции пролетариата, которая прежде всего должна решить вопрос о государственной власти. В этой статье Маркс разъясняет, что существует неразрывная связь между революционным отрицанием старого общественного строя несоответствующей ему государственной власти: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер».

Трудно переоценить значение этого положения. Оно связывает отрицание экономической основы капитализма — частной собственности на средства производства — с отрицанием его политической надстройки, политического господства буржуазии.

Положение Маркса о том, что социалистическое преобразование общества («человеческая эмансипация») представляет собой не только экономический, но и политический переворот, было важным шагом вперед, к формулированию идеи диктатуры пролетариата, вытекающей из открытия его исторической миссии. Социализм, пишет Маркс, «не может быть осуществлен без революции». Однако, имея в виду в данном случае разрушительные задачи пролетарской революции — «ниспровержение существующей власти и разрушение старых отношений...», Маркс еще не ставит прямо вопроса о диктатуре пролетариата.

Следует отметить, что рассмотренные выше положения были выдвинуты Марксом в полемике с буржуазным радикалом А.Руге и означали бесповоротный разрыв с ним, что и было главной причиной прекращения издания «Немецко-французского ежегодника». Речь шла о силезском восстании ткачей 1844 г. Руге, представлявшему буржуазно-демократические преобразования вершиной общественного прогресса,

самостоятельное движение рабочего класса, в тенденции проявившееся уже в силезском восстании, казалось бессмысленным и реакционным. Ведь рабочие выступали против капиталистов! А.Руге готов был признать правомерность рабочего движения лишь в качестве ударной силы немецкой буржуазии. В противоположность Руге Маркс увидел в силезском восстании прообраз будущей массовой и сознательной освободительной борьбы пролетариата, закономерно приводящей к социалистической революции. Разобранные выше теоретические положения Маркса были органически связаны с его оценкой силезского восстания.

На этом примере мы видим, что теоретическое обобщение исторического опыта с позиций марксизма не имело ничего общего с констатацией уже совершившегося в духе узкого эмпиризма, С точки зрения такого эмпиризма силезское восстание ткачей, несомненно, было голодным бунтом, последним актом отчаяния, бессмысленным хотя бы потому, что победить ткачи никак помогли. Но с точки зрения диалектического материализма, рассматривающего явления в их противоречивом развитии, силезское восстание, как и другие рабочие восстания того времени, было одним из первых предвестников пролетарской революции. Поистине необходим был гений Маркса, чтобы в этих незрелых выступлениях незрелого пролетариата прозорливо увидеть грядущее.

В экономическо-философских рукописях, работа над которыми относится главным образом к 1844 г., Маркс обосновывает объективную закономерность революционной борьбы пролетариата, направленной на уничтожение политического господства буржуазии. Он признает историческую неизбежность частной собственности, указывая вместе с тем на ее переходящий характер.

Буржуазную политическую экономию Маркс изобличает в увековечивании частной собственности и вырастающих на ее основе социальных антагонизмов. Буржуазный характер политической экономии ярко сказывается в том, что, объявив частную собственность атрибутом человека, она не замечает, что люди, создающие все материальные ценности, являются неимущими, а плоды их деятельности, их жизни присваиваются имущими классами. Частная собственность порабощает людей: поэтому, как говорит Маркс, уничтожение частной собственности означает окончательное освобождение человеческой личности.

Выделив пролетариат из всей массы угнетенных и эксплуатируемых, разоблачая буржуазную политическую экономию, освящающую законы капитализма, Маркс теоретически обосновывает свое гениальное положение о социалистической миссии пролетариата.

В то время, в 1843–1844 гг., Энгельс, находясь в Англии, так же как и Маркс, пришел к диалектическому материализму и научному коммунизму. Об этом свидетельствовали статьи, опубликованные им в «Немецко-французском ежегоднике», и другие теоретические работы, написанные Энгельсом до начала его совместной работы с Марксом.

В первом своем совместном произведении «Святое семейство», опубликованном в 1845 г., основоположники марксизма разоблачают младогегельянцев, противопоставлявших теоретическую критику существовавших в Германии общественных порядков практическому, революционному их изменению.

Младогегельянцы разглагольствовали о всемогуществе самосознания. Они заявляли, что материальные силы и политические установления существуют лишь по воле самосознания и бессильны против него. Для того, чтобы изменить мир, ничего не надо, кроме деятельности сознания, сознающего свою мощь. Наделяя самосознание невероятной мощью, младогегельянцы, естественно, отличали его от сознания обычных людей, противопоставляли его сознанию народа как некую трансцендентную силу. Они признавали лишь теоретическую борьбу, противопоставляя ее практической борьбе и третируя последнюю как проявление грубой чувственности. Здесь наглядно видна ограниченность буржуазного радикализма. Это не та беспощадная критика, к которой призывал Маркс еще в 1843 г., это – либеральный призыв к «революции сверху», к «легальной революции» вопреки ужасающей буржуазной революции народа.

Младогегельянцы считали себя архиреволюционерами, потрясателями вековых устоев. Эта иллюзия, разделявшаяся не только младогегельянами, но и их противниками справа, впервые была развеяна лишь Марксом и Энгельсом.

Младогегельянцы похвалялись тем, что они апеллируют не к богу, а к человеческому сознанию, объявляя его единственным божеством. Маркс и Энгельс показывают, что подобная концепция в сущности ведет к поповщине, ибо сторонник этой концепции, объявляющий себя врагом поповщины, «на место действительного индивидуального человека ставит «самосознание», или «дух», и вместе с евангелистом учит: «Дух животворящ, плоть же немощна»». Если в 1841–1843 гг., когда Маркс и Энгельс еще не были материалистами, они в известной мере разделяли иллюзии младогегельянцев о противоположности «разумного» идеализма фантастическим представлениям религии, то теперь они бесповоротно порывают с этим ошибочным взглядом, формулируя основы материалистического понимания природы и общества.

Младогегельянцы, отвергая внемировое существование абсолютной идеи, объявили абсолютным самосознание. Если Гегель считал философию бытием абсолютного духа, младогегельянцы, преодолевая «непоследовательность» своего учителя, объявили философствующего индивидуума (т.е. самих себя) абсолютным духом.

Народ, по мнению этих идеологов немецкой буржуазии, щеголявших революционной фразеологией, способен вдохновляться лишь ложными идеями, его-де не одушевляет истина, в силу чего, как утверждал Б.Бауэр, «в массе, а не в чем-либо другом, следует искать истинного врага духа».

Разоблачая антинародный характер идеалистической интерпретации истории как умственной деятельности выдающихся «критиков»,

действующих вопреки трудящимся, массам, Маркс и Энгельс доказывают, что не «критическая критика», а народ является подлинной движущей силой истории.

Немецкие буржуазные идеологи прикрывали свой страх перед революционным путем буржуазно-демократических преобразований во Франции националистическими рассуждениями о «грубости», «примитивности» французского народа, об особом пути развития Германии. Маркс и Энгельс посвящают специальный раздел «критическому сражению» младогегельянцев против идеологии французской буржуазной революции. Б. Бауэр отвергал французскую революцию, утверждая, что ее идеи не выводили за пределы тогдашнего социального строя. Идеям французского просвещения Бауэр противопоставлял гегельянские конструкции, якобы независимые от социальной обстановки. Маркс осмеивает эти иллюзии либерального бессилия. «Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка, идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу».

Эти важнейшие теоретические положения находят свое дальнейшее развитие в «Немецкой идеологии» – крупнейшем произведении Маркса и Энгельса периода становления марксизма.

Завершая разоблачение младогегельянской философии, авторы «Немецкой идеологии» доказывают, что для уничтожения господства человека над человеком недостаточно сознания, самосознания и т.п. Для этого необходимо уничтожение частной собственности на средства производства. Однако, чтобы уничтожить частную собственность, недостаточно сознания необходимости ее уничтожения. Для этого нужны определенные материальные предпосылки, создаваемые лишь развитием крупной промышленности. «Немецкая идеология» еще не раскрывает экономических законов возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства. Но исходя из того, что «не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории», основоположники марксизма ставят вопрос о неизбежности революционного перехода от капитализма к социализму. Они глубоко вскрывают ограниченный характер буржуазных революций, которые не уничтожают эксплуатации человека человеком, а лишь изменяют ее формы соответственно развитию производительных сил. В противовес утопическим социалистам, по мнению которых ограниченность всех прежних революций коренилась в насильственности осуществлявшихся ими переворотов, Маркс и Энгельс, высоко оценивая революционное насилие, показывают, что его характер и возможности обусловлены экономическим базисом общества. Идеалисты воображают, будто мера свободы, которую завоевывает каждое поколение, определяется степенью развития понятия свободы: с этой точки зрения ограниченность буржуазных революций объясняется отсутствием развитых идеалов, понятий относительно общественной жизни. В действительности же, как разъясняют Маркс и Энгельс, люди

освобождались всякий раз постольку, поскольку это позволялось им существующими производительными силами. «В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других...»

Связывая возможность и необходимость коммунистической революции с определенным, сравнительно высоким уровнем развития производительных сил, Маркс и Энгельс вскрывают тем самым экономические предпосылки уничтожения эксплуатации человека человеком.

Хотя Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» уже проводят различие между общественно-экономическими формациями, тем не менее они вскрывают не столько специфические антагонизмы буржуазного общества, сколько главным образом антагонистические противоречия, свойственные всей истории человечества со времени возникновения частной собственности на средства производства. Необходимость пролетарской революции еще не выводилась Марксом и Энгельсом непосредственно из исследования законов развития капитализма, экономические предпосылки социализма ближайшим образом еще не исследовались. Это было сделано Марксом и Энгельсом в последующих трудах. Здесь же основоположнику научного коммунизма исходят из анализа антагонистических противоречий, существующих на всем протяжении развития частной собственности. Социалистический идеал обосновывается, таким образом, всей историей человечества, материалистическим пониманием всего исторического процесса, поскольку социализм, действительно, означает конец всей предистории человечества и начало его действительной истории.

Трудно переоценить значение гениальной идеи Маркса и Энгельса о связи социальных революций с развитием производительных сил. Эта идея раскрывает связь политики и экономики, разоблачает сведение революции к одним только сменам правительств, государственным переворотам, ставит вопрос о революциях на историческую почву. Исследуя исторические предпосылки пролетарской революции, Маркс и Энгельс ставят вопрос о политических предпосылках пролетарской революции, вплотную подходят к положению о необходимости завоевания государственной власти пролетариатом. При этом революция рассматривается не только как средство для завоевания власти, но и как путь социалистического перевоспитания самого пролетариата: «...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества».

В этом замечательном положении марксистское понимание необходимости пролетарской революции выступает во всем своем величии. В противовес буржуазным концепциям, отвергающим

необходимость революций» в противовес тем мелкобуржуазным теориям, которые примиряются с революциями (поскольку-де нет иного выхода), Маркс и Энгельс обосновывают необходимость социальной революции пролетариата, ее величайшее организующее, преобразующее, облагораживающее значение.

С позиций материалистической, объективной, исторической оценки революций Маркс и Энгельс подходят к оценке буржуазной революции, назревавшей в Германии. Не ограничиваясь, признанием исторической прогрессивности и закономерности буржуазно-демократических преобразований, Маркс и Энгельс вскрывают специфические условия, отличающие приближавшуюся германскую революцию от тех буржуазных революций, которые имели место в прошлом. В статьях, посвященных критике К.Гейнцена, Маркс и Энгельс буквально предвосхищают основные черты немецкой революции 1848 г., в том числе и политическую линию либеральной буржуазии. Маркс и Энгельс указывают, что Германия с опозданием вступила на путь капиталистического развития и немецкая буржуазия начинает свою борьбу с абсолютной монархией в такое время, когда во всех развитых странах буржуазия уже ведет ожесточенную борьбу с рабочим классом. И в самой Германии существуют и развиваются противоречия между буржуазией и рабочим классом, проявившиеся, например, в силезском и богемском рабочих восстаниях. «Таким образом, немецкая буржуазия очутилась в противоречии с пролетариатом еще прежде, чем она политически конституировалась как класс. Борьба между «подданными» разгорелась прежде, чем государи и дворянство были изгнаны из страны вопреки всем гамбахским песням».

Характеризуя немецкую буржуазию, Маркс и Энгельс подчеркивают, что если контрреволюционное перерождение английской и французской буржуазии явилось результатом победоносных буржуазных революций, то в Германии оно происходит накануне буржуазной революции. Вводу этого немецкие буржуа стараются, поскольку возможно, мирным путем преобразовать феодальную монархию в буржуазную монархию.

Указывая на ограниченность буржуазной революции, разоблачая буржуазную идеализацию ее задач, Маркс и Энгельс считают вместе с тем необходимым участие пролетариата в буржуазной революции. Это участие тем более необходимо, что буржуазия стремится максимально сократить объем демократических преобразований, в то время как пролетариат кровно заинтересован в том, чтобы довести буржуазную революцию до конца.

Основоположники марксизма подвергают критике буржуазного радикала К.Гейнцена, объявившего коммунистов противниками демократии. Обвиняя Маркса и Энгельса в том, что они обращаются не к людям, а к классам и натравливают людей одной профессии на представителей другой, К.Гейнцен выражал тем самым стремление буржуазных радикалов политически изолировать коммунистов и подчинить себе пролетарское движение. Разоблачая эту демагогию, Маркс и Энгельс показывают, что они критикуют Гейнцена и ему

подобных отнюдь не за то, что они не коммунисты, за то, что они не являются решительными революционными демократами. Коммунисты, пишет Энгельс, «не за то нападают на Гейнца, что он не коммунист, а за то, что он плохой публицист демократической партии. Они нападают на него не как коммунисты, а как демократы... Если бы не было никаких коммунистов на земном шаре, то против Гейнца должны были бы выступить демократы». «Пока, следовательно, демократия еще не завоевана, до тех пор коммунисты и демократы борются рука об руку, и интересы демократов являются также интересами и коммунистов».

В этих словах блестяще выражено пролетарское отношение к борьбе за демократические, буржуазные по своему существу, преобразования. Маркс и Энгельс с самого начала своей деятельности на поприще освободительной борьбы пролетариата выступают как решительные враги сектанства и доктринерства. Борьба с либерализмом не только не означает для Маркса и Энгельса отрицания значения буржуазно-демократических преобразований, а, напротив, является неотъемлемым звеном действительной борьбы за демократию.

Ставя вопрос о политической линии пролетариата в буржуазной революции, Маркс подчеркивает, что активное участие рабочего класса в буржуазной революции не преследует непосредственно цели установления диктатуры пролетариата, поскольку свержение политического господства буржуазии возможно и необходимо лишь при наличии определенных экономических условий. «Поэтому, — говорит Маркс, — если пролетариат свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь мимолетной: она окажется лишь моментом в ходе самой же буржуазной революции, моментом, который служит ее дальнейшему развитию, как это было в 1794 г., и победа пролетариата останется таковой до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не выработались еще материальные условия, создающие необходимые предпосылки, для устранения буржуазного способа производства, а следовательно — и окончательного падения политического господства буржуазии».

Накануне буржуазной революции в Германии это положение имело большое значение для выяснения реальной исторической перспективы и мобилизации всех боеспособных, революционных сил для борьбы за демократию. Предупреждая против авантюристического забегания вперед, Маркс и Энгельс вместе с тем подчеркивали, что трудящиеся являются наиболее революционной силой во всех революциях. Они указывали, что пролетариат всегда и везде стремится уничтожить всякое угнетение и эксплуатацию и, хотя это стремление осуществимо лишь при наличии определенных экономических предпосылок, тем не менее оно всегда является могущественной силой исторического движения.

В «Нищете философии» Маркс вскрывает идейное убожество прудоновских планов реформирования капиталистического строя, противопоставляя им идею революционного уничтожения капитализма. В борьбе против «истинных социалистов» Маркс и Энгельс доказывают, что не сентиментальная проповедь всеобщей любви и взаимопомощи ведет к

социализму, а борьба классов, закономерным следствием которой является пролетарская революция.

В «Манифесте Коммунистической партии» идея социалистической революции выступает в неразрывной связи с идеей диктатуры пролетариата.

Весь «Манифест Коммунистической партии» посвящен доказательству необходимости пролетарской революции для социалистического преобразования общества. Разрабатывая теорию классовой борьбы, раскрывая непримиримость классовых интересов пролетариата и буржуазии, прослеживая объективную логику борьбы этих классов, Маркс и Энгельс приходят к идее диктатуры пролетариата. Пролетарская революция рассматривается основоположниками марксизма как высшая форма классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, как низвержение политического господства буржуазии и установление политического господства пролетариата.

«Коммунистический Манифест» показывает, что основоположники марксизма во всеоружии встретили революцию 1848 г. Не следует, конечно, думать, что еще до революции были решены все вопросы, вставшие в ходе революционной бури. Однако уже накануне революции Маркс и Энгельс выработали те основные положения, которые получили дальнейшее развитие на опыте 1848—1849 гг. Еще в предреволюционный период марксистская философия проявила такие внутренне присущие ей качества, как теснейшая связь с практикой, способность осмысливать явления общественной жизни в момент их возникновения, устремленность в будущее, прозорливость, действенность, антидогматичность.

Революция 1848 г. поставила ряд вопросов, на которые мы не находим ответа в произведениях Маркса и Энгельса предреволюционного периода. По-новому встал вопрос о путях перехода от буржуазной к пролетарской революции, поскольку (правда, в зародыше) выявилась возможность перерастания первой, во вторую. Требовалась более конкретная постановка вопроса об отношении пролетариата к либеральной буржуазии, а также к мелкой буржуазии, в особенности к крестьянству.

В период формирования марксизма Маркс и Энгельс, обосновывая идею, об исторической миссии пролетариата, естественно, уделяли главное внимание изучению качественного отличия пролетариата от всех других угнетенных и эксплуатируемых классов. Высоко оценивая значение буржуазных революций и демократических преобразований, связанных с ними, основоположники марксизма прежде всего ставили своей задачей разоблачение буржуазных (и мелкобуржуазных) иллюзий, согласно которым ликвидация помещичьего землевладения, сословий, установление республики и прочих буржуазно-демократических институтов устраняют господство человека над человеком, господство капитала, а следовательно, и классовую борьбу.

Без проведения качественного различия между социалистической борьбой и борьбой демократической невозможно было создание научного

социализма – идеологии пролетариата. Буржуазной революции, которую всячески идеализировали мелкобуржуазные демократы, основоположники научной пролетарской идеологии противопоставляли социалистическую революцию как единственную, способную навсегда уничтожить эксплуатацию человека человеком.

Раскрывая принципиальное отличие научного социализма от идеологии буржуазии и мелкобуржуазных слоев населения, Маркс и Энгельс, естественно, подчеркивали не то общее, что имеется между борьбой за социализм и борьбой за демократию, а то, -что качественно отличает их друг от друга. Исходя из опыта прошлых буржуазных революций Маркс и Энгельс рассматривали завоевания буржуазной демократии как политическую предпосылку для пролетарской борьбы за социализм. Конечно, Маркс и Энгельс были решительным» противниками того буржуазного взгляда, что борьба за демократию - дело буржуазии, о чем свидетельствовало, в частности, их выступление против Гейнцена. Однако не вопрос связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм, а вопрос о качественном различии между тем и другим выступал тогда на первый план. Не вопрос о связи между революцией буржуазной и революцией социалистической, а вопрос об их коренной принципиальной противоположности находился в центре внимания основоположников марксизма.

Обобщая опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс, с одной стороны, развили и конкретизировали свое понимание противоположности между пролетарской и буржуазной революциями и, с другой стороны, доказали, что при определенных объективных условиях становится возможной непрерывная революция, т.е. переход от революции буржуазной к революции социалистической.

В середине 40-х годов XIX в., когда взгляды основоположников марксизма еще формировались, Маркс и Энгельс полагали, что капиталистический способ производства в Западной Европе в основном уже изжил себя. Хотя Энгельс и указывал, что немецкие рабочие еще не подготовлены к тому, чтобы завоевать политическое господство, тем не менее он подчеркивал, что после свержения абсолютной монархии буржуазия «добьется лишь максимум нескольких лет торжества, и то беспокойного, чтобы после «этого быть свергнутой в свою очередь».

В это время Маркс и Энгельс еще не имели развернутого экономического обоснования неизбежности социализма (не было, в частности, еще марксистской теории прибавочной стоимости), ввиду чего точное определение исторических перспектив пролетарской революции было еще невозможно. Утверждая, что буржуазии предстоит лишь «короткий период власти», Маркс и Энгельс рассчитывали на то, что буржуазия все же сумеет решить буржуазно-демократические задачи, сумеет «убрать с нашего пути остатки средневековья и абсолютную монархию». Таким образом, вопрос о роли пролетариата в борьбе против пережитков феодализма и абсолютной монархии хотя и ставился в общей форме, но не привлекал еще особого внимания основоположников марксизма.

Марксизм есть живое, творческое, постоянно развивающееся учение, и нет ничего удивительного в том, что ряд вопросов, поставленных революциями 1848 г., не был еще решен в предшествующий период развития марксизма. Марксизм никогда не ставил задачи решения всех вопросов будущей истории человечества, видя в самой постановке такой задачи один из признаков утопизма» Но марксистская наука никогда не стоит на одном месте, она непрерывно развивается, обогащаясь новым историческим опытом.

2. Революции – локомотивы истории

Марксистская наука теоретически обобщает революционные события не только после того, как они уже совершились, но и в самом ходе этих событий, дабы принимать в них сознательное, руководящее участие, а не плестись в хвосте. Созерцательное отношение к революции недопустимо с точки зрения марксизма. Неудивительно поэтому, что события 1848–1851 гг. поставили перед основоположниками марксизма задачу дальнейшего развития и обоснования теории революции. В.И. Ленин, рассматривая отношение Маркса к буржуазным революциям 1848 г., говорил: «Какая революционная страстность пролетарского борца, понимающего громадную роль буржуазной революции для социалистического движения вперед!»

Маркс и Энгельс революционно-критически, с позиций пролетарской партийности изучали революции 1848 г., различая объективные и субъективные стороны революционного процесса, придавая первостепенное значение анализу, оценке, обобщению и тех и других его сторон.

Каковы же были пути, которые вели основоположников марксизма к новым теоретическим выводам? Как живое, непосредственное участие в революции приводило затем к тем выдающимся теоретическим обобщениям, которые вошли в золотой фонд марксистско-ленинской

Практические задачи, задачи доведения до конца буржуазной революции, вели основоположников марксизма к постановке и решению теоретических вопросов. «Новая Рейнская газета», в которой Маркс и Энгельс начали теоретическое обобщение исторического опыта революций 1848 г., была создана в период, когда реакция в Германии начала уже переходить в наступление. Завоевания революции, не закрепленные последующей борьбой масс, находились под угрозой. В одном из первых своих номеров газета констатирует подготавливаемое во всей Европе наступление контрреволюционных сил. Реакция подготавливает сильный удар, стремясь потопить революцию в крови народа.

Трезво оценивая положение вещей, признавая его далеко не случайным, а, напротив, вполне закономерным в данных конкретных условиях, Маркс и Энгельс вместе с тем подчеркивают, что оно не безнадежно и вполне может быть изменено благодаря революционной борьбе масс, к которым и обращается «Новая Рейнская газета».

Маркс и Энгельс прямо ставят вопросы: почему «Бастилия еще не взята»? Что ведет революцию к поражению? В чем причина половинчатости революции и что необходимо для разгрома реакции, для победы революции? Основоположники марксизма отбрасывают как затемняющие суть дела попытки свести все к заблуждениям или предательству отдельных деятелей. Ссылки на предательство отдельных лидеров буржуазии в сущности оправдывали поведение буржуазии как класса в целом, замазывали действительные и отнюдь не непреодолимые причины половинчатости революции и возбуждали опасные иллюзии, будто лишь сменой лидеров, без классовой борьбы, можно изменить, улучшить дело. В противовес идеалистическим буржуазным фразам Маркс и Энгельс, руководствуясь материалистическим пониманием истории, вскрывая действительное взаимоотношение классов, партий, их линию в революции, дают ответ на поставленные жизнью вопросы.

Необходимо было разъяснить массам, что буржуазная революция при всей ограниченности своего социально-экономического содержания не может быть сведена к деятельности Франкфуртского и Берлинского собраний; добиться того, чтобы массы, в особенности пролетариат, осознали свою решающую роль в революции. Вопрос о том, что такое революция, в чем ее важнейшее содержание, отнюдь не являлся абстрактной социологической проблемой. Разъясняя, что такое революция, Маркс и Энгельс разрушали реакционные иллюзии, распространявшиеся либералами среди трудящихся, и указывали массам пути завоевания победы в немецкой буржуазно-демократической революции.

«На всем земном шаре, — заявлял А.Руге во Франкфуртском собрании, — не было более великой революции, чем революция 1848 г.». Нужно было разъяснить массам, что для буржуазного радикала немецкая революция 1848 г. потому и великая, что не доведена до конца, подобно тому как для английской буржуазии революция 1688 г. была «славной» и тоже, конечно, великой. Идеализировать незаконченную, остановившуюся на полдороге, не сбросившую даже монархии буржуазную революцию — значит отказываться от дальнейшей революционной борьбы. В конечном итоге точка зрения Руге, сидевшего на скамьях левых депутатов Франкфуртского собрания, не слишком отличалась от воззрений его парламентских противников. Буржуазия, добравшись до власти, пыталась убедить народные массы, что их революционная самодеятельность и активность более уже не нужны. Народное движение рассматривалось как первый акт исторической драмы, за которым следует спокойная, уравновешенная деятельность представительных учреждений, например Берлинского собрания, официально называвшегося: «Собрание, избранное для выработки конституций по соглашению с короной».

Революция выдавалась буржуазными идеологами за болезненную вспышку страстей, вызванную роковой неуступчивостью королевской власти. Последняя стала «уступчивой» — цель, следовательно, достигнута. Если в 1847 г. некоторые либералы утверждали, что развитие

народов «не делает скачков, но идет шаг за шагом, хотя и непрерывно вперед», то теперь эти догматы либерального бессилия были возведены в абсолютную истину.

Широкие трудящиеся массы, находившиеся под влиянием буржуазии, верили, что Франкфуртское собрание является воплощением революции, что именно оно эту революцию творит. Эти иллюзии ярко выразила в своих воспоминаниях одна из участниц революции, писавшая по поводу открытия Франкфуртского собрания: «Упоение и восторг были во всех сердцах... Поезда, пароходы, украшенные флагами и цветами, беспрестанно привозили толпы веселых путников, спешивших на праздник торжества свободы».

Маркс и Энгельс решительно выступили против подобного рода иллюзий, сковывавших революционную активность и инициативу масс. «Новая Рейнская газета» бесстрашно пошла против течения, объявив Франкфуртский парламент собранием старых баб, парламентских кретинов, измышляющих самую совершенную конституцию, в то время как оправившиеся от понесенного поражения правительства германских монархических государств поставили в порядок дня штыки. Германские правительства, писали Маркс и Энгельс, ожидали от имперского собрания «весьма диктаторских и революционных действий...» Бездеятельность франкфуртской говорильни вдохновила контрреволюцию.

В.И. Ленин, как известно, высоко оценивал замечательную критику Марксом и Энгельсом Франкфуртского парламента и, продолжая их традиции, неустанно разоблачал «франкфуртских болтунов» из меньшевистско-эсеровского лагеря. Большевики пытались оправдать свою тактику в 1905 г. ссылкой на политическую линию Маркса и Энгельса в 1848 г. Эти облыжные ссылки на основоположников марксизма были разоблачены большевистской партией, явившейся действительной продолжательницей тактики Маркса и Энгельса.

Итак, вопрос, что такое революция, естественно, вставал в самом ходе революционной борьбы. Его разъяснение массам необходимо было, чтобы двигать буржуазную революцию вперед, преодолеть ее половинчатость и завершить революцию действительной победой.

Разоблачая в «Новой Рейнской газете» Франкфуртское № берлинское собрание, пытавшиеся свести на нет революционную активность народа и подменить революцию парламентскими решениями, Маркс и Энгельс рассеивают иллюзии трудящихся по отношению к этим порожденным буржуазной революцией и предавшим ее учреждениям. Основоположники марксизма учат, что всякая революция, а следовательно, также и буржуазная революция, поскольку она действительно решает стоящие перед ней исторические задачи, есть дело самих трудящихся масс, социальное творчество народа.

Марксистское понимание буржуазных революций органически связано с признанием решающей роли народных масс в истории, с материалистической оценкой коренной противоположности интересов эксплуатируемых и эксплуатирующих. Если в нереволуционные периоды

развития антагонистического общества власть и формально и фактически принадлежит лишь эксплуатирующему меньшинству, то в периоды социальных революций вооруженный народ при известных условиях может стать подлинным сувереном, осуществляющим свою решающую роль в развитии общества, в его политическом переустройстве. Все завоевания буржуазных революций достигаются и могут быть сохранены и продолжены прежде всего «низами», а не «верхами», и притом не в результате соглашений, парламентских решений и т.п., а благодаря борьбе самих масс против старой реакционной власти, против всех, кто ее сознательно и бессознательно поддерживает.

Поскольку реакционные классы, стремясь отстоять свое политическое господство, пытаются насильственно подавить революционные силы, трудящиеся закономерно прибегают к революционному насилию, направленному против реакции. Следовательно, содержание буржуазной революции не сводимо к одним лишь постановлениям сколь угодно высоких представительных собраний; оно прежде всего выражается в диктатуре вооруженного народа, благодаря которой только и могут быть проведены в жизнь самые лучшие декреты. Именно поэтому Маркс и Энгельс требуют от Национального - собрания «ограждения от всех покушений основного завоевания революции — народного суверенитета», «Народный суверенитет», или как впоследствии говорил В.И. Ленин, фактически завоеванное самодержавие народа, является характерной особенностью всякой действительно победоносной буржуазной революции. Подчеркивая эту характерную особенность, отличающую действительную революцию от всякого рода верхушечных переворотов, Маркс и Энгельс постоянно имеют в виду, что народный суверенитет не лишает революцию ее буржуазного характера, поскольку объективные экономические условия делают, еще невозможным социалистический переворот. Самодержавие народа в буржуазной революции означает не выход за ее пределы, а, напротив, последовательное осуществление всех ее задач, так как буржуазная революция, как и всякая социальная революция, делается народом — «низами», а не «верхами». Это важнейшее указание основоположников марксизма в корне отличает марксистскую точку зрения на роль народных масс в буржуазной революции от всякого рода анархических бредней о возможности уничтожения всякого угнетения во всякой революции, поскольку достигнуто самодержавие народа.

Считая революционное творчество народа характерной чертой всех социальных революций, Маркс и Энгельс полностью учитывают объективные, устанавливаемые в конечном счете уровнем экономического и политического-развития общества исторические пределы возможного социального преобразования Общества. Основоположники марксизма говорят: «Важнейшее завоевание революции, это — сама революция», т.е. революционная самодеятельность, инициатива, активность, сознательность масс. Это по видимости парадоксальное положение следует понимать так: демократические, буржуазные по своему существу завоевания,

достигнутые в весьма ограниченной мере в революции, еще не главный ее результат. Главное то, что «народ, сражавшийся и победивший на баррикадах, совсем не тот народ, который 18 марта проходил процессией перед дворцом, чтобы атаками драгун быть просвещенным насчет значения полученных уступок. Он способен на совсем иное, он совершенно иначе относится к правительству».

Таким образом, Маркс и Энгельс рассматривают буржуазную революцию как чрезвычайно важный этап в развитии революционных способностей трудящихся масс, способностей, которые отнюдь не являются прирожденными, но исторически возникают, развиваются, совершенствуются. Вопреки стремлениям буржуазии ввести революцию в «законные» рамки, стремлениям, сопровождавшимся контрреволюционными воплями против «беззакония» «анархии», «беспорядка», Маркс и Энгельс неустанно раскрывали творческий, а не только разрушительный характер революции. Революция рассматривается Марксом и Энгельсом как демократический способ решения социальных задач в условиях господства реакционных классов, как подлинное волеизъявление широких трудящихся масс

Революционное свержение реакционного класса означает вместе с тем и ниспровержение связанных с ним реакционных юридических установлений. Юридические нормы, законы не являются основой общественной жизни, напротив, «закон, в противоположность произволу отдельного индивидуума должен покоиться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей». Приводя в качестве примера наполеоновский кодекс, Маркс указывает, что этот свод законов не создал буржуазного общества, последнее лишь нашло в нем свое правовое выражение. Правовые установления теряют свою силу, как только они перестают соответствовать общественным отношениям. Законы «неизбежно изменяются вместе с изменяющимися жизненными отношениями. Сохранение старых законов наперекор новым потребностям и запросам общественного развития есть, в сущности, не что иное, как лицемерное отстаивание не соответствующих времени частных интересов против назревших общих интересов».

В этих замечательных положениях Маркса, выдвинутых на одном из судебных процессов «Новой Рейнской газеты», гениальное решение вопроса об отношении революции к правовой надстройке сочетается с разоблачением идеалистической оценки и осуждения революции с точки зрения старого, ниспровергаемого ею права, отражающего интересы реакционного класса.

Разрабатывая материалистическое положение о решающей роли народа во всякой, в том числе и буржуазной, революции, Маркс и Энгельс в противоположность либеральным буржуа и мелкобуржуазным идеологам подчеркивают разумный характер социального творчества народа. Как известно, и это отметили Маркс и Энгельс, один из депутатов Берлинского собрания договорился до того, что участники мартовских баррикадных боев в Берлине были невменяемы, ввиду чего их поступки

не подлежат моральной оценке.

Мелкобуржуазные демократы — левые в Берлинском и Франкфуртском собраниях, хотя и полемизировали против такого рода утверждений, тем не менее опасались революционной активности трудящихся, видя в них недисциплинированную неразумную массу. Они отвергали заявления реакционеров, утверждавших, что левые отстаивают требования, продиктованные «толпой». Народные массы, окружавшие здание Берлинского собрания и пытавшиеся вынудить мелкобуржуазных демократов к ведению революционной политики, вызывали возмущение не только либералов, но и «левых». Последние протестовали против оказываемого на них давления, стремясь доказать, что их поведение в парламенте определяют принципы правд и разума.

Разоблачая неспособность мелкобуржуазной демократии к революционному руководству трудящимися, Маркс и Энгельс подчеркивали правильность действий народа, стремившегося контролировать поведение своих представителей в парламенте. В такого рода контроле и «давлении» Маркс и Энгельс видели одну из существенных особенностей буржуазной революции, проявление революционного инстинкта масс. «Право демократических народных масс морально влиять своим присутствием на поведение учредительных собраний,—пишут Маркс и Энгельс,— представляет старое революционное право народа, которое со времен английской и французской революций использовалось во все бурные эпохи, тому праву история обязана почти всеми энергичными шагами упомянутых собраний...»

Маркс и Энгельс указывают, что значение представительных учреждений в период буржуазной революции прежде всего определяется влиянием революционных масс. Они обвиняют Франкфуртское собрание в том, что оно не провозгласило суверенитета германского народа, не устранило всего, что противоречило принципу народного суверенитета.

Говоря, что каждый шаг действительного прогресса во всякой революции достигается борьбой масс, Маркс и Энгельс через головы мелкобуржуазных демократов, допуская возможность развития буржуазной революции лишь в рамках парламентской борьбы, обращаются к трудящимся. Они доказывают, что важнейшим элементом буржуазной революции является революционная инициатива, революционный почин угнетенных и эксплуатируемых.

Когда рабочие Берлина 14 июня 1848 г., захватив цейхгауз, вооружились, но, не будучи поддержаны своими мелкобуржуазными руководителями, вскоре были разоружены, Берлинское собрание вслед за контрреволюционным правительством разразилось негодующими воплями по поводу «незаконных» действий народа. Либеральная буржуазия оценивала штурм цейхгауза как грабеж, как будто бы народ напал на ювелирные лавки. Либералы обрушились на рабочих за то, что те уничтожили во время штурма «реликвии» прусской армии. Берлинские левые считали возможным «извинить» народные массы, проявившие «несдержанность». Они, следовательно, также выступали против революционной инициативы «снизу», призывая народ к «порядку»,

к отказу от революционной самодеятельности.

Маркс и Энгельс заклемили Соглашательскую политику левых во Франкфуртском и Берлинском собраниях, показав, что парламентские победы сами по себе, без связи с революционной борьбой масс не способны двигать революцию вперед. Напротив, парламентские победы, достигнутые за счет комбинаций, компромиссов и т.п. вне связи с революционным почином народных масс, ведут в конечном итоге к поражению «победителей». «В одно прекрасное утро, — писали Маркс и Энгельс, — левая сможет убедиться, что ее парламентская победа и ее действительное поражение совпадают. Быть может, германское развитие и нуждается в подобном контрасте».

Характерной особенностью марксизма является рассмотрение буржуазной революции в неразрывной связи с освободительной борьбой трудящихся. Основоположник» марксизма вскрывают объективную закономерность освободительной борьбы пролетариата в революциях 1848 г., несмотря на их буржуазный характер. Подчеркивая, что освободительная борьба пролетариата может привести к уничтожению эксплуатации лишь при условиях, еще не существующих в лоне буржуазных революций 1848 г., Маркс и Энгельс доказывают объективную необходимость этой борьбы в данных исторических условиях: она способствует достижению максимума демократии.

Нельзя обосновать решающей роли народа во всех социальных революциях, если рассматривать последние вне связи с классовой борьбой трудящихся против эксплуататоров. Буржуазные теоретики исключают из содержания буржуазной революции борьбу антагонистических классов. Революция вследствие этого изображается как прекращение борьбы между классами и объединение последних для создания новых государственных форм, одинаково-де необходимых всем. Такова, например, точка зрения буржуазного историка Файта Валентина, утверждающего, что «движущей силой» революции 1848 г. в Германии «была демократическая и правовая мысль». По мнению Файта Валентина, «идея свободы и идея отечества одушевляли пробудившееся к жизни бюргерство», боровшееся за «сильное и свободное государство», что якобы и являлось «содержанием немецкой революции 1848 г.». Совершенно очевидно, что в утверждениях Файта Валентина смазывается какая бы то ни было классовая дифференциация в процессе революции.

Напротив, марксистское понимание революции неразрывно связано с теорией классовой борьбы, с учением об освободительной борьбе трудящихся как существенном содержании всякой социальной революции. Революции являются высшей формой борьбы классов и прежде всего борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими. Марксизм не только объясняет характерные особенности противоречий буржуазных революций, но является также теоретической основой тактической линии пролетарской партии в этих революциях.

Развивая положения Маркса и Энгельса, Ленин писал, что «классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в

конечном счете решает судьбу всех таких преобразований».

Таким образом, и в буржуазной революции, хотя она и не может дать трудящимся действительного освобождения решающим в конечном итоге фактором является борьба между эксплуатируемыми и эксплуататорами. При соответствующих экономических неполитических предпосылках освободительная борьба трудящихся в буржуазной революции достигает такой высокой ступени развития, что становится возможным перерастание революции буржуазной в революцию социалистическую. Таким образом, положение Маркса и Энгельса о непрерывной революции, учение ленинизма о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую имеют в качестве одной из своих предпосылок материалистическую оценку роли народных масс в социальных революциях.

Марксистское понимание сущности буржуазных революций не исчерпывается рассмотренным выше положением о решающей роли народных масс в деле осуществления, доведения до конца буржуазно-демократических преобразований. Главный вопрос всякой революции — вопрос о государственной власти. Революционное творчество Трудящихся лишь тогда увенчается прочным и долговременным успехом, когда оно приведет к созданию революционного правительства. Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» неустанно разоблачают Временное буржуазное правительство в Берлине, проповедовавшее соглашение с монархией, вскрывая тем самым половинчатость немецкой революции 1848 г., поскольку она не свергла феодальной власти и, следовательно, не выполнила своей задачи.

«Новая Рейнская газета» подвергает также суровой критике политическую линию мелкобуржуазных демократов, стремившихся к соглашению с либеральными, в сущности уже контрреволюционными временными правительствами. Ставя вопрос о значении революционной власти в деле углубления революции и доведения ее до конца, Маркс и Энгельс вместе с тем конкретизируют вопрос о путях и способах решения исторических задач революции.

Положение о государственной власти как главном вопросе всякой революции раскрывает содержание понятия революции как высшей формы борьбы классов, подчеркивая неразрывную связь между коренном преобразованием производственных отношений и преобразованием политической надстройки.

Раскрывая решающую роль революционной борьбы трудящихся масс, Маркс и Энгельс вместе с тем решительно выступали против анархистского отрицания значения представительных учреждений, порождаемых революциями. Основоположники марксизма были абсолютно враждебны той, впоследствии сформулированной, например, В.Блосом точке зрения, согласно которой парламенты принуждены «по самой своей природе.., как на то указывает их название, ограничиваться словами...»

«Новая Рейнская газета» бичевала Франкфуртское и Берлинское собрания за то, что те, отражая контрреволюционность «аккуратной и

умеренной» буржуазии, занимались школьными упражнениями, предоставляя свободу действий феодально-монархическим силам. Эти представительные учреждения, разъясняли Маркс и Энгельс, воплощали в себе половинчатость немецкой буржуазной революции; они превратились в оковы революции, потому что не были революционными. «Национальное учредительное собрание, — писала «Новая Рейнская газета», — прежде всего должно быть активным, революционно-активным собранием...». Оно, это собрание, должно было «повсеместно диктаторски выступить против реакционных посягательств» для обеспечения завоеваний революции. Между тем Франкфуртское национальное собрание изменяло делу революции.

Маркс и Энгельс непосредственно связывают идею революционной власти с идеей народного суверенитета, самодержавия народа. Они рассматривают революционную власть как необходимое политическое условие свержения старого общественного строя и утверждения нового общественного строя. Революционная власть является необходимым продолжением и закреплением революционного творчества народных масс. Она прямо и непосредственно опирается на политическую самостоятельность, революционный почин масс и вследствие своей неразрывной связи с народом представляет собой революционную диктатуру, важнейшей задачей которой является прежде всего полное и окончательное искоренение старой реакционной власти «Новая Рейнская газета» писала: «Всякое временное состояние государства, создающееся после революции требует диктатуры — и диктатуры энергичной».

Как известно, В.И. Ленин неоднократно подчеркивал в борьбе против меньшевиков принципиальное значение этого положения марксизма. Ленин указывал, что положение Маркса о революционной диктатуре представляло единственно научную постановку вопроса о том, как двигать революцию вперед не только «снизу», но и «сверху».

В.И. Ленин, его ученики и соратники еще в период первой русской революции доказали, что меньшевистский отказ от лозунга временного революционного правительства, меньшевистское отрицание возможности и целесообразности участия пролетариата в таком революционном правительстве является подменой марксизма анархизмом. Известно, что против анархистской тактики Энгельс выступил в статье «Бакунисты за работой», разоблачив тактику анархистов в испанской буржуазной революции начала 70-х годов прошлого века. Высмеивая анархистов, утверждавших, что всякое революционное действие «сверху» зловредно, Энгельс показывал, как практика революционной борьбы в Испании наглядно опровергла их оппортунистические догмы. Положения Энгельса, выдвинутые в произведении «Бакунисты за работой», являются дальнейшим развитием идей, относящихся к периоду революций 1848 г., когда Маркс и Энгельс поставили вопрос о необходимости революционной диктатуры как могущественного орудия победоносной буржуазной революции,

Маркс и Энгельс считали, что подавление контрреволюции невозможно без революционного правительства, временные

правительства, возникавшие в ходе революций 1848 г., сплошь и рядом изменяли революции. Анархисты кричали, что всякое правительство по самой природе контрреволюционно. Гениальность Маркса и Энгельса ярко проявилась в том, что они уже в тот период поставили вопрос о значении революционного правительства «Вспомним, - писал Ленин, – слова Маркса в 1848 г. о необходимости диктатуры в революции и справедливые насмешки Меринга над людьми, обвинявшими Маркса в том, будто он хотел введением диктатуры осуществить демократию». Как известно, В.И. Ленин доказал, что подлинно революционное правительство в буржуазно-демократической революции представляет собой диктатуру пролетариата и крестьянства. Ленин поставил вопрос о целесообразности участия пролетарской партии во временном революционном правительстве. Всего этого еще не было у Маркса и Энгельса в силу конкретных особенностей изучаемого нами периода. Однако сама постановка вопроса о необходимости революционной власти в буржуазной революции являлась тогда важным шагом вперед в развитии теории марксизма.

Признание неразрывной связи и взаимообусловленности революционного действия «снизу» и революционного действия «сверху» коренным образом отличает марксистское понимание революции от анархистского, с одной стороны, и от бланкистского – с другой.

Анархизм воспевае неорганизованную, стихийную, беспорядочную, лишенную ясного классового сознания массовую борьбу. Ограничивая задачи революции одним лишь разрушением, анархизм в сущности по-буржуазному понимает революцию и ее движущие силы, отрицая творческий характер и политические задачи освободительной борьбы трудящихся. Так, для Бакунина революция – апофеоз «широкого и страстного разрушения», осуществляемого в ходе народного восстания, которое «по природе своей стихийное, хаотическое». Народные массы представляют, по его мнению, «грубую, дикую силу», которой Бакунин в отличие от буржуазного либерала восхищается. Такое воззрение на революцию при всем его внешнем отличии от обычной либеральной точки зрения основывается на характерном для либерала представлении о сущности революции как «анархии», «беспорядке» и т.п. В противоположность либерализму и анархизму марксизм раскрывает творческий характер революции, подчеркивая решающее значение организованной борьбы народа, рассматривая, следовательно, революцию как отрицание анархии и мелкобуржуазной расхлябанности; обычно проявляющейся в буржуазных революциях, марксизм противопоставляет революционный порядок; творимый пролетариатом.

В то время как марксистско-ленинское понимание социальных революций вооружает пролетариат ясной и определенной программой борьбы даже в том случае, когда революция носит буржуазный характер, анархистская концепция обрекает пролетарскую партию на бездеятельность как в буржуазной, так и в социалистической революции.

Бланкизм в противоположность анархизму, в своем понимании революции выдвигает на первый план вопрос о государственной власти.

Но, отрывая этот вопрос от экономического содержания революций, бланкизм совершает по существу ту же ошибку, что и анархизм: на место классовой борьбы он ставит борьбу против «узурпации» государственной власти. Правда, бланкизм в отличие от анархизма допускает возможность революционной власти, но, отделяя эту власть от революционной самостоятельности народа, он лишает ее той основы, которая обуславливает ее революционность. Подвергая критике сторонников подобного рода концепций, Маркс и Энгельс указывают» что все содержание революции сводится ими к заговору, к верхушечному государственному перевороту.

«Революция для них вообще состоит в ниспровержении существующего правительства; если эта цель достигнута, то этим «победа» уже одержана».

Для бланкизма основой социальной революции и ее главной силой является не борьба классов, а надлежашая организация заговорщиков. Здесь опять-таки повторяется воззрение на революцию как на дело организованного меньшинства с той лишь разницей» что организованное меньшинство рассматривается бланкистами как единственное воплощение чаяний народа, якобы не способного на самостоятельную революционную инициативу и организованную борьбу против своих угнетателей. Из того бесспорного факта, что массы угнетены, подавлены, поработаны, бланкизм, чуждый диалектико-материалистическому пониманию истории, делает в сущности глубоко пессимистический ошибочный вывод о пассивности народных масс. Заговорщики, революционное меньшинство, изображаются бланкистами как освободители трудящихся. Этот взгляд, принижающий роль трудящихся в истории, представляет собой в конечном счете одну из разновидностей пресловутой теории о героях и толпе. Таким образом, марксизм бесспорно отвергает анархистское понимание революционного действия «снизу» и бланкистское понимание революционного действия «сверху», противопоставляя и той и другой – метафизической, идеалистической концепций – научное, диалектико-материалистическое понимание сущности революций.

3. Борьба классов – движущая сила революции

Маркс и Энгельс доказали, что любая буржуазная революция, заменяющая одну форму социального угнетения другой, далеко не исчерпывается борьбой одного эксплуататорского класса против другого, борьбой буржуазии против дворянства. Основное противоречие антагонистического общества – противоречие между эксплуатируемыми и эксплуататорами – в периоды буржуазных революций не исчезает, а, напротив, углубляется, получая вместе с тем новые формы выражения. В начале буржуазных революций на первый план обычно выдвигалась борьба против господствующего феодального класса, к свержению которого стремились не только эксплуатируемые, но и готовящая к тому, чтобы установить свое политическое господство, буржуазия. Эту особенность буржуазных революций Маркс и Энгельс отметили «еще в

«Манифесте Коммунистической партии», указав, что в них пролетариат выступал против врагов своих врагов, т.е. против феодалов. Отсюда первоначальное, характерное для буржуазной революции «единство» разнородных и в сущности враждебных друг другу классов в борьбе против старого режима.

Но это кратковременное «единство» продолжается лишь до тех пор, пока не свергнут старый господствующий класс и его место не занял новый класс частных собственников — буржуазия. Последняя в таком случае теряет свою революционность и стремится к компромиссу со свергнутым классом эксплуататоров против широких трудящихся масс, революционная деятельность которых привела ее к власти. В дальнейшем борьба революционных сил против контрреволюции направляется и против ставшей уже контрреволюционной буржуазии. На первый план выдвигается борьба эксплуатируемых против эксплуатирующих. И лишь благодаря освободительной борьбе трудящихся буржуазная революция достигает наиболее значительных демократических преобразований, выражающих не столько интересы буржуазии, сколько интересы трудящихся масс.

После подавления революций 1848 г. буржуазные либералы и мелкобуржуазные демократы всех мастей утверждали, что причиной поражения революций была борьба классов, нарушение первоначально умевшего место «единства», якобы вызвавшее ослабление революционных сил. С этой точки зрения рассматривалось, например, развитие французской революции 1848 г., причем классовая борьба пролетариата против буржуазии, проявившаяся во всей силе в июньские дни, оценивалась как одна из причин поражения революции. В таком духе изображал революцию эмигрантский европейский центральный комитет в Лондоне (Ледрю-Роллен, Руге и др.), воззвание которого было подвергнуто критике Марксом и Энгельсом. Они писали; «Борьба различных классов и классовых, фракций между собой, отдельные фазы развития которой именно и составляют революцию, для наших евангелистов — только печальный результат существования расходящихся друг с другом систем, между тем как на самом деле, наоборот, существование различных систем является результатом существования классовой борьбы»¹.

Маркс и Энгельс разоблачают здесь идеалистическое понимание истории, согласно которому первоначальное единство различных классов в борьбе против феодального режима объяснялось их единодушием, а последующий раскол — возникновением разногласий. В противовес мелкобуржуазному замазыванию объективных противоречий буржуазной революции, Маркс и Энгельс разъясняют, что классовая борьба, возрастающая классовая дифференциация являются законом прогрессивного развития революционного процесса. Признавая, что единство действий различных классов в борьбе против старого строя в известной мере составляет необходимое условие начальной стадии революции, Маркс и Энгельс показывают, что это единство действий, свидетельствующее о неразвитости классовых противоречий, в

дальнейшем становится тормозом для развертывания революции, для доведения ее до конца. Не случайно прусский министр Ганзман, проповедуя примирение с феодально-монархической реакцией, восклицал с трибуны Берлинского собрания: «Заклинаю вас содействовать согласию и единению всех классов...»

Маркс и Энгельс неустанно разоблачали проповеди «единства», т.е. подчинения трудящихся контрреволюционной либеральной буржуазии, раболепствовавшей перед королевской властью. Вся тактика «Новой Рейнской газеты» была направлена на то, чтобы оторвать народные массы от либеральной буржуазии, оттеснить последнюю от руководства народной борьбой. Именно эта черта тактики основоположников марксизма вызывала бешенство либералов как в период революции, так и в пореволюционное время.

Говоря о причинах, поражения революции, Маркс и Энгельс указывали на слабость пролетариата, который не мог еще стать во главе революционной борьбы масс. Наличие вышеуказанного «единства», неизбежного в начале революции, Маркс и Энгельс считали следствием недостаточного размежевания между революцией и контрреволюцией; на стороне последней была и буржуазия, формально стоявшая на почве признания революции.

Подводя итоги революциям 1848 г., сопоставляя их с предшествующими, Маркс и Энгельс формулируют следующую закономерность: «...единение разных классов, которое до известной степени всегда является необходимой предпосылкой всякой революции, не может долго продолжаться. Едва лишь одержана победа над общим врагом, как победители уже расходятся в различные лагеря и направляют свое оружие друг против друга. Именно это быстрое и страстное развитие классового антагонизма в старых и сложных общественных организациях делает революцию таким могучим фактором общественного и политического прогресса».

Это положение Маркса и Энгельса имеет своим непосредственным исходным пунктом исторический опыт французской революции 1789—1793 гг., оно указывает, далее, на историческую ограниченность и слабость революций 1848 г. (в особенности немецкой революции), где «быстрое и страстное развитие классового антагонизма» тормозилось рядом причин, в том числе и гегемонией контрреволюционной буржуазии.

Оппортунисты II Интернационала отвергали вышеприведенное положение марксизма, утверждай, что развитие классового антагонизма ведет к изоляции революционных сил, к ослаблению единого фронта борьбы против старого режима. Такова была точка зрения Бернштейна, а также меньшевиков, которые повторяли утверждения либералов 1848 г., обвинявших Маркса и Энгельса в раскалывании якобы единого революционного лагеря. Между тем, сформулированное Марксом и Энгельсом положение направлено на сплочение, объединение революционных сил путем размежевания с контрреволюционными классами и группами.

Маркс и Энгельс называли прогрессивным распадение «единства» между революционными силами и ставшей контрреволюционной буржуазией. Такого рода размежевание означает изоляцию контрреволюционных сил, что объединяет и сплачивает действительные силы революции. Положение Маркса и Энгельса об объективной закономерности прогрессивного развития революционного процесса, о решающей роли классовой борьбы в ходе всякой революции является гениальным применением исторического материализма к пониманию внутреннего содержания революций. Развивая эти положения Маркса и Энгельса, Ленин вскрыл социально-экономические основы того первоначального «единства» различных классов, которое в известной мере имеет место в начале буржуазной революции. В.И. Ленин учит, что буржуазный характер революции неизбежно проявляется «в «общенародном»,

В свете указания В.И. Ленина становится ясно, что «единство» различных классов в условиях буржуазной революции является, с одной стороны, выражением ее специфических, общедемократических задач, а с другой стороны, в нем также обычно проявляется незрелость эксплуатируемых, в том числе и пролетариата. Естественно поэтому, что в ходе революции, когда обнаруживается воочию различная степень демократизма, присущая различным классам, когда буржуазия, удовлетворившись куцыми демократическими преобразованиями, поворачивается против революции и «в сущности против трудящихся, раскол первоначального «единства» становится неизбежным явлением «необходимым для доведения до конца самой буржуазной революции. И те, кто в период буржуазной революции выступает за сохранение «единства» с обнаружившей уже свою контрреволюционность буржуазией, фактически оказываются сторонниками примирения с контрреволюцией. Отсюда понятно, почему меньшевистская пропаганда «единства» в 1905 г. обрекала революцию на поражение, препятствовала присоединению крестьянства к рабочему классу, сеяла раскол среди революционных сил, стремясь подчинить последние контрреволюционной буржуазии,

Развивая меньшевистские рассуждения о «единстве», Ленин писал, что меньшевики подменяют социалистическую теорию классовой борьбы как единственного реального двигателя истории буржуазной теорией «солидарного» общественного прогресса. Марксизм учит, что «действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы – побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные попытки ослабить, притупить эту борьбу и т.д. По учению буржуазных философов, двигатель прогресса – солидарность всех элементов общества, сознавших «несовершенство того или иного учреждения. Первое учение – материалистично, второе – идеалистично. Первое – революционное. Второе – реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе – тактику буржуазии».

Исходя из опыта революций 1848 г., Маркс и Энгельс приходят к

выводу, что классовая дифференциация в процессе революции неизбежно означает образование двух основных лагерей – лагеря революции и лагеря контрреволюции. Физиономия любого класса, общественной группы, партии определяется тем, к какому лагерю он примыкает. В период буржуазной революции бывает, что эксплуатируемые и эксплуатирующие временно оказываются в одном лагере; не исключена возможность присоединения отдельных групп эксплуатируемых к лагерю контрреволюции, классическим примером чего была Вандея. Четкое, решительное разграничение между революцией и контрреволюцией образуется не сразу в частности и потому, что отдельные группы и классы, выступавшие вначале в революционном лагере, переходят в противный. Кроме того, всегда имеются промежуточные группы, колеблющиеся между противоположными лагерями и присоединяющиеся то к одному, то к другому.

Таким образом, специфическим выражением борьбы классов в революции является борьба между революционными и контрреволюционными силами; специфическим выражением прогрессирующей, классовой дифференциации оказывается все более решительное размежевание между лагерем революции и контрреволюцией. Такого размежевания, например, еще не было в феврале 1848 г. во Франции. В Германии это размежевание вообще проявилось в недостаточной мере, что придало революции половинчатый характер.

Мелкобуржуазные демократы 1848 г. не желали видеть того, что свержение старой реакционной власти отнюдь не означает уничтожения, разгрома контрреволюции. Напротив, именно свержение старой власти удешевляет сопротивление реакционных классов и усиливает необходимость борьбы с контрреволюцией. На это неустанно указывали Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете», подчеркивая вместе с тем, что контрреволюционному лагерю присоединяется и либеральная буржуазия, ранее выступавшая в лагере революции.

Следовательно, революция не заканчивается кратковременным актом свержения политической диктатуры реакционного класса. Революция лишь в том случае может решить свои исторические задачи, если она уничтожит сопротивление свергнутого, но далеко еще не ликвидированного класса, ожесточенно борющегося за восстановление старых порядков. История революций учит, что угроза реставрации с неизбежностью встает во всякой, даже победоносной революции. Идеалистически, на реакционный юнкерски-буржуазный лад истолковывая и абсолютизируя эту отнюдь не непреодолимую тенденцию, Гегель, как известно, пытался доказать, что реставрация – закономерное завершение всякого революционного процесса, развертывающегося якобы по законам триады. Маркс и Энгельс, решительно отвергая подобное истолкование действительного исторического процесса, учили, что революция побеждает в борьбе против контрреволюции как открытой, так и замаскированной. Подводя итоги историческому опыту 1848–1849 гг., Маркс писал, что «революция шла вперед и прокладывала себе

дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и выростала в подлинно революционную партию».

Вывод Маркса, следовательно, сводится к тому, что неразвитость классовых противоречий и вызванные ею иллюзии трудящихся способствовали поражению революции. И, напротив, обострение классовой борьбы, разоблачение контрреволюционных сил, выступающих все более активно и откровенно, беспощадное подавление контрреволюции обеспечивают победу.

Эта закономерность, как известно, полностью подтвердилась в период перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции в 1917 г. в нашей стране, когда благодаря разоблачению Временного правительства и политической изоляции мелкобуржуазных соглашательских партий в борьбе против корниловщины происходило укрепление революционного лагеря, возглавляемого большевистской партией.

Таким образом, положение Маркса и Энгельса о неизбежном в начале буржуазной революции временном «единстве» различных классов, противостоящих политически господствующему классу, о закономерном расколе этого крайне противоречивого и временного «единства» и борьбе между революционными и контрреволюционными силами является дальнейшим развитием и конкретизацией марксистского положения о борьбе классов как движущей силе истории.

4. Маркс и Энгельс о различных типах буржуазных революций

Исходным пунктом марксистско-ленинской теории революции являются не абстрактные положения или пожелания, а теоретическое обобщение реального исторического опыта революций, материалистический анализ каждой революции и историческое сопоставление революций различных исторических эпох. Поэтому особо важное место в разработке теории революции имело положение Маркса и Энгельса о различных типах буржуазных революций, о восходящей и нисходящей линиях их развития. Это положение, возникшее на основе сравнительного исторического изучения революций 1848 г. и предшествующих буржуазных революций, привело основоположников марксизма к идее гегемонии пролетариата, к идее непрерывной революции, значение которых для последующего развития марксистской науки не оценимо велико.

Практически участвуя в немецкой революции 848 г., Маркс и Энгельс уже в «Новой Рейнской газете» отметили чрезвычайно существенное и глубоко противоречивое явление: враждебность либеральной буржуазии революционным путем буржуазно-демократических преобразований. В статье «Буржуазия и контрреволюция», подводившей итоги революции в Пруссии, Маркс показывает, как буржуазия, кровно заинтересованная в ликвидации феодализма, тем не менее стремится к сохранению его остатков, к компромиссу со старым строем и тем осуждает на поражение

буржуазные начинания, реализации которых она сама же добивалась.

В «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г. и далее в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс проследивает те же противоречия в более развитой, ставшей уже буржуазным государством Франции, где контрреволюционность буржуазии выступила с наибольшей очевидностью, что также привело буржуазно-демократическую революцию к поражению. Теоретически обобщая эти новые исторические явления, основоположники марксизма конкретизируют понятие буржуазной революции, разрабатывают вопрос о ее движущих силах, выясняют роль пролетариата в осуществлении буржуазно-демократических преобразований.

Впоследствии, разоблачая оппортунистическое убожество меньшевистского понимания буржуазной революции, Ленин подчеркивал теоретическое и политическое значение такого рода конкретизации понятия буржуазной революции. В.И. Ленин указывал, что само по себе понятие буржуазной революции еще не указывает на ее главную движущую силу. Развивая учение Маркса и Энгельса, Ленин, как известно, показал существенное различие между революцией буржуазной и революцией буржуазно-демократической.

Ленин учил, что общее понятие буржуазной революции еще не указывает на те силы, которые могут довести ее до конца. В истории бывали, например, такие буржуазные революции, в которых роль главной движущей силы играла торговая или торгово-промышленная буржуазия. В ходе буржуазной революции различные классы стремятся по-своему, в своих интересах решить задачи, поставленные историей, поскольку революция, как подчеркивает Ленин, «есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по-своему создать новую надстройку». Революция имеет буржуазно-демократический характер, когда буржуазно-демократический переворот осуществляется и доводится до конца активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, вопреки либеральной буржуазии, стремящейся к соглашению с силами реакции.

У Маркса и Энгельса мы не находим еще такой постановки вопроса. Однако, разоблачая либеральную буржуазию и подчеркивая роль пролетариата и крестьянства в буржуазной революции, основоположники марксизма закладывали основы этого чрезвычайно важного разграничения. Так, избывая правительство Кампгаузена, Маркс и Энгельс указывают, что компромисс буржуазии с реакцией обрекает на поражение буржуазные преобразования, а отнюдь не укрепляет их вопреки надеждам либералов. Буржуазия не сможет отстоять своего господства, если она хотя бы на первых порах не будет опираться на весь народ и не выступит более или менее демократично, — таков вывод Маркса и Энгельса. Между тем факты говорят, что либеральная буржуазия стремится установить и укрепить свое политическое господство вопреки демократии путем лавирования между народом и феодально-монархической реакцией, путем подлаживания к последней.

«Новая Рейнская газета постоянно разоблачает эту политическую линию либерализма, обрекавшую на поражение дело буржуазного переворота. Разоблачая министерство Ганземана—Кюльветтера—Мильде, пришедшее на смену кабинету Кампгаузена, газета Маркса и Энгельса показывает, что буржуазия выступает против уже достигнутых завоеваний буржуазной революции. Ее страшит последующее развитие революции, где в перспективе ей мерещится красная республика. В особенности же буржуазия выступает против революционных методов решения назревших задач буржуазного развития; она сплошь и рядом стремится аннулировать политические результаты, уже достигнутые революционными методами. Так, например, после того как немецкая революция 1848 г. фактически ликвидировала все феодальные повинности в деревне, либеральное министерство, громогласно провозглашая отмену кое-где еще существовавших незначительных феодальных повинностей, восстановило главную из них — барщину.

Маркс и Энгельс разъясняют, что политика буржуазии противоречива не потому, что буржуазия находится во власти самообмана и иллюзий, хотя последние, конечно, имеют место. Не сознание, а бытие определяет политическую линию либеральной буржуазии. Все дело, следовательно, в положении буржуазии как класса, в ее двойственном противоречивом отношении к феодальной собственности. Буржуазия готова посягнуть на феодальную собственность и посягает на нее лишь на определенной исторической стадии развития капиталистических отношений в недрах феодального общества. И, напротив она будет поддерживать феодальную собственность от неизбежных посягательств крестьянства там, где это, хотя бы косвенно, затрагивает ее собственные интересы.

Разоблачая Берлинское и Франкфуртское собрания, Маркс и Энгельс вскрывают материальные, а отнюдь не психологические основы либерального соглашательства с феодально-монархической реакцией. Эти собрания (несомненно, буржуазные по своему составу) далеко не случайно, а, напротив, вполне закономерно повалили с революцией, хотя сама революция носила буржуазный характер.

Сопоставляя мартовскую немецкую революцию с революцией 1789 г. во Франции, Маркс и Энгельс приходят к выводу: «Французская буржуазия 1789 г. ни на один момент не покидала своих союзников — крестьян. Она знала, что основой ее господства было разрушение феодализма в деревне, восстановление свободного, владеющего землей класса крестьян.

Германская буржуазия 1848 г. немедленно предала своих естественных союзников-крестьян, которые являются плотью от плоти ее и без которых она совершенно бессильна перед лицом дворянства». Таким образом, буржуазия, которая в XVII—XVIII вв. была революционным классом и возглавляла победоносные буржуазные революции, теперь, в середине XIX в., стала контрреволюционной в большинстве европейских стран даже в тех случаях, когда она не находилась у власти. Это не значит, что она стала противницей буржуазных преобразований, — она противится лишь революционным путям их осуществления. Буржуазия,

подчеркивают Маркс и Энгельс, вполне устраивает постепенное превращение феодальной монархии в буржуазную, конституционное ограничение абсолютизма.

Первым, непосредственным проявлением контрреволюционности либеральной буржуазии является ее примиренчество по отношению к феодальному строю, стремление согласовать новое и старое, примирить противоречия между ними. Как известно, в умозрительно-идеалистической форме эта задача обосновывалась немецкой идеалистической философией конца XVIII и начала XIX в.: Гегель доказывал в «Феноменологии духа», что старое, сопротивляющееся новому, не есть больше старое, и, обосновывая относительность противоположности между новым и старым, отрицал необходимость борьбы между ними. В период немецкой буржуазной революции умозрительные положения Гегеля были переведены Кампгаузеном и Ганземаном на политический язык. Характеризуя отличие революции 1848 г. в Германии от европейских революций XVII-XVIII вв., Маркс говорит, что в английской революции 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви. В революции 1789 г. французская буржуазия в союзе с народом боролась против тех же врагов. «В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом. Весь французский терроризм был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством». «Ничего подобного не было в мартовской революции в Пруссии».

Маркс и Энгельс ближайшим образом выясняют особенности нового типа буржуазных революций, которые развиваются по нисходящей линии в силу контрреволюционности либеральной буржуазии. Они указывают на историческое своеобразие процесса формирования немецкой буржуазии в условиях чрезвычайной феодальной раздробленности, сохранившейся в Германии и в период развития капитализма. Но главное, что подчеркивают основоположники марксизма и что отнюдь не относится только к Германии, — антагонизм между буржуазией и пролетариатом, обнаружившийся здесь еще до революции.

Маркс и Энгельс ставят вопрос об исторической закономерности, согласно которой развитие освободительной борьбы пролетариата обуславливает превращение буржуазии в контрреволюционный класс, независимо от того, разрешены ли буржуазные задачи, завоевана ли власть буржуазией.

В предреволюционный период Маркс и Энгельс выдвинули положение о превращении буржуазии в контрреволюционный класс после завоевания ею политического господства. Теперь они выдвигают

положение о неизбежной контрреволюционности буржуазии при наличии политически самостоятельного пролетариата. Так, например, немецкая буржуазия в значительной мере была враждебна революции еще до 1848 г. Причиной этого было не столько историческое своеобразие развития Германии, сколько тот основной факт, что немецкая буржуазия почти одновременно вступила в конфликт, с одной стороны, с феодализмом и абсолютизмом, с другой - с пролетариатом. Если французская буржуазия 1789 г. противостояла феодализму, господствовавшему не только во Франции, но и на европейском континенте, то немецкая буржуазия, - склонявшаяся «к компромиссу с абсолютизмом, к измене народу, «сама уже принадлежала к старому обществу; она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества; она стояла у руля революции не потому, что за ней стоял народ, а потому, что народ толкал ее впереди себя; она находилась во главе не потому, что представляла инициативу новой общественной эпохи, а только потому, что выражала недовольство старой общественной эпохи...»

Во Франции буржуазия в 1789 г. выступала как революционный класс. Ее контрреволюционное перерождение было обусловлено исключительно тем, что она стала политически господствующим классом и вступила в непосредственные столкновения с пролетариатом. Правда, буржуазно-демократические преобразования во Франции не были еще завершены. Но французская буржуазия — и это, «как показали Маркс и Энгельс, весьма типично — еще до завершения буржуазно-демократических преобразований стала контрреволюционной.

В произведении «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс разъясняет, что осуществление демократических преобразований в 1848 г., способствует развитию основного классового антагонизма буржуазной общества, все более вынуждало буржуазию становиться на путь контрреволюции. В другом своем труде — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — Маркс показывает, что контрреволюционность буржуазии, коренным основанием которой является ее непримиримая враждебность социализму, проявляется также в ее враждебности демократии. «Партия порядка» расчищала дорогу бонапартистскому перевороту, который, как известно, был контрреволюционно-буржуазным, а отнюдь не контрреволюционно-феодалный переворотом. В Национальном собрании, буржуазном в своем подавляющем большинстве, каждое предложение демократического характера отвергалось большинством контрреволюционной буржуазии как якобы социалистическое, хотя ничего социалистического в этих предложениях, конечно, не было. «Социализмом объявлялся даже буржуазный либерализм, социализмом — буржуазное просвещение, социализмом — буржуазная финансовая реформа. Социализм — строить железную дорожку там, где есть уже канал, социализм — обороняться палкой от нападающего шпагой».

Эти слова Маркса не в меньшей степени изобличают и современную реакционную буржуазию, выступающую против мира и демократии и

объявляющую «коммунизмом» борьбу сотен миллионов людей против империалистической войны, атомной и водородной бомб, бактериологического оружия и т.д.

Буржуазия всегда, конечно, была противницей социализма. Но XVII—XVIII вв. знали революционную буржуазию; возникновение контрреволюционной буржуазии в наиболее развитых капиталистических странах Европы в середине XIX в. свидетельствует о том, что лишь трудящиеся массы могут довести до конца дело буржуазно-демократического преобразования общества.

Рассматривая превращение буржуазии в контрреволюционный класс как закономерный процесс, обусловленный развитием капиталистических производственных отношений и прогрессирующим нарастанием присущих им антагонистических противоречий, Маркс и Энгельс указывали на изменение особенностей буржуазных революций. Учитывая различный уровень развития капитализма в XVII—XVIII вв., с одной стороны, и в XIX в. — с другой, основоположники марксизма говорят о существовании различных типов буржуазных революций. Одни из них, как, например, революции XVII—XVIII вв., во главе которых находится революционная буржуазия, развиваются по восходящей линии, что соответствует сравнительно ранним ступеням развития капиталистического строя в тех или иных странах. Другие, во главе которых стоит буржуазия, ставшая уже контрреволюционной (речь, конечно, идет о Западной Европе, о капиталистически развитых в то время странах), развиваются по нисходящей линии, что соответствует сравнительно высокой ступени развития капитализма, когда классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступает на первый план.

Вопрос о восходящей и нисходящей линии развития буржуазных революций впервые был поставлен Марксом и Энгельсом в «Новой Рейнской газете». Анализируя нисходящую линию развития немецкой буржуазной революции, основоположники марксизма пришли к выводу, что победа немецкой революции возможна лишь благодаря переходу к новому этапу, к «социально-республиканской» революции, ведущей в конечном счете к победе пролетариата.

Положение Маркса и Энгельса о том, что в Германии невозможна «чисто буржуазная революция», явилось дальнейшим развитием положений, впервые высказанных ими в статьях, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике», и вместе с тем постановкой вопроса об условиях перехода от революции буржуазной к революции социалистической, о непрерывной революции.

Известно, что В.И. Ленин в новых исторических условиях, в эпоху империализма, опираясь на положения основоположников марксизма и творчески развивая их, также указывал на различные типы буржуазных революций. Так, в период первой русской революции В.И. Ленин в статье «Революция типа 1789 или типа 1848 года?» ставил следующий вопрос: «...суждена ли нам Революция типа 1789 или типа 1848 года...? (говорим: *типа* чтобы устранить нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей социально-политической и международной

ситуации 1789 и 1848 годов)». При этом В.И. Ленин разъяснял, что революция типа 1789 г. увенчивается полным свержением абсолютизма, установлением буржуазно-демократической республики, в то время как революция второго типа не идет дальше ограничения абсолютизма, дальше монархической конституции. Соответственно этому буржуазные революции типа 1789 г. доводятся до конца, до полной победы над феодализмом, для них характерна восходящая линия развития. Обратную картину дает революция второго типа, развивающаяся по нисходящей линии.

Развивая положения Маркса и Энгельса, В.И. Ленин учил, что в зависимости от соотношения различных классов буржуазная революция принимает ту или иную конкретную форму. Так, в России, как указывал Ленин, в период первой русской революции различные классы держали ставку на различные типы буржуазных революций, т.е. пытались по-своему, в своих интересах решить социальные задачи, объективно поставленные историей. Либеральная буржуазия и пресмыкавшиеся перед ней меньшевики ориентировались на пример половинчатой, потерпевшей поражение немецкой буржуазно-демократической революции 1848 г. В противовес либеральной буржуазии пролетариат в союзе с революционной демократией стремился «по-якобински», как говорил В.И. Ленин, разделаться с самодержавием и его экономическим основанием. Однако, как подчеркивал В.И. Ленин, в исторических условиях России XX века доведение буржуазно-демократической революции до конца означало не просто следование образцу 1793 г., а, напротив, дальнейшее движение вперед, к социалистической революции. В классическом труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин говорил, что якобинцы современной социал-демократии — большевики.

Сопоставляя 1789 и 1848 гг., В.И. Ленин выяснял, какие классовые силы способны довести буржуазную революцию до конца. Такими силами являются прежде всего эксплуатируемые» трудящиеся массы. Даже в 1789 — гг., когда буржуазия была еще революционным классом, буржуазно-демократический переворот был доведен до конца угнетенной и эксплуатируемой массой народа. В еще большей мере эта закономерность характеризует буржуазные революции последующего времени.

Большевистская партия, противопоставляя меньшевистскому оппортунизму развернутую программу доведения до конца буржуазно-демократической революции, опиралась на выдающиеся теоретические обобщения Маркса и Энгельса периода 1848—1852 гг. Ленин неоднократно указывал, что Маркс и Энгельс боролись за доведение до конца буржуазной революции. При этом основоположники марксизма исходили из анализа внутренне присущих ей классовых противоречий. Противоречие, заключавшееся в том, что либералы выступили против буржуазных преобразований, которые могли быть осуществлены только путем революции, было диалектически раскрыто Марксом и Энгельсом, как выражение нарастающего антагонизма между буржуазией и

пролетариатом, и чем больше развиваются, углубляются основные противоречия капиталистического строя, тем быстрее буржуазия становится противником революции.

Но значит ли это, что тем самым буржуазная революция должна потерпеть поражение? Отвечая на этот вопрос в новых исторических условиях, Ленин доказал, что рабочий класс, изолируя либеральную буржуазию и руководя крестьянскими массами, может добиться решительной победы буржуазно-демократической революции.

Буржуазная революция рассматривается Лениным как борьба двух путей буржуазного преобразования: монархически-либерального и республикански-революционного. Каждый из этих путей отстаивается определенными классами, причт совершенно очевидно, что народ, т.е. пролетариат и крестьянство, идут по второму пути. Победа второго пути и означает доведение буржуазной революции до конца.

Маркс и Энгельс, говоря об условиях и социальных силах обеспечивающих полную победу буржуазной революции подчеркивают прежде всего решающую роль социальных «низов». Какие же задачи должны быть ими для этого решены? Несомненно, что «Требования Коммунистической партии в Германии», сформулированные Марксом и Энгельсом в самом начале революции, в значительной мере дают ответ на этот вопрос. «Требования» указывают тот максимум демократических преобразований, который может быть осуществлен в буржуазной революции именно «низами» вопреки «верхам». Мы имеем в виду требование единой немецкой республики, всеобщего вооружения народа, конфискации помещичьей земли, национализации транспорта, введения усиленного прогрессивного налога, всеобщего и бесплатного народного образования и т.д. Однако простой перечень этих требований, хотя они и выражают максимум возможного в смысле демократии в условиях буржуазной революции, еще не говорит о том, какими средствами может быть доведена до конца буржуазная революция.

Как возможно, например, указываемое в требованиях «регулирование всего кредитного дела в интересах всего народа», раз оно, как подчеркивается в том же историческом документе, «подорывает господство крупных собственников денег»? Необходимо, следовательно, вскрыть ту политическую форму; которая обеспечивает доведение до конца буржуазно-демократической революции. Маркс и Энгельс вплотную подходят к решению этого вопроса, указывая на «всеобщее вооружение народа», на необходимость пролетариату, мелкой буржуазии и крестьянскому сословию «добиться своего права и той власти, которая подобаает им как производителям всех богатств». Однако только Ленин дал законченное определение политической сущности доведения до конца буржуазной революции.

Ленин учил, что никакое, даже самое радикальное буржуазно-демократическое завоевание в области экономики не может считаться доведением буржуазной революции до конца, если экономическому преобразованию не соответствует определенное революционное Преобразование самой политической власти. Довести буржуазно-де-

мократическую революцию до конца – значит довести ее до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Положение Ленина о том, что только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства способна довести до конца буржуазно-демократическую революцию, представляет собой теоретическое обобщение условий, которых еще не было в эпоху Маркса и Энгельса, когда буржуазия, несмотря на свою контрреволюционность, все еще оставалась гегемоном в революции, когда крестьянство еще не выступало в качестве союзника пролетариата, а сам рабочий класс сплошь и рядом оказывался на буксире у либеральной буржуазии.

В.И. Ленин как величайший продолжатель дела Маркса и Энгельса гениально вскрыл в воззрениях основоположников марксизма зародыши и наброски тех теоретических положений, которые предвосхищали будущее. В новых условиях Ленин уточнил, конкретизировал и, далее, на базе нового исторического опыта развил, обогатил положения Маркса и Энгельса, вооружив Коммунистическую партию новой теорией социалистической революции.

5. Основные наброски идеи гегемонии пролетариата

Марксизм-ленинизм исходит из того, что пролетариат в силу своего экономического и политического положения должен быть вождем всех угнетенных и эксплуатируемых. И лишь постольку, поскольку пролетариат действительно руководит непролетарскими трудящимися массами, его можно рассматривать как политически созревший, осознавший свои интересы и задачи класс. Сознание своей руководящей роли по отношению к непролетарским трудящимся массам составляет неотъемлемую черту развитого самосознания рабочего класса. Именно потому, что пролетариат по самому своему положению наиболее передовой и последовательно революционный класс, он призван сыграть роль вождя и руководителя в общедемократическом революционном движении. Отсюда следует, что идея гегемонии пролетариата, вопреки утверждениям оппортунистов II Интернационала, коренится во всем содержании марксизма и непосредственно связана с марксистским учением об исторической миссии рабочего класса.

Известно, что В.И. Ленин создал учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях, в строительстве социалистического общества. Создавая это учение, Ленин опирался на те основные наброски идеи гегемонии пролетариата, которые были даны Марксом и Энгельсом.

У Маркса и Энгельса мы, правда, почти не встречаем термина «гегемония пролетариата ни в 1848-1851 гг., ни в последующее время. Однако это обстоятельство не решает дела. Как известно, до 1850 г. мы не находим у основоположников марксизма и термина «диктатура пролетариата», хотя основные положения о диктатуре пролетариата были сформулированы ими еще в 1847–1848 гг.

Естественно, возникает вопрос, какое место в теоретическом

обобщении опыта революции 1848 г. занимает идея гегемонии пролетариата? Ответ мы находим у В.И. Ленина» который указывает: «Во время немецкой буржуазной революции Маркс считал основной задачей пролетариата - доведение революции до конца, завоевание руководящей роли пролетариатом, разоблачение предательства «соглашательской» буржуазии, вырывание народных масс и особенно крестьянства... из-под влияния этой буржуазии. Это – исторический факт, замалчивать или обходить который могут только всуе приемлющие имя Маркса».

Рассмотрим в свете указания В.И. Ленина произведения основоположников марксизма данного исторического периода. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс разъясняют, что мелкий производитель, гибнущий под гнетом капитализма, становится революционным лишь постольку» поскольку он сознает безвыходность своего положения и переходит на точку зрения пролетариата, под его руководства Маркс и Энгельс указали на пролетариат как на самую активную и передовую силу в борьбе не только за социализм, но и за демократию. В дальнейшем, подытоживая опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс пришли к выводу, что пролетариат может быть не только могучей ударной силой в буржуазной революции, но при определенных условиях может завоевать на свою сторону мелкобуржуазные массы, с тем чтобы руководить ими, направлять их борьбу за демократию. В период революций 1848 г. пролетариат выступал в качестве боевой ударной силы революции, но гегемония, как известно, принадлежала буржуазии. В ряде случаев, когда пролетариат захватывал в свои руки историческую инициативу (например, в июньские дни 1848 г.), он оказывался без союзников и также, следовательно, не выступал в качестве гегемона. Но были и такие случаи, когда историческая инициатива, проявленная пролетариями, подхватывалась широкими непролетарскими массами трудящихся, что способствовало достижению поставленной революционной цели. Маркс и Энгельс отмечали, что берлинский пролетариат руководил вооруженной борьбой всех трудящихся масс на мартовских баррикадах труда.

Характеризуя восстания 1849 г. в Дрездене, Баварском Пфальце, отчасти в Рейнской Пруссии и, наконец, в Бадене, Маркс и Энгельс специально останавливаются на роли рабочего класса, подчеркивая, что он был инициатором вооруженной борьбы, увлекавшим за собой батраков, мелких крестьян и некоторую часть студенчества

Однако такое положение в период революций 1848 г было всего лишь кратковременным моментом, не отменявшим в целом гегемонии либеральной буржуазии. Гегемония пролетариата имела лишь в зародыше. Направляя всю свою деятельность на то, чтобы в условиях буржуазной революции превратить пролетариат в класс, который бы представлял «действительные и хорошо понятые интересы всей нации...», Маркс и Энгельс приходили к выводу, что либеральная буржуазия вследствие своей контрреволюционности уже не способна руководить революционными силами. Что касается мелкой буржуазии, то она не способна руководить революционными силами в силу своего

промежуточного положения. Один лишь пролетариат обладает необходимыми качествами для того, чтобы возглавить и повести в бой все силы, способные к борьбе со старым режимом.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали, что в Германии пролетариат должен поддерживать буржуазию в той мере, в какой она выступает революционно. Немецкая буржуазия перешла на сторону контрреволюции. И «Новая Рейнская газета» призывает массы действовать вопреки буржуазии, указывая на пролетариат как наиболее революционную силу, в союзе с которой крестьянство может получать землю. Маркс и Энгельс подходят к вопросу о гегемонии пролетариата, во-первых, через разоблачение либеральной буржуазии, во-вторых, выявляя решающее значение инициативы масс в революции, в-третьих, отмечая решающую роль социальных «низов» в деле доведения до конца буржуазной революции.

Ссылаясь на весь опыт буржуазных революций, Маркс и Энгельс доказывают, что демократические завоевания имели место в этих революциях лишь постольку, поскольку народные массы в решающие моменты захватывали в свои руки революционную инициативу и по существу руководили ходом событий. Именно выдвижение в качестве господствующей силы социальных «низов», борющихся против соглашательской линии либеральной буржуазии, обеспечивало доведение до конца буржуазной революции, завоевание максимума демократических преобразований. Идея гегемонии социальных «низов», несомненно, подсказывалась историческим опытом всех буржуазных революций, в особенности же французской революции 1789 г. Вот почему «Новая Рейнская газета» утверждала, что французский Конвент является маяком всех революционных эпох; в нем воплотилось господство социальных «низов», их гегемония в якобинский период революции. Социальные «низы», которые имеют в виду Маркс и Энгельс и которые в критические моменты революционного переворота, захватывая руководство в свои руки, обеспечивали победы демократии, «это — пролетариат и большая часть крестьян, к которым в течение некоторого времени обычно примыкает передовая часть мелкой буржуазии».

Нельзя не вспомнить о том, что меньшевики, облыжно ссылаясь на Маркса и Энгельса, пытались доказывать, что понятие «народ» чуждо марксизму и является чуть ли не пережитком народнических воззрений. С этих фальшивых позиций меньшевики обвиняли большевистскую партию в отказе от марксистской теории классовой борьбы. На самом деле именно меньшевики извращали теорию классовой борьбы, отрицая возможность союза угнетенных и эксплуатируемых классов (пролетариата и крестьянства) в борьбе против эксплуататоров, стремящихся подавить революцию.

Итак, подытоживая опыт немецкой революции, анализируя причины ее поражения, Маркс и Энгельс подходят к постановке вопроса о гегемонии пролетариата в буржуазной революции.

Во Франции пролетариат проявил себя в несравненно большей мере, чем в Германии. Опыт революционной борьбы французского

пролетариата привел Маркса к выводу, что все демократические завоевания 1848 г. во Франции были достигнуты благодаря исторической инициативе пролетариата, который на отдельных этапах революционного переворота выходил из-под влияния либеральной буржуазии и, поддерживаемый мелкобуржуазными массами, навязывал буржуазии свою волю. При этом естественно, обнаруживалась враждебность буржуазии делу коренного улучшения положения народа. Антагонизм между пролетариатом и буржуазией, отступивший было в февральские дни на второй план, вновь выступил наружу, что привело в конечном итоге к июньскому сражению, в котором против рабочих выступили все остальные классы буржуазного общества, в том числе и мелкая буржуазия. Поражение парижского пролетариата привело в свою очередь к торжеству контрреволюции, к разгрому мелкобуржуазной демократии в 1849 г. Таким образом, сам ход событий показал, что действительную помощь мелкая буржуазия может получить лишь от рабочего класса. Маркс писал: «Перед лицом коалиции контрреволюционной буржуазии все уже революционизированные элементы мелкой буржуазии и крестьянства естественно должны были соединиться с главным носителем революционных интересов, с революционным пролетариатом».

Проследивая развитие классового сознания крестьянства в ходе буржуазной революции, Маркс показывает, что мелкобуржуазное население деревни, разочаровавшись в буржуазной республике, начинает видеть своего действительного врага не слева, а справа; в крупном капитале, заменившем помещика.

«Мы шаг за шагом проследили, — говорит Маркс, — как крестьяне, мелкие буржуа, вообще средние слои общества становились на сторону пролетариата, приходили к открытому антагонизму по отношению к официальной республике, третировались ею как враги. Возмущение против диктатуры буржуазии, потребность в преобразовании общества, сохранена демократическо-республиканских учреждений как орудий этого преобразования, сплочение вокруг пролетариата как решающей революционной силы — вот общие черты, характеризующие так называемую партию социальной демократии, партию красной республики».

Однако пролетариат, разбитый в июньском сражении, потерявший свои революционные организации и в известной части подпавший под влияние реакционных прудонистских планов, не мог в то время ни организовать, ни возглавить и повести за собой мелкобуржуазные массы. Полевение последних, с одной стороны, открытое наступление буржуазии на демократию — с другой, были использованы бонапартизмом для контрреволюционного переворота, проведенного под демагогическими антибуржуазными лозунгами, увлекшими временно значительную часть крестьянства и небольшую часть рабочего класса. Революционное движение было подавлено.

Таким образом, теоретическое обобщение опыта французской революции 1848 г. привело Маркса и Энгельса к выводу о возможности союза рабочего класса с мелкобуржуазными массами города и деревни, союза, в котором руководящая роль принадлежала бы пролетариату. Как

известно, в то время эта возможность не стала действительностью, что также отметили основоположники марксизма.

Анализируя причины поражения революции 1848 г. во Франции, Маркс и Энгельс делают вывод о неизбежности превращения крестьянства из резерва контрреволюционной буржуазии в резерв революционного пролетариата, который прямо характеризуется ими как естественный союзник и вождь трудящегося крестьянства в борьбе против гнета капитала. Предвосхищая в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» великое будущее освободительной борьбы пролетариата, Маркс писал: «Словом, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят своего естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок».

Таким образом, Маркс прямо и отчетливо указывает пролетариату его роль вождя непролетарских трудящихся масс в их борьбе за свое социальное освобождение. Впоследствии, на историческом опыте Парижской Коммуны, Маркс пришел к выводу, что пролетариат становится руководящей силой и в национально-освободительной борьбе, силой, способной объединить вокруг себя все прогрессивные элементы, стремящиеся к спасению родины от иностранного нашествия.

Однако разработка вопроса гегемонии пролетариата условиях Западной Европы XIX в. тормозилась отсутствием исторического опыта совместной борьбы пролетариата и трудящегося крестьянства против внутренней внешней реакции. В Западной Европе на протяжении всей эпохи домонополистического капитализма крестьянство выступает сплошь и рядом как резерв буржуазии. Но несмотря на отсутствие союза между рабочим классом и крестьянством и даже на враждебные иногда выступления крестьян против рабочих, Маркс и Энгельс постоянно возвращались к мысли о возможности и необходимости союза между пролетариатом и крестьянством, о руководящей роли пролетариата в этом союзе.

Изучая произведения основоположников марксизма относящиеся к 1848–1851 гг. и к последующему периоду мы видим, что они концентрируют свое внимание на разъяснении того, почему крестьянство не являлось в то время союзником пролетариата, подчеркивая каждый раз переходящий характер тех условий, которые противопоставляют трудящегося крестьянина пролетариату. Примером такого рода анализа проблемы может быть «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где Маркс показывает, что французское крестьянство стало политическим резервом буржуазии, поскольку оно под ее руководством добилось ликвидации феодализма и передачи помещичьей земли крестьянам. Однако французская буржуазная революция 1789 г., превратив полукрепостных крестьян в свободных поземельных собственников, привела вместе с тем к новому, капиталистическому порабощению крестьянства.

Развитие капитализма, разоряя значительные массы трудящегося

крестьянства, революционизирует их, ликвидируя условия, превращавшие их в политический резерв буржуазии. Отвергая реакционное представление о трудящемся крестьянстве как исконном стороннике капитализма, Маркс и Энгельс впоследствии подвергли беспощадной критике лассальянцев, зачислявших непролетарские трудящиеся массы в реакционный лагерь. Лассальянскую оценку крестьянства Маркс и Энгельс рассматривали как сектантскую, враждебную дату развития массового рабочего движения.

Признание марксизмом особой исторической миссии пролетариата неразрывно связано с признанием его руководящей роли по отношению к другим трудящимся классам. Марксизм учит, что выделение пролетариата из всей массы эксплуатируемых необходимо лишь для указания его места — места вождя во всякой народной борьбе за исторически прогрессивное дело. Эти замечательные положения основоположников марксизма, как известно, были отвергнуты оппортунистами Интернационала, считавшими признаком хорошего тона третировать крестьянские массы. В этом сказалась враждебность лидеров Интернационала делу пролетарской революции.

Только В.И. Ленин, опираясь на основные наброски идеи гегемонии пролетариата, данные Марксом и Энгельсом, на основе исторического опыта эпохи империализма и пролетарских революций создал цельное и стройное учение о союзе пролетариата с крестьянством, о гегемонии пролетариата как в буржуазной, так и в социалистической революции, а также в период строительства социализма. Ленинизм доказал возможность победоносной социалистической революции и в тех странах, где пролетариат не составляет большинства, но является гегемоном в освободительной борьбе трудящихся.

История полностью подтвердила учение марксизма-ленинизма о гегемонии пролетариата в социалистической революции, а построение социализма в нашей, когда-то отсталой, аграрной стране засвидетельствовало перед всем миром величие ленинской идеи о гегемонии пролетариата в социалистическом строительстве.

6. Идея непрерывной революции

Важнейшим завоеванием марксистской науки в изучаемый нами период является идея непрерывной революции, обобщившая тенденции, в зародыше наметившиеся уже в буржуазных революциях XX в., но ставшие закономерностью победоносной буржуазно-демократической революции лишь в эпоху империализма. Мысль о возможности непрерывной революции появляется еще в предреволюционных произведениях основоположников марксизма в связи с изучением французской буржуазной революции 1789 г. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс высказывают убеждение, что немецкая буржуазная революция может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции. Значит, уже тогда Маркс и Энгельс считали, что длительный интервал по времени между буржуазной и пролетарской революциями не является безусловно неизбежным то

обстоятельство, что относительно Германии вышеуказанное предположение не оправдалось, нисколько не уменьшает его принципиального значения, тем более, что в качестве пролога пролетарской революции имелась в виду победоносная, а отнюдь не та половинчатая буржуазная революция, которая затем произошла в Германии.

«Новая Рейнская газета», несомненно, исходила из оценки перспектив революционного развития, которая была сформулирована «Манифестом Коммунистической партии». Разоблачая половинчатость немецкой буржуазной революции, «Новая Рейнская газета» выдвинула лозунг борьбы за превращение «полуреволюции» в полную революцию. Речь шла прежде всего о доведении буржуазной революции до конца. В этой своей форме идея непрерывной революции была почерпнута Марксом и Энгельсом из опыта французской буржуазной революции 1789 г. Энгельс говорит в статье «Маркс и «Новая Рейнская газета»», опубликованной в 1884 г., что «мы во многих отношениях бессознательно подражали» Марату, который «не считал революцию законченной, а хотел, чтобы она была объявлена непрерывной».

Рассмотрим статьи основоположников марксизма, опубликованные в «Новой Рейнской газете». Лишь в одной из них — «Революционная борьба в Венгрии» — мы находим выражение: «перманентная революция». В ней дана высокая оценка венгерской революции. Однако выражение «перманентная революция» употребляется здесь лишь как обозначение восходящей линии развития революции, которая, не останавливаясь на первоначальных своих достижениях, доводит до конца буржуазно-демократические преобразования.

В том же духе оценивают Маркс и Энгельс ход революции в Германии, требуя ее продолжения, т.е. недопущения каких-либо компромиссов с реакционными силами и завершения преобразований, начатых в мартовские дни.

Изменившая народу либеральная буржуазия сразу же после мартовских баррикад объявила революцию законченной, призывая массы к спокойствию и послушанию. В статье ««Берлинская национальная газета» — первичным избирателям» Маркс и Энгельс разоблачают классовый смысл буржуазных призывов к прекращению революции. «Национальная газета» писала: «Мы не хотим продолжения революции, мы враги всякой анархии, всякого насилия и произвола: мы хотим законности, спокойствия и порядка». Маркс и Энгельс следующим образом отвечают этому рептильному органу либеральной буржуазии: ««Мы не хотим продолжения революции»! Это значит — мы хотим продолжения контр-революции. Ибо насильственная контрреволюция — таков исторический факт — либо вовсе не преодолевается, либо преодолевается революцией. «Мы не хотим продолжения революции» — это значит: мы признаем революцию законченной, достигшей своей цели. И цель, которой достигла революция к 21 января 1849 года, когда была написана вышеупомянутая статья, — цель эта была именно — контрреволюция».

В замечательной статье о берлинских дебатах по вопросу о

признании революции Маркс и Энгельс указывают, что революция не была завершена, что ее необходимо продолжить, довести до конца вопреки либеральной буржуазии, которая из страха перед народом заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией.

Называя немецкую революцию «лишь полуреволюцией, лишь началом длительного революционного движения», Маркс и Энгельс, имея в виду опыт 1789—1793 гг., решительно подчеркивали «демократическую сторону революции», воплощенную в деятельности широких народных масс. Они указывали, что «министерство Кампгаузена, теория соглашения, косвенные выборы, господство крупных капиталистов и проявления деятельности самого; собрания (речь шла о Берлинском собрании. — Т.О.) хотя и могут стать неотвратимыми промежуточными этапами, но ни в коем случае — не конечными результатами». Что имеют в виду Маркс и Энгельс, говоря о конечных результатах революции? Прежде всего такое решение вопроса о власти, которое бы утвердило на немецкой почве не буржуазную монархию орлеанского типа, а буржуазно-демократическую республику. Но завершение буржуазной революции — лишь одна и к тому же подчиненная сторона того процесса, который Маркс и Энгельс определили как непрерывную революцию. Маркс и Энгельс никогда не рассматривали борьбу за демократию и борьбу за социализм как процессы, совершающиеся независимо друг от друга. Напротив, анализ классовых сил приводил их к убеждению, что вследствие контрреволюционности либеральной буржуазии последовательное решение демократических задач может быть осуществлено лишь на путях борьбы за социализм. Либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо социально-республиканская революция — так ставила вопрос «Новая Рейнская газета».

Борьба за демократию перерастает в борьбу за социализм, а доведение до конца буржуазно-демократических преобразований становится возможным в революции, направленной против капитализма. Громадный интерес представляет в этом отношении полемика газеты Маркса и Энгельса с парижской «Реформой». Последняя считала июньскую битву следствием двустороннего заблуждения, т.е. неправильного поведения как буржуазии, так и пролетариата. Эта мелкобуржуазная газета, признавая, что июньская битва была борьбой между классами, считала исторической ошибкой именно классовую борьбу, мечтая о примирении противоположных классовых интересов. Она уверяла, что противоречие между пролетариатом и буржуазией представляет «глубоко лежащее зло», которое «происходит от сумятицы идей и нравов, от забвения справедливости и равенства...». Подвергая критике идеалистические положения «Реформы» как «беспомощность мысли», отражающую половинчатость мелкой буржуазии, Маркс и Энгельс замечают: «Стало быть, противоречие между буржуазией и пролетариатом проистекает из идей этих двух классов. Но откуда происходят эти идеи? Из общественных отношений. А откуда эти отношения? Из материальных, экономических условий жизни враждующих классов».

Отвергая субъективизм мелкобуржуазной постановки вопроса о классовой борьбе, Маркс и Энгельс считают закономерной и неизбежной борьбу пролетариата и буржуазии в условиях буржуазной революции на известном этапе ее развития. Развивая положение об освободительной борьбе пролетариата в условиях буржуазной революции, основоположники марксизма формулируют идею непрерывной революции

Изучая фактический ход революции, в особенности во Франции» Маркс и Энгельс приходят к выводу, что развитие освободительного движения пролетариата в ходе самой буржуазной революции может привести — и вполне закономерно — к попыткам социалистического переворота. Маркс и Энгельс органически враждебны мелкобуржуазному осуждению таких попыток, напротив, констатируя факты, они вскрывают их связь с изменившимся отношением классов в самой буржуазной революции. И если буржуазные революции в западноевропейских странах в середине ХХ в. потерпели поражение, то отсюда вовсе не следует, что революционные выступления пролетариата были «преждевременными» и, следовательно, излишними. Буржуазные революции 1848 г. потерпели поражение, потому что буржуазия стала контрреволюционным классом, а пролетариат не был еще исторически подготовлен к тому, чтобы стать гегемоном.

Оппортунисты II Интернационала, в том числе и меньшевики, рассматривали всякое выступление пролетариата и народных масс вообще против буржуазии в период буржуазной революции как преждевременное и чуть ли не реакционное, Бернштейн, например, «объяснял» эти выступления в революциях 1848 г. «несознательностью» пролетарских масс, не понимавших-де необходимости господства буржуазии и подчинения буржуазным порядкам. Такое «объяснение» является издевательством над историческим материализмом, апологией буржуазии, субъективистским игнорированием фактического хода исторического развития.

Оппортунисты истолковывали революционные выступления пролетариата как политическую незрелость! Маркс и Энгельс, напротив, видели в выступлениях пролетариата первые проявления его политической самостоятельности, а его поражение объясняли недостаточной зрелостью и организованностью. Основоположники марксизма рассматривали революционные выступления пролетариата как зародыш социалистической революции в недрах революции буржуазной, обосновывая идею непрерывной революции, которая в конечном итоге приведет к утверждению диктатуры пролетариата.

Впоследствии Ленин, развивая идеи Маркса и Энгельса, указал на закономерность социалистических попыток пролетариата в условиях буржуазной революции, в ходе которой обнаруживается, с одной стороны, качественное различие между борьбой за демократию и борьбой за социализм, а с другой стороны, неразрывная связь между той и другой борьбой. Так, например, в своей классической работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В.И. Ленин говорил о том, что эпохе буржуазно-демократических революций

известен ряд социалистических движений. Закономерность этих социалистических движений Ленин объяснял, в частности, тем, что в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего. Поэтому строжайше противопоставляя буржуазную революцию и социалистическую, не следует забывать, что отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются.

Теоретически обобщая опыт революций 1848 г., Маркс в труде «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» показывает, как и при каких условиях начинается переход от революции буржуазной к революции социалистической. Именно опыт Франции послужил для Маркса главным основанием для такой постановки вопроса, потому что во Франции в наиболее типической, концентрированной форме, проявились объективные закономерности развития, присущие всему капиталистическому миру. Если в Германии идея непрерывной революции подсказывалась Марксу и Энгельсу прежде всего половинчатостью и бессилием мелкобуржуазной демократии, наряду с контрреволюционностью либерализма, то французская революция наглядно показала величайшую роль пролетариата в решении всех демократических задач и неразрывную связь между борьбой за демократию и борьбой за социализм.

Произведение Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» до конца разоблачает враждебность политически господствующей буржуазии каким бы то ни было дальнейшим демократическим преобразованиям, ее стремление в борьбе против пролетариата опереться на остатки старины. Вскрывая закономерность буржуазной борьбы против демократии, Маркс приходит к выводу, что наиболее последовательным борцом за буржуазно-демократические свободы является пролетариат.

Проследившая развитие пролетариата в ходе революции, Маркс убедительно показывает, как пролетарская борьба за свободу обнаруживает тенденцию к перерастанию в борьбу за социализм. Так конкретизируется идея непрерывной революции, поскольку выявляется, что французские пролетарии впервые в истории пытались осуществить на практике непрерывную революцию. Эта попытка была органически связана с развитием пролетариата в ходе революции, с ростом его классовой сознательности и организованности.

В февральские дни рабочие верили «в возможность своего освобождения бок о бок с буржуазией, они поддерживали Временное правительство, не видя его враждебности делу дальнейшего развертывания социальных преобразований. Установление республики представлялось им упразднением господства капитала, между тем как на самом деле оно было лишь упразднением монархической формы этого господства. Незрелости пролетариата соответствовала и незрелая идеология: пролетарские массы находились под влиянием мелкобуржуазного социализма. Во главе парижских рабочих оказался мелкобуржуазный социалист Луи Блан, и лозунг «организации труда», выдвинутый на основе его мелкобуржуазной утопии, приобрел

значительную популярность.

Критикуя иллюзии незрелого пролетариата, Маркс вскрывает вместе с тем в его требованиях зародыш и предвосхищение действительного исторического развития. Так, например, утопическое в условиях капитализма требование законодательного обеспечения права на труд в действительности выражает необходимость уничтожений! капитала и перехода к общественной собственности на средства производства,

Если влияние теории и политики Луи Блана на рабочие массы свидетельствовало об юс незрелости, то кровавая практика Кавеньяка выражала интересы политически зрелой буржуазии, готовой на все для сохранения своего господства. Июньское восстание свидетельствовало, что пролетариат в лице своего парижского авангарда увидел и буржуазный характер республики, понял на опыте революции, что реальное улучшение его положения невозможно вне классовой борьбы против буржуазии, и встал на путь непрерывной революции. Одним из важнейших следствий июня было банкротство мелкобуржуазного социализма, который теперь, как указывал Маркс, становится знаменем мелкой буржуазии, между тем как «пролетариат все более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма... Этот социализм есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия...»

В этих словах Маркс формулирует историческую необходимость непрерывной революции и диктатуры пролетариата.

Таким образом, труд Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (значительная часть которого была написана и опубликована до знаменитого «Обращения» ЦК «Союза коммунистов») выдвигает идею непрерывной революции. В этом произведении, так же как в предшествующих ему статьях «Новой Рейнской газеты», Маркс гениально обобщил опыт «рабочей революции», т.е. июньской битвы во Франции.

«Новая Рейнская газета» указывала, что июньское восстание в отличие от всех предшествовавших ему буржуазных революций угрожало существованию буржуазного порядка. Это была, как затем указал Маркс в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.», первая великая битва между основными классами капиталистического общества, битва за сохранение или уничтожение буржуазного строя.

Характеризуя июньскую битву как «рабочую революцию», возникшую не после буржуазной революции, а в процессе борьбы за завершение буржуазно-демократических преобразований, Маркс говорит, что причиной ее поражения было отсутствие союза между пролетариатом и непролетарскими трудящимися массами, стоявшими в июньские дни на стороне буржуазии. Борьба пролетариата против буржуазии лишь тогда может увенчаться низвержением капитала, когда революция подымает против господства капитала мелкобуржуазные слои населения, колеблющиеся между пролетариатом и буржуазией.

В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс доказывает, что в

результате развития капиталистических отношений и неизбежного разорения основной массы крестьянства (последнее расстанется «с верой в свою парцеллу; все построенное на этой парцелле государственное здание (имеется в виду бонапартизм. — Т.О.) рухнет, и пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню».

Итак, непрерывная революция предполагает союз рабочего класса с трудящимся, разоряемым капитализмом, крестьянством. Идея гегемонии пролетариата представляла собой, следовательно, исходный пункт положения о непрерывной революции. Но по условиям своего времени Маркс и Энгельс могли дать лишь основные наброски этой идеи, не получившие в их произведениях дальнейшего развития.

Оценивая освободительную борьбу пролетариата в условиях революций 1848 г., Маркс подчеркивает, что пролетариат еще не был способен совершить победоносную пролетарскую революцию. Этот вывод, сделанный относительно наиболее развитого и революционного пролетарского класса тогдашней Европы, французского рабочего класса, отнюдь не приводит Маркса к признанию «ошибочности» или «преждевременности» социалистических выступлений пролетариата. Напротив, рабочие выступления, непосредственно не достигавшие своей конечной цели, рассматриваются Марксом как могучее ускорение исторического процесса и важнейшее условие политического просвещения пролетариата, обеспечивающее победоносную пролетарскую революцию в будущем. Поражение социалистических попыток открыло пролетариату «ту истину, что малейшее улучшение его положения в рамках буржуазной республики остается утопией и что эта утопия становится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда на место требований, удовлетворение которых пролетариат хотел вырвать у февральской республики, требований чрезмерных по форме, но мелких и буржуазных по существу, выступил смелый революционный боевой лозунг: Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»

Итак, выясняя причины поражения парижских пролетариев, пытавшихся перейти от буржуазной революции к социалистическому перевороту, Маркс указывает на отсутствие союза между пролетариатом и мелкобуржуазными массами. То, что пролетариат не увлек за собой в борьбе против буржуазии непролетарские трудящиеся массы, и было главной причиной его поражения не только во Франции, но и в других странах. К этому важнейшему выводу, замалчиваемому всеми оппортунистами, Марке возвратился в 1856 г. В письме к Энгельсу от 16 апреля 1856 г. Маркс следующим образом определял исторические перспективы пролетарской революции в Германии: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно».

Классическая формулировка идеи непрерывной революции дана Марксом и Энгельсом в знаменитом «Обращении Центрального комитета

к Союзу коммунистов» (первое обращение, март 1850 г.), написанном вслед за трудом Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». «Обращение» — выдающийся программный документ научного коммунизма, подытоживающий исторический опыт революций 1848 г. как в Германии, так и во Франции.

«Обращение» исходит из предположения, что Германия находится накануне революции. «...Развитие не пойдет... мирным путем. Наоборот, близка революция...», — говорится в нем. Немецкая революция, полагают основоположники марксизма, окажется связанной с пролетарской революцией во Франции, так что ее начало в Германии может совпасть с ее победой во Франции, что, несомненно, ускорило бы ход революционных событий.

Как известно, эти предположения не подтвердились дальнейшим ходом событий, что было использовано оппортунистами Интернационала для того, чтобы очернить идею непрерывной революции и похоронить ее в угоду контрреволюционной буржуазии. Большевики объявили идею непрерывной революции ошибкой, отвергнув какую бы то ни было возможность перехода от революции буржуазной к революции социалистической. В действительности то, что надежды Маркса и Энгельса на близость новой революции не подтвердились, нисколько не умаляет их гениальной идеи непрерывной революции.

Далее, в «Обращении» говорится, что в предстоящей немецкой революции пролетариат должен создать самостоятельную массовую политическую организацию, фактически отсутствовавшую в 1848—1849 гг.

Маркс и Энгельс подчеркивают, что политическая линия «Союза коммунистов» оказалась единственно правильной. «В то же самое время прежняя крепкая организация Союза значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные округа и общины стали запускать свои сношения с Центральным комитетом и постепенно прекратили их все. Таким образом, в то время как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных; цели и в силу этого попала в общем движении всецело под господство и под руководство мелкобуржуазных демократов. Такому состоянию необходимо положить конец: самостоятельность рабочих должна быть восстановлена».

Центральный Комитет выдвигает задачу реорганизации и укрепления Коммунистической партии — «Союза коммунистов», для чего необходимы не только решительная борьба с контрреволюционной либеральной буржуазией, но и размежевание с мелкобуржуазной демократией ей, поскольку последняя сама по себе отнюдь не стремится к социалистическим преобразованиям и ратует лишь за демократический путь развития капитализма. Поскольку в ходе буржуазно-демократического переворота «мелкобуржуазная демократия в течение

дальнейшего развития революции получит в Германии преобладающее влияние на известное время», рабочая партия должна заранее определить свое отношение к ней, полностью учитывая влияние и классовый состав Демократической партии в Германии, включавшей в себя не только огромное большинство буржуазного и мелкобуржуазного населения го родов, но и некоторую часть крестьян, а также сельских пролетариев в той мере, в какой они еще не осознали единства своих классовых интересов с городским пролетариатом. Отсюда вся сложность отношения революционно-пролетарской партии к этому внутренне противоречивому, но временно объединенному единой демократической задачей течению.

«Обращение», следовательно, подчеркивает, что пролетариату в Германии попрежнему угрожает опасность оказаться на буксире у мелкобуржуазной демократии. Для того чтобы этого не произошло, пролетариату необходима самостоятельная пролетарская партия, без которой он вообще не может стать руководящей силой в революционной борьбе масс: «...рабочая партия должна выступать возможно более организованной, возможно более единой и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и тащиться у нее в хвосте».

Маркс и Энгельс строго разграничивают демократические и социалистические задачи, доказывая, что союз с мелкобуржуазной демократией не должен вести к слиянию с ней, что поддержка мелкой буржуазии допустима лишь постольку, поскольку она борется против реакционных сил и стоит за продолжение революции: «Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она идет вместе с ней против той фракции, к низвержению которой рабочая партия стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить свое положение в своих собственных интересах».

Маркс и Энгельс в данном случае имеют в виду задачи социалистической революции, в которой пролетариату неизбежно придется выступить против Демократической, в значительной мере буржуазной по составу, партии.

В противовес Демократической партии, ограничивавшей задачи революции осуществлением буржуазно-демократических преобразований, «Обращение», формулируя политическую линию сознательного и организованного пролетариата, выдвигает и обосновывает лозунг непрерывной революции: «В то время, как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований (речь идет о требованиях буржуазной демократии. — Т.О.), наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти...»

Если вспомнить известное положение Маркса о восходящей линии развития революции, то идея непрерывной революции выступает как его дальнейшее развитие. Лозунг непрерывной революции противопоставляется Марксом и Энгельсом, с одной стороны, буржуазному требованию окончания революции, а с другой, бланкистским попыткам перепрыгнуть через буржуазно-демократические преобразования непосредственно к «красной республике».

Важнейшим моментом в обосновании непрерывной революции является анализ соотношения классовых сил в ходе буржуазной революции, углубляющий и конкретизирующий рассмотренное выше положение Маркса и Энгельса о прогрессирующей классовой дифференциации, классовой борьбе как движущей силе революции. Либеральная буржуазия, мелкая буржуазия, пролетариат — таковы главные социальные силы, в той или иной мере участвующие в революции. Либеральная буржуазия является противницей революции, ее классовые интересы и обусловленные ими политические задачи не идут дальше установления конституционной монархии, что представляет собой лишь сделку с абсолютизмом. Используя начавшуюся революцию для достижения своей классовой цели, либеральная буржуазия далее выступает против всех революционных сил, вступая в союз с реакцией для удушения революции.

Однако революция не завершается установлением конституционной монархии. Трудящиеся массы сплошь и рядом пресекают попытки либеральной буржуазии покончить с революцией, и, поскольку они являются движущей силой революции, она продолжается вопреки предательству либеральной буржуазии, вопреки готовности монархического государства «даровать» конституцию.

Мелкая буржуазия, угнетаемая крупным капиталом, стремится довести дело демократических преобразований до установления буржуазной республики. Мелкие буржуа требуют прежде всего ограничения бюрократии, сокращения государственных расходов и переложения значительной части налогов на крупных землевладельцев и буржуа. Они требуют также дешевого государственного кредита, законов против ростовщичества и устранения давления крупного капитала на мелкий. Наконец, они требуют полного уничтожения феодализма для введения буржуазных имущественных отношений в деревне. Для осуществления своей экономической программы мелкой буржуазии необходима республика.

На этом мелкая буржуазия стремится закончить революцию. Но для пролетариата дело сводится не к изменению формы частной собственности, а к ее уничтожению; он стремится не к затушевыванию классовых противоречий, а к ликвидации классов, не к реформе буржуазного общества, а к его низвержению. Поэтому боевым лозунгом пролетариата должна быть непрерывная революция. Для проведения ее «рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом», создать «самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии...», независимую от буржуазных влияний. Необходимо, далее, рядом с

официальными буржуазными правительствами «учреждать собственные, революционные рабочие правительства в виде ли органов мутного самоуправления, муниципальных советов, в виде ли рабочих клубов или рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих». А для этого рабочие должны быть вооружены и организованы: «...они должны добиться вооружения и организации в отдельный корпус с избранными ими командирами или же организации в виде части пролетарской гвардии».

Таково основное содержание идеи непрерывной революции. Как говорилось выше, оппортунисты Интернационала отказались от этой идеи, заменив ее догмой о существовании некоей якобы непроходимой стены между буржуазной и пролетарской революциями. Наиболее опасной формой ревизии марксистской идеи непрерывной революции явилась троцкистская, субъективистская концепция перманентной революции. Лицемерно заявляя о своей согласии с Марксом, Троцкий совершенно извратил реальное содержание теории непрерывной революции, отверг необходимость буржуазно-демократического этапа революции, союза пролетариата с трудящимся крестьянством и провозгласил авантюристический лозунг немедленного установления рабочего правительства, лозунг, обрекавший пролетариат на политическую изоляцию и неизбежное поражение. В.И. Ленин разоблачил вредоносную контрреволюционную концепцию Троцкого, творчески развил идею Маркса о непрерывной революции, создав учение о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Продолжая дело Ленина, И.В. Сталин показал, что троцкистская концепция «перманентной революции» в корне враждебна идеям Маркса и Энгельса, поскольку основоположники марксизма доказывали, что непрерывная революция лишь в конечном итоге завершается диктатурой пролетариата, в то время как троцкисты предлагали начать с диктатуры пролетариата, т.е. перепрыгнуть через буржуазно-демократический этап революции. Авантюризм троцкистов вытекал из отрицания ими возможности союза рабочего класса и крестьянства и отрицания гегемонии пролетариата, т.е. способности его вести за собой крестьянские массы. Только В.И. Ленин, как подчеркивал И.В. Сталин смог «взять идею непрерывной революции Маркса в ее чистом виде и сделать ее одним из краеугольных камней своей теории революции».

В произведениях В.И. Ленина мы находим конкретный анализ марксовой идеи непрерывной революции, высокую оценку ее исторического значения и вместе с тем указания на имеющиеся в ней пробелы. Прежде всего Ленин подчеркивает «правильность теории Маркса о различии трех главных сил революций XIX века. По этой теории, против старого порядка, самодержавия, феодализма, крепостничества выступает 1) либеральная крупная буржуазия; 2) радикальная мелкая буржуазия; 3) пролетариат. Первая борется не более как за конституционную монархию; вторая — за демократическую республику;

третий – за социалистический переворот».

В.И. Ленин указывает, что эти классовые силы действуют и в буржуазных революциях XX в., ввиду чего характеристика их, данная Марксом и Энгельсом, сохраняет свое принципиальное значение. Творчески развивая положения Маркса и Энгельса, Ленин раскрыл качественное различие между буржуазным либерализмом и революционным демократизмом. Развивая марксистское положение о резервах пролетариата в его борьбе за демократию, Ленин писал о необходимости строжайше отделять «революционную буржуазную демократию», способную при всех своих заблуждениях и предрассудках на решительную борьбу против всех остатков крепостничества, от «либерально-монархической, оппортунистической буржуазной демократии», которая неизбежно идет на сделки с реакцией и контрреволюцией.

Меньшевики, как известно, отказывались от такого принципиального разграничения, третируя его чуть ли не как возрождение народничества. Меньшевики извращали положение Маркса и Энгельса о трех основных классовых силах в ходе буржуазной революции, изображая конституционную монархию как неизбежную стадию всякой буржуазной революции и, таким образом, ориентируя пролетариат на признание сделки либеральной буржуазии с самодержавием в качестве фатальной закономерности буржуазной революции. В.И. Ленин полностью разоблачил это оппортунистическое извращение марксизма. «Нужно поистине школьническое понятие об истории, – писал В.И. Ленин, – чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией – уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией – демократическая республика, наконец за пролетариатом – социалистический переворот».

Ленин показал, что оппортунистическое представление меньшевиков в корне противоречит идее Маркса-Энгельса, ибо является отрицанием непрерывности революции, отрицанием гегемонии пролетариата в буржуазной революции, без чего, конечно, невозможно ее перерастание в социалистическую революцию.

Развивая идею непрерывной революции, Ленин создал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Это, как подчеркивается в «Кратком курсе истории ВКП(б)», была новая установка по вопросу о соотношении между буржуазной и социалистической революциями, новая теория перегруппировки сил вокруг пролетариата к концу буржуазной революции для прямого перехода к социалистической революции. Таким образом, В.И. Ленин не ограничился восстановлением положений Маркса, а развил их дальше, разработав цельную и стройную теорию социалистической революции, согласно которой союз пролетариата и полупролетарских элементов города и деревни является обязательным условием победы пролетарской революции.

В.И. Ленин открыл историческую необходимость диктатуры

пролетариата и крестьянства, без которой невозможно завершение буржуазно-демократической революции и переход к революции пролетарской. Меньшевики утверждали, что буржуазная революция обязательно завершается утверждением политического господства либеральной буржуазии. Эта оппортунистическая догма была полностью разгромлена ленинизмом. В.И. Ленин писал, что оппортунисты не понимают, что значит решительная победа буржуазной революции. Принижая значение освободительной борьбы пролетариата в ходе буржуазной революции, оппортунисты «постоянно сбиваются на ту ошибочную мысль, будто неизбежным «хозяином» буржуазной революции является либеральная буржуазия. Они совершенно не понимают исторической роли хотя бы, напр., конвента, как диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии, в великой французской революции. Они совершенно не понимают идеи диктатуры пролетариата и крестьянства, как единственной возможной социальной опоры для вполне победоносной российской буржуазной революции».

Следует отметить эту ленинскую ссылку на опыт Конвента в революции 1789–1794 гг., свидетельствующую о том, что идея диктатуры пролетариата и крестьянства, непосредственно выведенная из опыта революции 1905–1907 гг., вместе с тем опирается на тенденции, проявившиеся уже в ранних буржуазных революциях.

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, завершая буржуазно-демократическую революцию, является вместе с тем важнейшим политическим условием и могущественной силой для перехода к революции социалистической. Благодаря революционной власти революция приобретает непрерывный характер. Как известно, меньшевики в период революции 1905 г. утверждали, что идея диктатуры пролетариата и крестьянства несовместима с марксизмом. Разоблачая эту клевету на марксизм, Ленин подчеркивал, что понятие революционно-демократической диктатуры вытекает из всего марксистского мировоззрения. Правда, Маркс и Энгельс нигде не говорят о диктатуре пролетариата и крестьянства. Однако, ставя вопрос о революционной диктатуре, отражающей интересы народных масс, Маркс и Энгельс заложили тем самым основу для последующего вывода Ленина о диктатуре пролетариата и крестьянства. Ленин писал: «Всякая действительная и полная победа революций может быть только диктатурой, говорил Маркс, имея в виду, конечно, диктатуру (т.е. не ограниченную ничем власть) массы над кучкой, а не наоборот». Маркс, указывает Ленин, ставил в 1848 г. задачу решительного устранения всего того, что противоречит самодержавию народа. Но осуществление этой задачи и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура.

Необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства Ленин обосновывал, ссылаясь также и на исторический опыт революции 1848 г. в Германии и его обобщение Марксом: «Несомненно, – писал Ленин, – что, извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем придти ни к какому иному лозунгу решительной победы

революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Естественно возникает вопрос, почему все же Маркс и Энгельс не сформулировали положения о диктатуре пролетариата и крестьянства в буржуазной революции. Следует прежде всего указать на то, что в период революций 1848 г. крестьянские массы составляли еще резерв либеральной буржуазии. Гениальность Маркса и Энгельса ярко сказалась в том, что они увидели возможность и необходимость союза рабочего класса с крестьянством тогда, когда эти классы находились во враждебных друг другу лагерях. Но тогдашний исторический опыт не давал еще материала для обоснования положения о возможности такого союза пролетариата и крестьянства, который получил бы свое выражение в революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Далее необходимо указать, что в 1850 г., когда писалось «Обращение», Маркс и Энгельс полагали, что ликвидация капиталистических отношений является сравнительно близкой исторической перспективой. «Маркс и Энгельс, — говорит Ленин, — в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или вернее вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким». Известно также, что Маркс и Энгельс не ставили вопроса о целесообразности вхождения коммунистов во временное революционное правительство. Ленин указывает: «Во всем «Обращении» ни слова не говорится ни об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, ни о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства».

Меньшевики, начетнически ссылаясь на «Обращение», объявили враждебным марксизму положение об участии пролетарской партии во временном революционном правительстве, третируя такое участие как милъеранизм. Меньшевики догматически отвергали ленинское понимание революционного правительства и связанных с ним задач пролетарской партии на том основании, что у Маркса об этом ничего прямо не говорится. Между тем конкретная историческая обстановка в немецкой революции 1848 г. вполне объясняет, почему Маркс и его соратники не ставили вопроса об участии «Союза коммунистов» во временном правительстве. Органически враждебные творческому марксизму меньшевики оказались неспособными понять, что ленинские положения опирались на идеи Маркса и Энгельса, извлеченные из опыта революций 1848 г.

Несмотря на то, что Маркс и Энгельс еще не говорили о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как и о целесообразности для представителей рабочего класса участвовать во временном революционном правительстве, теоретические положения Маркса и Энгельса подводят не к отрицанию, а к признанию необходимости революционно-демократической диктатуры и временного революционного правительства. Создавая учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую как неотъемлемую часть новой теории пролетарской революции в эпоху

империализма, В.И. Ленин разработал также вопрос о пролетарских революциях в тех странах, где буржуазная революция уже не стоит на повестке дня и где, следовательно, не стоит вопрос о перерастании революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

Однако и там, где пролетарская революция возникает непосредственно на основе антагонистических противоречий, свойственных капитализму на империалистической стадии его развития, она невозможна без борьбы за демократию. Характерной чертой империализма является реакция по всей линии, подавление демократии даже в той исторически ограниченной, урезанной форме, в какой она свойственна капитализму. Империализм означает наступление на демократические завоевания трудящихся, переход от парламентских методов управления ко все более и более обнаженному насилию. В эпоху империализма борьба за демократию, отстаивание демократических завоеваний трудящихся является непрременной задачей рабочего класса. Следовательно, пролетарская революция даже в наиболее развитых капиталистических странах неразрывно связана с борьбой за демократию, из чего следует, что социалистические революции в этих странах необходимо будут отличаться значительным объемом демократических задач. В.И. Ленин писал: «Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дожидется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции». И, развивая эту мысль, В.И. Ленин подчеркивает: «Социалистическая революция в Европе не может быть не чем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных».

Современная эпоха наглядно показывает, что рабочий класс и его коммунистические партии представляют собой подлинный авангард и руководящую силу в борьбе всех прогрессивных сил против империалистической реакции, за мир, демократию, национальную независимость и передовую культуру всех народов. Социалистическое движение рабочего класса и сейчас, как и в середине прошлого столетия, неразрывно связано с борьбой против всяческой реакции, против всех форм угнетения человека человеком. Наше время еще в большей мере, чем эпоха домонополистического капитализма, свидетельствует о том, что подлинная демократия; действительное раскрепощение личности, национальный суверенитет и свобода для всех народов мира неразрывно связаны с делом социализма.

Таким образом, подводя итоги изложению марксовой теории, непрерывной революции, следует отметить, что, изучая дальнейшее развитие идей основоположников марксизма в трудах В.И. Ленина, мы глубже осознаем великое значение открытий Маркса и Энгельса.

7. Буржуазные революции и национальный вопрос

Разрабатывая важный теоретический и практический вопрос о внутренних и внешних условиях победоносного в интересах пролетариата разрешения задач буржуазной революции, Маркс и Энгельс выдвинули ряд основных теоретических положений по национальному вопросу.

Национальный вопрос играл особенно важную роль в революциях 1848 г. в Германии, Австрии и Италии. В Германии на повестке дня стояла задача национального воссоединения, в Австрии — задача национального освобождения угнетенных народов, в Италии — борьба за национальную независимость. Это был период утверждения капиталистического строя в Западной Европе и, следовательно, период завершения исторического процесса формирования буржуазных наций и буржуазно-национальных государств. Именно поэтому существенной особенностью революций 1848 г. являлось национально-освободительное движение народов Польши, Чехии, Словакии, Галиции, Буковины, Закарпатской Руси, Хорватии, Воеводины, Молдавии, Валахии и других стран,

Маркс и Энгельс полностью учитывали место национальных движений в процессе буржуазно-демократических преобразований. Так, накануне выхода первого номера «Новой Рейнской газеты» Маркс писал редактору итальянской демократической газеты «Аба»: «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как и в Германии и в Польше» Маркс и Энгельс считали, что носителями национального гнета являются эксплуататорские классы, что сторонники политики национального гнета — злейшие враги демократии.

«Новая Рейнская газета» в своей программе по национальному вопросу исходила из признания необходимости решительной борьбы против всякого национального угнетения, из признания самоопределения наций, т.е. их права на самостоятельное государственное существование, их суверенной воли в деле выбора удобной им формы правления.

Вся деятельность «Новой Рейнской газеты» свидетельствует о последовательном выполнении этой, начертанной Марксом программы.

Маркс и Энгельс рассматривали национальные движения как существенный элемент буржуазной революции, подчиненный ее основной задаче. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Завоевание максимума демократии как непосредственная задача пролетариата в буржуазной революции требует решительной борьбы против всех форм национального угнетения. Но национальный гнет является закономерным следствием господства эксплуататорских классов. Буржуазные революции не могут полностью покончить со всеми формами национального гнета.

Характеризуя воззрения основоположников марксизма по национальному вопросу, Ленин говорит: «Никакого абсолюта из национальных движений Маркс не делал, зная, что полное освобождение всех национальностей сможет дать только победа рабочего класса».

Маркс и Энгельс считали, что одним из условий победы революции: является отказ от политики угнетения наций; одним из признаков контрреволюции является, напротив, продолжение политики национального угнетения. Германский народ не добьется свободы, пока он поработает другие народы, революционный подъем невозможен без освобождения от националистической скверны. С этих позиций основоположники марксизма оценивали поведение либеральной

буржуазии и мелкобуржуазной демократии, деятельность Франкфуртского и Берлинского собраний. «Революционная Германия,— писала «Новая Рейнская газета», — должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что сделала революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины».

Разоблачая политику угнетения, проводившуюся Пруссией в Познани, Австрией в Италии, Маркс и Энгельс становились на защиту народов, подвергавшихся национальному угнетению. В статье, опубликованной 12 июля 1848 г. в «Новой Рейнской газете», Энгельс подчеркивал, что газета с первого же дня своего существования выступила в защиту поляков, итальянцев, чехов и других угнетенных народов. При этом основоположники марксизма разъясняли, что решающая роль в национальном освобождении каждого народа принадлежит трудящимся массам, их исторической самостоятельности и инициативе.

Однако, оценивая каждое национальное движение с точки зрения интересов революции, интересов пролетариата, рассматривая национальный вопрос как часть вопроса о буржуазно-демократических преобразованиях, Маркс и Энгельс поддерживали лишь те национальные движения, которые были направлены против феодально-монархической реакции. Таковы были национальные движения поляков, венгров, итальянцев. И, напротив, «Новая Рейнская газета» решительно выступала против национальных движений, объективно игравших контрреволюционную роль и возглавлявшихся контрреволюционными классами, — таковы были тогда национальные движения чехов и южных славян. Осуждая эти национальные движения, Маркс и Энгельс обвиняли Пруссию и Австрию в том, что они своей политикой национального угнетения толкают чехов в объятия контрреволюции.

Маркс и Энгельс дали глубокий, обстоятельный анализ ряда национально-освободительных движений периода революций 1848 г. Примером может быть анализ польского национального вопроса. Еще накануне революций 1848 г. Маркс в своей речи по польскому вопросу говорил, что краковская революция замечательна тем, что она соединила воедино национальное дело с делом демократии. Только демократическая Польша может быть независимой. Следовательно, освобождение Польши невозможно без уничтожения феодализма, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников. Освобождение Польши, говорил Маркс, является делом чести европейской демократии.

«Новая Рейнская газета» исходила из положений, сформулированных Марксом 22 февраля 1848 г. в Брюсселе: польское национальное движение представляет собой борьбу аграрной демократии против патриархально-феодального абсолютизма. Маркс и Энгельс указывали на общеевропейское значение национально-освободительной

борьбы польского народа, подчеркивая, в частности, что «восстановление демократической Польши есть первое условие восстановления демократической Германии».

В «Новой Рейнской газете» основоположники марксизма теоретически обосновали необходимость дифференцированной, конкретно-исторической оценки национальных движений. Такая оценка национальных движений была направлена, с одной стороны, против буржуазного национализма, с другой — против национального нигилизма. Она базировалась в теоретическом отношении на принципах материалистической диалектики, на диалектическом требовании всесторонней оценки явлений. Решительно выступая против угнетения чехов и других южнославянских народов, Маркс и Энгельс не поддерживали национального движения этих народов, поскольку оно объективно было направлено против революции, на сохранение Австрийской реакционной империи, в рамках которой австрослависты предлагали объединить южных и западных славян. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал правильность такого конкретно-исторического подхода, ставящего во главу угла интересы революции. Подчинение национального вопроса классовым задачам борьбы за демократию и социализм — такова была линия «Новой Рейнской газеты», сформулировавшей исходные позиции марксизма в решении национального вопроса.

Известно, что впоследствии национальное движение чехов и южных славян существенно изменилось по своему характеру и стало одним из серьезных прогрессивных факторов в борьбе против немецкого милитаризма.

Однако «Новая Рейнская газета» не говорила об этих перспективах национального движения чехов и южных славян. Она отражала текущий момент революции в Германии и формулировала ее ближайшие задачи; к тому же газета не располагала достаточной информацией о революционно-демократических тенденциях в национальном движении этих народов. Следует также иметь в виду и то обстоятельство, что Маркс и Энгельс в данный, изучаемый нами исторический период лишь начинали разработку теории национального вопроса. Этим, очевидно, объясняются отдельные ошибочные положения в статьях «Новой Рейнской газеты», согласно которым чехи и южные славяне вследствие длительного угнетения и иноземного влияния якобы потеряли способность к самостоятельному национальному существованию. Как известно, эти положения «не подтвердились последующим историческим развитием. Напротив, история показала громадное значение национальной борьбы всех славянских народов за свою независимость».

Современные исследования национального движения чехов и южных славян, проведенные советскими славяноведами и учеными стран народной демократии установили, что уже в 1848—1849 гг. в национальном движении этих народов имелось далеко, правда, не господствовавшее тогда революционно-демократическое направление, которое связывало дело национального освобождения с победой

революции, с уничтожением реакционных европейских монархий. В работе А.Клима «1848 год в Чехии» приводится, например, обращение чешской студенческой организации» поддерживающее участников венского восстания: «Депутаты, посланные пражским студенческим комитетом к населению Вены, — говорится в этом обращении, — призывают своих славянских братьев бороться вместе с венцами. Прага будет стоять с Веной, совместно с ней победит, либо совместно с ней потерпит поражение»¹. В марте 1849 г. среди чешских демократов был популярен лозунг «Да здравствует Кошут!»

Известно, что во главе пражского восстания стояли демократы. Восстание содействовало подъему крестьянской, антифеодальной борьбы. В период венского восстания чешские депутаты-радикалы остались в Вене. Таким образом, национальное движение чехов было далеко не однородным. В нем имелось и революционно-демократическое течение, но господствующее положение занимала либеральная буржуазия, выдвигавшая лозунг славянского единства в рамках Австрии.

На славянском съезде в Праге в 1848 г. отдельные делегаты решительно выступали против австро-славистского большинства. Словак Штур говорил: «До сих пор Австрия стояла, а мы гибим... С гибелью Австрии мы не погибнем».

В Закарпатской Украине в период революции развернулось аграрное движение, одинаково направленное как против венгерских, так и против «своих» помещиков. Крестьяне писали революционному демократу Танчичу: «Ведь у нас больше врагов в своем отечестве, чем в Вене». В Мукачево «общественное движение с первых же дней революции приобрело демократический характер». Все эти исторические данные подтверждают положение В.И. Ленина, характеризующее природу национальных движений в период буржуазных революций: «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, — говорит В.И. Ленин, — есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем.»»

Исходя из учета объективного содержания буржуазной революции, происходившей в Германии в условиях вековой феодальной раздробленности, которая препятствовала немецкому народу консолидироваться в единую нацию, Маркс и Энгельс теоретически обосновали выдвинутый ими лозунг единой Германской республики. В противовес лозунгу федерации германских государств, который отстаивали мелкобуржуазные демократы, Маркс и Энгельс указывали, что даже с чисто буржуазной точки зрения объединение Германии является первым условием, чтобы развить ее производительные силы и умножить национальное богатство. Однако на первый план основоположники марксизма, естественно, выдвигали интересы пролетариата.

«Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного воссоединения Германии в единую нацию, что единственно могло очистить от всяких унаследованных от прошлого препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами. Но интересам пролетариата в то же время решительно

противоречило воссоединение во главе с Пруссией: прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним врагом революции в Германии, и революция должна была его сокрушить...», — писал Энгельс в статье «Маркс и «Новая Рейнская газета»».

Национальное объединение Германии Маркс и Энгельс рассматривали как задачу, которая должна быть разрешена революционным путем в результате доведения до конца буржуазной революции. Пути к ее решению они видели в развязывании революционной инициативы масс, считая, что успех может быть лишь итогом длительной борьбы, а не декларации сколь угодно высокого законодательного собрания. Национальное воссоединение предполагает доведение борьбы классов до высшего напряжения, в результате чего будет уничтожен феодализм. Требование единой Германской демократической республики подталкивало вперед революционные силы к преодолению половинчатости, непоследовательности германской революции, отразившейся в мелкобуржуазном требовании федерации германских государств.

«Мы не выставляем утопического требования, чтобы была а priori провозглашена единая неделимая германская республика, но мы требуем от так называемой радикально-демократической партии, чтобы она не смешала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью. Германское единство и германская конституция могут явиться лишь как результат движения... Окончательное конституирование не может быть делегировано, оно совпадает с движением, которое нам предстоит проделать».

В этих словах замечательно выражено существо диалектико-материалистического подхода к постановке и решению практических задач революционного преобразования. Революция, разъясняют Маркс и Энгельс, не есть единовременный акт, решающий в мгновение ока стоящие перед нею задачи. Эти задачи могут быть разрешены лишь путем неуклонного развития революционной борьбы.

Маркс и Энгельс дали лишь некоторые основные положения научной теории национального вопроса. Эти положения были извращены деятелями II Интернационала в духе буржуазного национализма и космополитизма. В.И. Ленин в борьбе против оппортунизма в России и на международной арене возродил положения основоположников марксизма и, сообщая новые данные общественного развития и рабочего движения, создал цельную и стройную марксистскую теорию по национальному вопросу. В.И. Ленин, как известно, вскрыл объективные закономерности революции. Все эти исторические данные подтверждают положение В.И. Ленина, характеризующее природу национальных движений в период буржуазных революций: «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации, — говорит В.И. Ленин, — есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем...»

Исходя из учета объективного содержания буржуазной революции,

происходившей в Германии в условиях вековой феодальной раздробленности, которая препятствовала немецкому народу консолидироваться в единую нацию, Маркс и Энгельс теоретически обосновали выдвинутый ими лозунг единой Германской республики. В противовес лозунгу федерации германских государств, который отстаивали мелкобуржуазные демократы, Маркс и Энгельс указывали, что даже с чисто буржуазной точки зрения объединение Германии является первым условием, чтобы развить ее производительные силы и умножить национальное богатство. Однако на первый план основоположники марксизма, естественно, выдвигали интересы пролетариата.

«Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного воссоединения Германии в единую нацию, что единственно могло очистить от всяких унаследованных от прошлого препятствий то поле битвы, на котором пролетариату и буржуазии предстояло помериться силами. Но интересам пролетариата в то же время решительно противоречило воссоединение во главе с Пруссией: прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним врагом революции в Германии, и революция должна была его сокрушить...», — писал Энгельс в статье «Маркс и «Новая Рейнская газета»».

Национальное объединение Германии Маркс и Энгельс рассматривали как задачу, которая должна быть разрешена революционным путем в результате доведения до конца буржуазной революции. Пути к ее решению они видели в развязывании революционной инициативы масс, считая, что успех может быть лишь итогом длительной борьбы, а не декларации сколь угодно высокого законодательного собрания. Национальное воссоединение предполагает доведение борьбы классов до высшего напряжения, в результате чего будет уничтожен феодализм. Требование единой Германской демократической республики подталкивало вперед революционные силы к преодолению половинчатости, непоследовательности германской революции, отразившейся в мелкобуржуазном требовании федерации германских государств.

«Мы не выставляем утопического требования, чтобы была а priori провозглашена единая неделимая германская республика, но мы требуем от так называемой радикально-демократической партии, чтобы она не смешала исходного пункта борьбы и революционного движения с их конечной целью. Германское единство и германская конституция могут явиться лишь как результат движения... Окончательное конституирование не может быть декретировано, оно совпадает с движением, которое нам предстоит проделать».

В этих словах замечательно выражено существо диалектико-материалистического подхода к постановке и решению практических задач революционного преобразования. Революция, разъясняют Маркс и Энгельс, не есть единовременный акт, решающий в мгновение ока стоящие перед нею задачи. Эти задачи могут быть разрешены лишь путем неуклонного развития революционной борьбы.

Маркс и Энгельс дали лишь некоторые основные положения научной теории национального вопроса. Эти положения были извращены деятелями II Интернационала в духе буржуазного национализма и космополитизма. В.И. Ленин в борьбе против оппортунизма в России и на международной арене возродил положения основоположников марксизма и, сообщая новые данные общественного развития и рабочего движения, создал цельную и стройную марксистскую теорию по национальному вопросу. В.И. Ленин, как известно, вскрыл объективные закономерности развития национальных движений как в период буржуазной, так и в период социалистической революции, обосновал пути и средства решения национального вопроса в период строительства коммунизма. Ленинизм связал национальный вопрос с вопросом об освобождении колоний из-под гнета империализма, показал, что национально-освободительная борьба колониальных и зависимых народов является одним из важнейших резервов социалистической революции.

В современных исторических условиях марксистско-ленинская теория национального вопроса, обогащенная опытом Советского Союза — многонационального социалистического государства, основанного на нерушимой дружбе новых, социалистических наций, — идейно вооружает прогрессивные силы, борющиеся против империалистического гнета.

8. Маркс и Энгельс

о значении внешних, международных условий развития революции

Основоположники марксизма не ограничились анализом одних только внутренних сил и резервов революции, но уделяли значительное внимание ее внешним, международным условиям. Прежде всего Маркс и Энгельс отмечали органическую взаимосвязь, фактически имевшую место между ходом революции в различных странах Европы. Так, Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» указывает, что немецкая революция 1848 г. не была местным немецким делом, а представляла из себя часть великого европейского события.

Вскрывая связь между основными событиями революции в различных странах, Маркс и Энгельс приходят к выводу, что международные условия революции ускоряют или же, напротив, замедляют революционный процесс, развивающийся на основе внутренних противоречий. Так, например, краковское восстание 1846 г., гражданская война в Швейцарии и, наконец, восстание в Палермо, неизбежно приблизили начало революционного взрыва во Франции и Австрии. Февральское восстание в Париже, революция в Вене ускорили начало революции в Берлине, влияние тех или иных капиталистических стран на международную обстановку зависит от их экономического и политического развития. В этой связи Маркс и Энгельс говорят о Франции и особенно об Англии. Франция рассматривается ими как страна, в которой революционное движение каждый раз достигало наиболее значительных социальных результатов.

«Европейская революция описывает круговорот. Она началась в Италии, в Париже она приняла европейский характер, в Вене мы видели

первое отражение февральской революции, в Берлине — отражение венской революции. В Италии, Неаполе, европейская контрреволюция нанесла свой первый удар, в Париже — в июньские дни — она приняла европейский характер, в Вене мы видели первое отражение июньской контрреволюции, в Берлине она завершается и компрометирует себя. Из Парижа галльский петух опять разбудит Европу своим криком».

Почему основоположники марксизма придавали такое большое значение освободительной борьбе и революционной инициативе французского народа, понять не трудно: февральская революция ускорила революционный взрыв в Вене и Берлине. Основные этапы французской революции 1848 г. своеобразно отражались в остальных странах Европы, где народные массы, употребляя выражение Маркса и Энгельса, ответили на крик галльского петуха восстанием против феодализма.

Характеризуя июньское поражение рабочего класса, Маркс и Энгельс подчеркивают, что его значение выходит за пределы одной только Франции: оно явилось сигналом для наступления контрреволюции во всех странах Европы. Таким образом, особая роль Франции состояла в том, что в ней раньше, чем где бы то ни было, события революций достигали своего апогея, кризиса, развязки.

Большое значение для судеб революции в Европе имело и положение в Англии. Если Франция возвещала задачи революции, то Англия выступала в качестве бастиона контрреволюционных сил, Англия была страной, которая превращала целые нации в своих наемных рабочих; она господствовала над мировым рынком. Поэтому, несмотря на то, что в Англии классовые противоречия развились в наиболее ясной форме, она «кажется скалою, о которую; разбиваются революционные волны... Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды». Это положение Маркса и Энгельса, относящееся к определенному историческому периоду, к середине XIX в., уже не может рассматриваться как характеристика международной роли Англии в условиях XX в., когда вследствие открытого В.И. Лениным закона неравномерного развития капитализма Англия потеряла свое место «мастерской мира». В эпоху империализма вследствие неравномерности капиталистического развития стала возможна и неизбежна, как гениально доказал В.И. Ленин, победа социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Однако в эпоху домонополистического капитализма вышеприведенное положение Маркса и Энгельса глубоко раскрывало коренные особенности экономического и политического развития капиталистических стран Европы и условия развития освободительного движения пролетариата.

Маркс и Энгельс отмечают весьма своеобразное, но вполне закономерное явление: передовая в смысле капиталистического развития страна всячески препятствует буржуазно-демократическому развитию других стран, стремится остановить их политическое развитие,

увековечить их отсталость. Таков волчий закон капиталистического общества — закон конкуренции. Поэтому европейские буржуазные революции середины XX в. имели в лице Англии не союзника своего, а противника. Наряду с Англией и вслед за нею сильнейшей угрозой революционному движению в Европе являлись монархическая Пруссия и самодержавная Россия.

В этих исторических условиях Маркс и Энгельс считали, что буржуазная революция не может победить без революционной войны против этих оплотов европейской реакции середины XX в. Так, исходя из материалистического анализа условий, обеспечивающих доведение до конца буржуазных революций в Европе, Маркс и Энгельс выдвигали задачу борьбы не только против внутренней, но и против внешней контрреволюции. Лозунг революционной войны против контрреволюционных государств тогдашней Европы — против Англии, Пруссии, царской России рассматривался Марксом и Энгельсом не только как средство ликвидации внешней контрреволюции и пробуждения революций в других странах, но и как могучее средство развязывания революционной энергии масс внутри самой Германии, а, следовательно, также как путь национального воссоединения Германии.

Таким образом, Маркс и Энгельс полагали, что для завоевания буржуазной демократии, для победы буржуазной революции необходима революционная война против контрреволюционной интервенции реакционных европейских государств.

Учитывая опыт буржуазных революций, встретивших ожесточенное сопротивление со стороны контрреволюционных государств тогдашней Европы, имея в виду, в частности, поражение венгерской революции, Маркс и Энгельс считали, что для победы буржуазной революции в той или иной отдельной стране необходимы революционные выступления в ряде стран; даже буржуазная революция не может победить в отдельной, изолированно взятой стране. В тем большей мере это относится к пролетарской революции.

Известно, что оппортунисты II Интернационала и в особенности троцкисты извратили положение Маркса и Энгельса о невозможности победы пролетарской революции в одной стране в исторических условиях XX в. То, что Маркс и Энгельс считали невозможным в эпоху, когда капитализм развивался еще по восходящей линии, троцкисты объявили невозможным при всех исторических условиях вообще. Маркс и Энгельс считали в эпоху домонополистического капитала невозможной победу пролетарской революции в одной стране, имея в виду, что эта революция будет подавлена единым фронтом контрреволюционных капиталистических государств. У основоположников марксизма не было, следовательно, никаких сомнений относительно способности пролетариата к совершению пролетарской революции в той или иной отдельно взятой стране, относительно его способности повести за собой антикапиталистически настроенные мелкобуржуазные массы. Речь шла лишь о невозможности силами одной страны в условиях прогрессивного развития капиталистического общества отразить международную

контрреволюцию. Именно поэтому Маркс писал: «Трудным для нас вопросом является следующий: на континенте революция неизбежна и примет сразу социалистический характер. Не будет ли она в этом маленьком уголке необходимо раздавлена ввиду того, что на неизмеримо более широкой территории развитие буржуазного общества идет все еще по восходящей линии?»

Контрреволюционный троцкизм, совершенно извратив все эти ясные и правильные для своего времени положения основоположников марксизма, предавая интересы рабочего класса, проповедовал реакционнейшие буржуазные идейки о неизбежности классового конфликта между пролетариатом и трудящимся крестьянством, следствием чего якобы будет неизбежное поражение пролетарской революции во всякой отдельно взятой стране.

В.И. Ленин, его ученики и соратники доказали, что троцкистская концепция не имеет ничего общего со взглядами Маркса и Энгельса и является отрицанием революционных возможностей не только трудящегося крестьянства, но и пролетариата.

Создавая учение об империализме как последней стадии капитализма, когда его развитие происходит уже по нисходящей линии, Ленин открыл закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в империалистическую эпоху, создал новую теорию социалистической революции, обосновывающую неизбежность прорыва империалистической цепи в ее наиболее слабом звене. В.И. Ленин, исходя из открытого им закона неравномерности развития капитализма при империализме, доказал, что предпосылки социалистической революции неравномерно, не одновременно созревают в различных капиталистических странах, из чего следует вывод, что в условиях империализма одновременная победа социалистической революции во всех или даже в большинстве стран мира является невозможной. И, напротив, в силу того же объективного закона неравномерного развития капитализма становится возможным, закономерным то, что было невозможно в доимпериалистическую эпоху; победа социализма первоначально в одной или нескольких странах при сохранении капитализма в большинстве стран мира. В.И. Ленин доказал, что в новых исторических условиях авангардом международного рабочего движения стал пролетариат России.

Таким образом, В.И. Ленин до конца разоблачил утверждения меньшевиков, троцкистов и прочих противников революционного марксизма, которые прикрывали свой отказ от пролетарской революции в России догматическими ссылками на положения Маркса и Энгельса о том, что начало социалистической революции должны положить Франция и Англия, как наиболее развитые капиталистические страны середины XX в.

В.И. Ленин, его ученики и соратники доказали неизбежность ослабления империалистического фронта, противостоящего пролетарской революции, победившей в одной стране и пользующейся глубочайшим сочувствием трудящихся капиталистических стран.

Острейшие противоречия между империалистическими государствами, непримиримые противоречия между империалистическими державами и колониями (превращение колоний из резерва империализма в резерв пролетарской революции), непрерывно нарастающий классовый антагонизм в капиталистических странах — все это делает вполне закономерной победу социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране. Всемирно-исторический опыт КПСС, опыт Великой Октябрьской социалистической революции полностью подтвердили эти положения ленинизма

Коммунистическая партия Советского Союза, основывая свою практическую работу по руководству классовой борьбой пролетариата на творческом применении марксистско-ленинской науки, привела народы нашей родины к победе социализма и ныне ведет их к сияющим вершинам коммунизма.

9. Теория революции и вопрос о вооруженном восстании

Создавая теорию революции на базе обобщения конкретного исторического опыта, Маркс и Энгельс считали, что при определенных условиях вооруженное восстание является необходимой формой революционной борьбы масс.

Известно, что буржуазные либералы 1848–1849 гг. стремились представить восстания в происходивших тогда революциях как случайный элемент, вызванный причинами, которые вполне могли бы быть предотвращены. «Случайный выстрел» на бульваре Капуцинов вызвал февральское восстание — так рассуждали либералы во Франции, и те же «случайные выстрелы» фигурировали в качестве объяснения у немецких, австрийских, итальянских либералов. Поскольку либералы видят в революции лишь «болезненное» состояние умов, они, естественно, считают «случайный» выстрел достаточным для того, чтобы воспламенилась «взрывчатая смесь». Само собой разумеется, что воззрения либералов того времени вполне разделяются буржуазией последующего периода, видящей в восстаниях народных масс не что иное, как безумие.

В революционные периоды значительная часть буржуазных либералов объявляет себя сторонниками революции, восхваляет ее на словах и т.д. Но отношение этих лжеревolucionеров к вопросу о вооруженном восстании выдает их с головой. В периоды буржуазных революций различное отношение к вопросу о вооруженном восстании проводит резкую грань между противоположными лагерями.

Конечно, вопрос о восстании непосредственно относится к тактическим проблемам марксизма. Однако была бы ошибкой не видеть, что решение этого вопроса означало дальнейшее развитие материалистического понимания истории и, в частности, марксистского решения вопроса о соотношении объективного и субъективного, о роли народных масс и сознательной инициативы, организованности их авангарда.

Следует также иметь в виду известное указание В.И.Ленина о том,

что учение о тактике представляет весьма важный элемент созданного Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории: «...без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвым».

В период революций 1848 г. вооруженные восстания следовали одно за другим: они были началом революции во Франции, Германии, Австрии и других странах, они же составляли главные этапы ее дальнейшего развития. Июньское восстание в Париже, пражское восстание, вооруженная борьба за имперскую конституцию в Германии, октябрьское восстание в Вене — все это были узловые, поворотные пункты развития революционных событий.

И все они, как известно, закончились поражением революционных сил, победой контрреволюции. Причины поражения восстаний коренились в соотношении основных классов, в том уже рассмотренном выше факте, что гегемоном в революциях 1848 г. была преимущественно либеральная буржуазия. Идеологи буржуазии утверждали, что восстания «низов» были причиной поражения революций. Впоследствии Бернштейн и другие ревизионисты «обосновывали» с помощью этих лживых утверждений свое отрицательное отношение к восстанию, к революции вообще. Маркс и Энгельс еще в «Новой Рейнской газете» разоблачили такого рода контрреволюционные концепции, а в дальнейшем, подытожив опыт всего революционного периода, разработали вопрос о вооруженном восстании как искусстве.

Еще в предреволюционный период Маркс и Энгельс доказывали, что основой всех социальных революций является конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Не ограничиваясь этим, основоположники марксизма рассматривали, далее, и ближайшие социально-экономические предпосылки революций, т.е. такого рода объективные условия, которые делают неизбежной революцию в тот или иной совершенно определенный исторический период. Подытоживая опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс глубоко вскрыли характерные черты, присущие революционной ситуации, непосредственно предшествующей буржуазной революции.

Анализируя, в частности, положение в Германии накануне революции 1848 г., основоположники марксизма указывали на растущую враждебность различных классов и классовых прослоек по отношению к господствующему классу, на распространение различных слоев населения возмущения и протеста против реакции, обострение классовой борьбы, отмечали колебания в среде политически господствующего класса и его правительства, несмотря на все попытки последнего подавить революционные силы. Отмечая стремление реакционных классов насильственными средствами подавить революционное движение масс, Маркс и Энгельс разрабатывали вопрос о вооруженном восстании, выдвигая на первый план проблему организации восстания. В произведении «Революция и контрреволюция в Германии» Маркс и Энгельс показывают что «восстание есть искусство, точно так же как и война как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам,

забвение которых ведет к гибели партии оказавшейся виновною в их несоблюдении». Прежде всего как подчеркивают основоположники марксизма, не нужно затевать восстания, если нет решимости считаться со всеми его последствиями. Восстание должно опираться на реальную, материальную и моральную силу повстанцев, которая должна быть решительно противопоставлена обычно более организованным и дисциплинированным силам врага. Повстанцы должны полностью учитывать, что восстание подобно вычислению с крайне неопределенными величинами, которые могут меняться в течение весьма короткого промежутка времени. Но это не должно останавливать повстанцев, бесповоротно вступивших на путь ожесточенной, беспощадной вооруженной борьбы. Во-вторых, как говорят основоположники марксизма, «раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще, чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов...» Без наступления и непрерывного достижения все новых и новых, хотя бы и небольших, успехов невозможно сохранить моральное превосходство над врагом и привлечь на свою сторону колеблющиеся элементы, а также изолировать возможных союзников врага. Только наступление может заставить противника отступить раньше, чем он соберет свои силы. Поэтому девизом повстанцев должно быть известное изречение Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость!

Положение Маркса и Энгельса о восстании как искусстве подчеркивает громадное значение сознательной и планомерной организации восстания. С этой точки зрения Маркс и Энгельс оценивали июньское и другие революционные восстания. Так, в статьях, посвященных июньской битве, они подробно рассматривают ее ход, вскрывают ошибки и недостатки того плана, который был составлен одним, из руководителей восставших пролетариев, и, таким образом, выявляют величайшее значение организации восстания, коль скоро благоприятные объективные условия налично. С этих же позиций Маркс и Энгельс оценивают октябрьское восстание в Вене, подчеркивая, в частности, необходимость, быстрых решительных действий со стороны повстанцев: «В войне, и особенно в революционной войне, быстрота действий, пока не достигнут какой-нибудь решительный успех, является основным правилом...»

И далее, в связи с роспуском национального собрания в Пруссии основоположники марксизма показывают, что в ходе вооруженного восстания наступающая сторона обладает преимуществом захваченной инициативы. Восставшие должны смело противостоять противнику и в решительный момент не бояться риска, как бы ни были неравны силы.

Энгельс в статье «Германская кампания за имперскую конституцию» наглядно показывает, как невыполнение основных требований организации и руководства восстанием неизбежно влечет за собой его

поражение.

Известно, что оппортунисты Интернационала, стремясь подорвать учение марксизма о революции, объявили положение Маркса и Энгельса о необходимости относиться к восстанию как к искусству бланкизмом.

В действительности же Маркс и Энгельс выступали против авантюристического представления о революционном восстании, согласно которому его основой является лишь надлежащая организация заговора. В рецензии на книги А.Шеню и Л. де-ла-Одда Маркс и Энгельс характеризуют такого рода понимание восстания, как чуждое и враждебное пролетариату. Заговорщики, указывают они, — это «алхимики революции»: «Они накидываются на открытия, которые должны творить революционные чудеса: на зажигательные бомбы, на разрушительные машины магического действия, они устраивают бунты, которые должны действовать тем чудотворнее и поразительнее, чем менее рационально они обоснованы. Занятые сочинением подобных проектов, они преследуют только одну цель — низвержение существующего правительства» и презирают глубочайшим образом более теоретическое просвещение рабочих и разъяснение им их классовых интересов».

Отвергая бланкистскую теорию и тактику вооруженного восстания, фактически отрицающую массовую освободительную борьбу пролетариата, Маркс и Энгельс подчеркивали органическую связь вооруженного восстания с революционным кризисом, с определенными условиями и этапами развития революции. Они считали обязанностью пролетарских революционеров предотвращать преждевременное восстание, дабы сохранить и необходимым образом организовать революционные силы и действительно подготовить победоносное вооруженное восстание. Так, в начале мая 1849 г. «Новая Рейнская газета», отмечая стремление реакции спровоцировать восстание в Кельне, призывала кельнских рабочих «спокойным поведением, непоколебимым хладнокровием по отношению ко всякой провокации войск» отнять у правительства всякий повод к насильственным действиям. Газета подчеркивала, что «всякие правительственные провокации стремятся лишь вызвать такой взрыв, который произошел бы в неблагоприятный для нас и благоприятный для правительства момент.

Лишь крупные события творят революцию. Но когда поддаются на вызов правительства — самое большее, что может получиться, это — бунт».

В своем последнем номере «Новая Рейнская газета» также предостерегает кельнских рабочих «против всякого путча», против преждевременного выступления, которое может привести лишь к ослаблению революционных сил, к ухудшению условий их борьбы.

Значение этих положений Маркса и Энгельса неоднократно подчеркивал В.И.Ленин, доказывая, что восстание должно опираться на революционную ситуацию и на соответствующую подготовку и организацию революционных сил, без чего оно (даже при наличии революционной ситуации) не может быть победоносным.

Известно, что в 1917 г., в период подготовки октябрьского восстания, большевистская партия решительно осудила авантюристическую группку Багдатьяева, пытавшегося навязать партии и рабочему классу вооруженное восстание в тот момент, когда широкие трудящиеся массы еще не осознали его необходимости, а политическая и организационная подготовка к восстанию еще не была завершена.

В.И. Ленин и Коммунистическая партия Советского Союза — подлинники продолжатели учения Маркса и Энгельса — должным образом оценили гениальные положения основоположников марксизма о восстании как искусстве. В.И. Ленин показал органическую связь этих положений с диалектико-материалистическим пониманием революции как сознательного социального творчества масс, с высокой оценкой классовой борьбы и роли партии в освободительном движении пролетариата. Именно поэтому В.И. Ленин оценивал отказ от вышеуказанного положения Маркса и Энгельса как сплошное издевательство над диалектическим материализмом. Подводя итоги декабрьскому восстанию 1906 г., В.И. Ленин писал: «Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало».

Эти ленинские выводы из опыта декабрьского восстания в корне противоположны известной оппортунистической сентенции Плеханова, заявившего после поражения декабрьского вооруженного восстания: «не надо было братья за оружие». В противовес этому оппортунистическому резонерству В.И. Ленин указывал на то, что, напротив, необходимо было более решительно взяться за оружие, лучше организовать восстание. С точки зрения Плеханова поражение восстания было предопределено, Ленин же, отбрасывая это фаталистическое воззрение, конкретно ставил вопрос о путях и средствах организации и проведения победоносного вооруженного восстания против царизма.

Оппортунисты II Интернационала, отвергая марксистское понимание вооруженного восстания как искусства, с неизбежностью пришли к отрицанию возможности победоносного вооруженного восстания вообще. Вместо научного объяснения причин поражения восстаний 1848—1849 гг. оппортунисты утверждали, что развитие производительных сил и в особенности военной техники неизбежно обрекает на поражение всякое восстание. Известно, что для «обоснования» своих антиреволюционных утверждений немецкие социал-демократы обкарнали и прямо извратили предисловие Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». Энгельс решительно выступил против фальсификации написанного им предисловия, разоблачив замысел оппортунистов. Однако, несмотря на выступление Энгельса, оппортунисты Интернационала продолжали доказывать невозможность победоносного вооруженного восстания, прямо следуя за либеральными историками и

политиками.

Следует отметить, что буржуазные утверждения о неизбежности поражения восстания угнетенных и эксплуатируемых были полностью опровергнуты еще Марксом и Энгельсом в период революций 1848 г. Так, говоря о причинах поражения июньского восстания, «Новая Рейнская газета» писала: «Что иное доказал Кавеньяк своей победой, как не то, что законы военного искусства более или менее одинаковы на улице и в открытом поле, в применении к баррикаде или засеке и бастиону. Что 40000 недисциплинированных вооруженных рабочих, без пушек и гаубиц и при отсутствии подвоза снаряжения, не дольше четырех дней могли сопротивляться организованной армии из 120000 старых солдат и 150000 национальных гвардейцев, поддерживаемых лучшей и самой многочисленной артиллерией и обильно всем снабжаемых?»

Реакция лишь при наличии колоссального перевеса сил может подавить восстание угнетенных, из чего следует, что последнее таит в себе колоссальные возможности, которые при благоприятных условиях, при надлежащем руководстве позволяют добиться победы. Опыт Великой Октябрьской социалистической революции, опыт народно-демократических революций в некоторых странах Европы и Азии, опыт национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран свидетельствуют о том, что положение Маркса и Энгельса полностью подтверждено фактами. И тем очевиднее теоретическая и политическая несостоятельность лидеров правых социалистов, попрежнему твердящих о бессилии народных масс в борьбе с эксплуататорами. Чего стоит в свете многочисленных фактов мировой истории утверждение Л.Блюма о том, что вооруженному восстанию не под силу овладеть казармой пожарников! Почему же в таком случае в современных империалистических государствах полицейские отряды вооружены танками, пушками, пулеметами?

Завершая изложение того нового, что вносят основоположники марксизма в теорию революции на основе исторического опыта 1848—1851 гг., следует указать и на те коррективы, которые вносили Маркс и Энгельс в отдельные свои положения, подводя итоги революционному периоду. К таким положениям относится прежде всего вопрос относительно ближайших предпосылок, условий и сроков пролетарской революции.

Маркс и Энгельс, самоотверженно отдававшие всю свою жизнь делу социалистической революции, естественно ожидали наступления ее раньше, чем она в действительности произошла. В период буржуазных революций 1848 г. основоположники марксизма полагали, что эпоха пролетарских революций уже наступает. Капитализм, как отмечал В.И. Ленин, казался им тогда дряхлым, а социализм близким. Впоследствии, в 1895 г., Энгельс писал по этому поводу: «История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства...»

Оппортунисты Интернационала всячески злорадствовали по поводу не оправдавшихся ожиданий близкой пролетарской революции. Обвиняя основоположников марксизма в «бланкизме», эти предатели социализма прикрывали таким образом свой отказ от революции. Ленин дал блестящую отповедь всем этим буржуазным прихвостням.

«Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции... Но такие ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач, — в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, зывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...»

В трудах В.И.Ленина, особенно в тех его произведениях, которые посвящены теоретическому обобщению опыта русских революций, мы находим всестороннюю оценку и дальнейшее развитие положений Маркса и Энгельса о сущности социальных революций, о роли народных масс и революционной власти, о различных типах буржуазных революций, о восходящей и нисходящей линиях их развития, о доведении буржуазных революций до конца, о руководящей роли пролетариата по отношению к крестьянству, о внутренних и внешних резервах революции, о непрерывной революции и вооруженном восстании. Все эти положения основоположников марксизма были обогащены В.И.Лениным, получили дальнейшее развитие в созданной ленинским гением цельной и стройной теории социалистической революции в эпоху империализма.

ГЛАВА III. РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ НА ОПЫТЕ 1848—1851 гг.

1. Проблема государства в трудах Маркса и Энгельса в период формирования марксизма

В предыдущей главе было показано, какое место занимает в ранних произведениях Маркса и Энгельса вопрос о революции. Не меньшее место в этих трудах занимает проблема государства, поскольку главным вопросом всякой революции является, как известно, вопрос о государственной власти. Революционная ситуация, складывавшаяся в Германии и в других странах Европы в период формирования марксизма, с необходимостью выдвигала на повестку дня проблему государства. В Германии, куда перемещался в то время центр революционного движения, этот вопрос вставал особенно остро, ибо национальное воссоединение как основная задача революции предполагало ликвидацию множества феодальных немецких государств и создание единого немецкого государства.

Проблема государства находится в центре внимания Маркса и

Энгельса уже на первом, революционно-демократическом, этапе их деятельности. И это не случайно: революционные демократы тем-то и отличаются от либералов, что они стремятся к революционному уничтожению старого, реакционного государства, возлагая все свои надежды на народные «низы», на новую, создаваемую революцией государственную власть.

Маркс и Энгельс с первых шагов своей общественно-политической деятельности выдвигали идею народовластия как революционного отрицания существующего государства. Будучи подлинными демократами, стремящимися не к ограничению политического произвола имущих классов, а к его уничтожению, они вскоре убедились, что для уничтожения всякого угнетения человека человеком недостаточно ликвидировать сословные привилегии, монархию и даже помещичье землевладение. Решение этой величайшей исторической задачи предполагает уничтожение частной собственности, являющейся экономической основой социального порабощения трудящихся. И выполнить это всемирно-историческое дело может лишь пролетариат.

Таким образом, Маркс и Энгельс начинают с признания необходимости революционного уничтожения современного им помещичьего государства и установления народовластия, приходя затем к социалистическому отрицанию частной собственности и выделению из всей массы трудящихся рабочего класса. Революционно-демократическая критика тогдашних общественных порядков превращается у Маркса и Энгельса в пролетарскую, а революционно-демократическая постановка вопроса об исторических судьбах трудящегося человечества сменяется социалистическим разрешением этого вопроса. Вот почему на протяжении всего периода формирования марксизма проблема государства остается в центре внимания Маркса и Энгельса. Без учета этого обстоятельства нельзя понять основные особенности процесса формирования марксизма.

Следует, далее, отметить, что проблема государства занимает большое место в учении Гегеля и младогегельянцев; к последним, как известно, Маркс и Энгельс примыкали в начале своей общественно-политической и научной деятельности. Гегель считал государство земнобожественным существом, а историю государства — шествием бога по земле. Младогегельянцы, хотя и не признавали божественности государства, так же абсолютизировали его, как и их учитель. Впрочем, представление о государстве как о всемогущей силе хотя и связано самыми непосредственными узами с идеализмом, тем не менее коренится прежде всего в положении, в интересах буржуазии.

И Фейербах — материалист, противник гегелевской философии — рассматривал государство как реализованную, выявленную, развитую сущность человеческого рода, т.е. также абсолютизировал его.

Маркс в 1840—1842 гг. принимает еще младогегельянскую формулу государства, характеризуя его как «естественное духовное царство», в котором «господином является не материя, а форма, не природа вне государства, а природа государства, не несвободный предмет, а свобод-

ный человек». Однако в противоположность младогегельянцам Маркс строго отличает понятие государства от того государства, которое существовало в Германии.

Анализируя проводимое Марксом различие между понятием государства и государством, существовавшим в Германии, мы видим, что речь идет об отрицании абсолютизма, о противопоставлении ему «истинного государства». Таким истинным государством может быть, по Марксу, лишь демократическое государство, и лишь к нему приложимы те высокие понятия, которыми Гегель награждал прусский абсолютизм, лишь оно является воплощением разума, свободы, нравственности. Маркс писал в «Рейнской газете», что «государство, которое не является осуществлением разумной свободы, есть плохое государство».

Таким образом, если младогегельянское понимание государства как разумного организма служит в значительной мере оправданию прусского государства, то положения Маркса направлены против прусского абсолютизма.

Несомненно, что представление молодого Маркса об истинном государстве носит еще абстрактный, расплывчатый характер. Маркс не имеет в виду какое-либо определенное современное ему государство. Он хорошо знает, что английское и французское государства весьма далеки от «истинного» государства. Понятие об истинном государстве устремлено в будущее, оно — цель, достижимая лишь благодаря революции.

Защищая интересы трудового народа, молодой Маркс в статьях посвященных Рейнскому ландтагу, вплотную подходит к пониманию классовой природы прусского государства.

Известно, что либералы рассматривали ландтаги как учреждения противостоящие абсолютизму. Так, например, либерал Якоби полагал, что ландтаги своими конфликтами с королевской властью могут вызвать революцию. Статьи Маркса о Рейнском ландтаге показывают, что эти учреждения, бывшие опорой либерализма, укрепляли вместе с тем абсолютизм, расширяя его социальную базу.

В октябре 1842 г. Маркс выступает в газете против законопроекта, квалифицирующего сбор валежника крестьянами как кражу дров.

Аргументы Маркса носят еще идеалистический характер, он исходит из понятия права, противопоставляя его как выражение всеобщей справедливости частным интересам различных классов. Идеалистически рассматривается и государство как осуществление разумной свободы. Но, сопоставляя немецкие порядки, прусское государство с понятиями права и государства, Маркс решительно осуждает эти порядки и это государство, как недостойные человека.

Законопроект о краже дров, заявляет Маркс, превращает государственную власть в прислужницу лесовладельца. «Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегаёт». Если всякое нарушение привилегий собственности рассматривать как кражу, не является ли тогда,

спрашивает Маркс, «всякая частная собственность кражей?».

Критикуя «неистинное» немецкое государство, Маркс правильно указывает, что в нем господствуют частная собственность, частный интерес. Поэтому собственник леса «затыкает рот законодателю». Но, разоблачая прусское государство, Маркс еще не видит, что всякое государство означает господство одного класса над другим, и поэтому говорит: «Государство отсекает от себя свои живые части всякий раз, когда оно делает из гражданина преступника», т.е. наказывает крестьян за сбор хвороста.

Маркс не говорит еще, что для установления «истинного государства» необходимо уничтожение частной собственности на средства производства. Как революционный демократ он требует лишь полного уничтожения каких-либо политических привилегий частной собственности, не осознавая еще, что упразднение привилегий не означает ликвидации господства частных собственников в государстве. Таким образом; уже в это время, в 1842 г., Маркс, правда с идеалистических позиций, выступает не только против диктатуры помещиков, но и против политического господства частных собственников вообще.

Не ограничиваясь указанием на связь существующего государства с определенными, имущими классами, Маркс стремится вскрыть объективную, не зависящую от воли и сознания людей основу государства. В статье «Оправдание мозельского корреспондента», также опубликованной в «Рейнской газете», говорится, что в явлениях общественной жизни необходимо видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд единственными действующими факторами кажутся лица. Эта точка зрения распространяется и на государство: «При исследовании явлений государственной жизни слишком легко поддаются искушению упускать из виду объективную природу отношений и все объяснять волей действующих лиц. Существуют, однако, отношения, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания».

Хотя Маркс и не определяет ближайшим образом, в чем заключается объективность общественных отношений, обуславливающих государственную власть, совершенно очевидно, что речь, конечно, идет не о воплощении гегелевского абсолютного духа. Здесь, несомненно, содержится зародыш материалистического понимания общественной жизни, но только зародыш, поскольку в период «Рейнской газеты» лишь намечается переход Маркса от идеализма к материализму.

В 1843 г., после запрещения «Рейнской газеты», Маркс предпринимает критический разбор гегелевской философии права, С этим критическим разбором связан незаконченный и лишь посмертно опубликованный труд Маркса «К критике гегелевской философии права», представляющий собой важный этап на пути формирования материалистического взгляда на государство.

Характеризуя ход развития идей Маркса, Энгельс писал:

«Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к мнению, что не государство, изображаемое Гегелем «венцом всего здания», а, напротив, «гражданское общество», к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества».

Эти слова Энгельса непосредственно относятся к названному выше произведению, в котором Маркс доказывает, что гегелевское учение о государстве отнюдь не является логическим выводом из каких-либо абстрактных основоположений: оно представляет собой изображение и идеализацию современного Гегелю прусского государства. Гегель, указывает Маркс, должен быть подвергнут критике не за то, что он изображает современное ему государство так, как оно существует, а за то, что он выдает современное ему государство за сущность государства вообще.

Маркс показывает, что Гегель возводит немецкие буржуазно-юнкерские иллюзии в высшую философскую истину, объявляя государство разумной божественной сущностью и в качестве таковой движущей силой истории провозглашая монархию единственно истинной формой государства, увековечивая сословный строй и дворянство, отрицая правомерность революций и считая допустимым лишь мирные, осуществляемые по инициативе государства изменения. Гегель как идеалист выдает кажущееся за действительное, а действительное превращает в кажущееся.

Из того факта, что во главе монархического государства находится коронованная персона, Гегель делает вывод, что государство по природе своей «лично», индивидуально, вследствие чего монархическая форма правления объявляется абсолютной. В противовес Гегелю Маркс заявляет, что лишь демократия представляет собой истинное государство, лишь народ является истинным носителем конституций,

Гегель противопоставляет «гражданскому обществу» (сфера материальных, в сущности буржуазных интересов — *burgerliche Gesellschaft*) государство как высший нравственный и правовой организм. Маркс разоблачает идеалистическую мистификацию Гегеля и приходит к выводу, что не гражданское общество является самоотчуждением государства, а, напротив, государство порождается гражданским обществом. Государство рассматривается Марксом как вторичное по отношению к гражданскому обществу.

Вступая на путь материалистического понимания истории, Маркс вплотную подходит к социалистическим выводам, выдвигая мысль о необходимости революционного уничтожения гражданского общества, построенного на господстве частных интересов, и государства, отражающего в извращенной форме это свое фактическое основание. Для Гегеля государство представляет собой разрешение и примирение всех экономических и политических противоречий. Маркс же выступает против этого воззрения, доказывая непримиримость противоречий в современном ему обществе. Эти выводы возвышают Маркса над всей предшествующей социологической мыслью.

В отличие от Гегеля Маркс считает действительными крайностями не государство и гражданское общество, а противоположность интересов определенных социальных групп, которая не может быть примирена государством. Государство вовсе не представляет собой «действительность нравственной идеи»; напротив, государственный строй является лишь «государственным строем частной собственности».

Итоги критического пересмотра гегелевской философии государственного права Маркс впоследствии оценивал следующим образом: «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии».

Дальнейшее развитие взглядов Маркса и Энгельса на государство неразрывно связано с разработкой выдвинутого ими в 1844 г. важнейшего положения о всемирно-исторической миссии пролетариата. Это гениальное положение основоположников научного коммунизма было встречено в штыки их буржуазными и мелкобуржуазными современниками, в особенности младогегельянами. Последние обвинили Маркса и Энгельса в «некритическом» отношении к «массе». Один из немецких корреспондентов Маркса — Г.Юнг писал ему: «Бауэр так помешался на критике, что недавно писал мне: должно не только общество, привилегированных собственников и т.д., но — до чего еще никто не додумался — и пролетариев подвергнуть критике...»

Как видно из сообщения Г.Юнга, господина Бауэра свысока судили, о пролетариате как о некоей якобы «некритической массе». Против этого вредного и вздорного буржуазного предрассудка решительно, как подчеркивает В.И. Ленин в статье «Фридрих Энгельс», восстали основоположники марксизма, доказавшие, что именно пролетариат является той общественной силой, которая способна покончить со всеми формами порабощения личности.

В «Святом семействе» и далее в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс доказали, что младогегельянские идеалистические фразы о всемогуществе сознания прикрывают либеральный страх перед практически-революционным выступлением народа против существовавшего в Германии помещичьего государства. Именно поэтому младогегельяны сознательно сводили все препятствия на пути общественного прогресса лишь к извращенному сознанию, которое надлежит преодолеть опять-таки силой сознания. Гнет абсолютизма превращался у них в гнет призраков, в гнет религии и невежества, а изменение сознания выдавалось за преобразование самой действительности. Если французские просветители требовали изменения действительности согласно принципам разума, то младогегельяны ограничивались крикливым требованием изменения сознания.

Разоблачая политический консерватизм младогегельянского идеалистического истолкования исторического процесса, Маркс и Энгельс противопоставляют буржуазным фразам младогегельянцев партийную точку зрения пролетариата. Рабочие в отличие от «критической критики» понимают, что нельзя «чистым мышлением» избавиться от хозяев. «Они очень болезненно ощущают различие между бытием и мышлением, между сознанием и жизнью. Они знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом.»

От действительных, материальных отношений, порабощающих человека, Нельзя освободиться одним лишь усилием сознания. Они могут быть уничтожены лишь революционным путем. Характеризуя развивающееся в Европе освободительное движение пролетариата, Маркс с восторгом говорит о человеческом благородстве этого движения, предвидя его неизбежную победу.

С точки зрения пролетарской партийности основоположники марксизма подвергают критике младогегельянскую идеализацию буржуазного государства и буржуазной демократии. Маркс и Энгельс показывают, что буржуазное государство имеет своим основанием новую историческую форму рабства – наемный труд пролетария.

Отражая видимость капиталистических отношений, буржуазная политическая экономия утверждает, что заработная плата является результатом свободного соглашения двух сторон. В действительности здесь место свободы договаривающихся сторон занимает экономическое принуждение. Таким образом, рабство буржуазного общества по видимости своей оказывается величайшей свободой. Право, которое буржуазная демократия противопоставляет привилегиям, является правом господствующего класса, узаконенной волей частных собственников. Поэтому формальная свобода отнюдь не становится действительностью, будучи провозглашена государством в качестве прав гражданина.

Маркс и Энгельс подчеркивают историческую ограниченность, внутреннюю противоречивость буржуазной демократии, представляющей собой политическую форму господства буржуазии. Осмеивая суеверную веру младогегельянцев в особую роль государства, якобы устанавливающего порядок, право, свободу, Маркс говорит, что государство лишь возводит в закон обусловленные экономическим развитием отношения между людьми.

В «Немецкой идеологии, излагающей основы исторического материализма, Маркс и Энгельс показывают, что господство одного класса над другим политически выражается в существовании того или иного типа государства – рабовладельческого, феодального, буржуазного. При решении вопроса о сущности государства Маркс и Энгельс оставляют в стороне вопрос о формах правления (республика, монархия

и т.д.), считая основным вопрос о том, какой класс правит, а производным: как он правит, в какой форме осуществляет свое господство. Такое разграничение основных типов государств (соответственно основным типам производственных отношений) и форм правления при наличии ранее выдвинутой идеи об исторической миссии пролетариата является необходимой предпосылкой идеи диктатуры пролетариата. Абсолютная с точки зрения буржуазного демократа-республиканца противоположность между республикой и монархией становится второстепенной по отношению к главному вопросу: какой класс господствует, кому принадлежит власть?

Отношения господства и подчинения, разъясняют основоположники марксизма, не создаются государственной властью, а, наоборот, «сами они – созидаящая ее сила. Помимо того что господствующие при данных отношениях индивиды должны конституировать свою силу в виде государства, они должны придать своей воле, обусловленной этими определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, – выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса, как это особенно ясно доказывает частное и уголовное право».

Маркс и Энгельс определяют государство как диктатуру экономически господствующего класса, диктатуру, обусловленную антагонистическим характером производственных отношений. Право, например уголовное или частное, да и всякое другое, отнюдь не является основой государственной власти: это лишь специфическое проявление господства одного класса над другим.

Отбрасывая идеалистическое представление о самостоятельности государства, Маркс и Энгельс учат, что «государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы...»

Не ограничиваясь характеристикой эксплуататорского государства, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» вплотную подходят к постановке вопроса о политическом господстве пролетариата, о том, что господство одного класса над другим исторически возможно в совершенно новой форме как переходная ступень к ликвидации классовых различий. Основоположники марксизма отвергают утверждение Штирнера, будто коммунисты хотят отменить государство. Коммунистическая революция непосредственно устраняет лишь господство эксплуататоров, и только впоследствии она должна устранить также и политические учреждения.

Однако свержением диктатуры буржуазии не исчерпываются задачи коммунистической революции, поскольку политическая власть необходима и эксплуатируемому классу для окончательной победы над эксплуататорами. Обосновывая возможность и необходимость политического господства угнетенного и эксплуатируемого класса, Маркс и Энгельс пишут: «...каждый стремящийся к господству класс, если даже его господство обуславливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще,

должен прежде всего завоевать себе политическую власть, для того чтобы этот класс, в свою очередь, мог представить свой интерес как всеобщий, что он вынужден сделать в первый момент» Это положение – не случайное замечание, оно связано со всем содержанием «Немецкой идеологии», в которой Маркс и Энгельс ставят вопрос об условиях, делающих возможным превращение пролетариата в господствующий класс.

Маркс и Энгельс учат, что всякий класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, для осуществления своих задач необходимо должен выступить как представитель общественных интересов, гораздо более широких и значительных, чем интересы того класса, против которого он выступает. Пролетариат является именно таким классом, единственным в эпоху капитализма, который способен установить свое господство на политической основе, несравненно более широкой, чем основа господства буржуазии.

Мысли, высказанные в «Немецкой идеологии», конкретизируются и развиваются в последующих произведениях Маркса и Энгельса. Так, в борьбе против уже упоминавшегося выше буржуазного радикала К.Гейнца основоположники марксизма формулируют свое отношение к буржуазному государству. К.Гейнцен, подвергая критике феодальное монархическое государство, доказывал, что оно является извращением «естественной» природы государства, ибо в нем «власть господствует над собственностью». Этими словами, как показывает Маркс, Гейнцен в туманной, абстрактной форме выражал тот факт, что капиталисты в Германии еще не обладали властью, что государственная власть еще не служила капиталистической собственности. Выдвигавшаяся Гейнценом программа уничтожения господства власти над собственностью означала, в сущности, лишь требование привести политическую надстройку в соответствие со стихийно сложившимся буржуазным экономическим базисом. Таким образом, изрекая «вечные» истины идеалистической социологии, К. Гейнцен на самом деле лишь отмечал тот факт, что немецкая буржуазия должна завоевать себе политическую власть.

Признавая, что буржуазная революция необходима не только буржуазии, но и пролетариату, ибо завоевание буржуазной демократий создает сравнительно благоприятные условия для его освободительной борьбы, Маркс и Энгельс предупреждают против идеализации буржуазно-демократических преобразований. С победой буржуазии, подчеркивает Маркс, «рабочие образуют политическую партию, боевым кличем которой ни в коем случае не является: монархия или республика, а господство рабочего класса или господство буржуазии.

И здесь, следовательно, Маркс и Энгельс вплотную подходят к идее диктатуры пролетариата, к вопросу о пролетарском государстве.

В «Нищете философии» Маркс противопоставил мелкобуржуазной прудонистской идее равенства мелких производителей революционную идею уничтожения классов. Но в противоположность утопистам Маркс считает основным политическим условием преодоления классовых различий превращение пролетариата в господствующий класс. Если

мелкобуржуазные идеологи видели в пролетариях лишь неимущих, разорившихся «самостоятельных» производителей, лишь продукт разложения старого строя, то Маркс показывает, что пролетариат порожден прогрессом производительных сил и является поэтому наиболее производительной и революционной силой общества. Задачи пролетариата не исчерпываются разрушением капиталистического строя: важнейшей его задачей является созидание нового, коммунистического строя.

И.В.Сталин говорит, что в произведении Энгельса «Принципы коммунизма» поставлен вопрос «о свержении буржуазии и завоевании диктатуры пролетариата». Постановка этого вопроса Энгельсом представляет огромный интерес для понимания развития взглядов основоположников марксизма на государство. Характерно, что уже в ранний период своего развития основоположники марксизма вскрывают несостоятельность мелкобуржуазного противопоставления диктатуры и демократии. Рассматривая буржуазное общество как формальную демократию, Энгельс указывает, что пролетарская революция «создаст демократический строй и тем самым прямо или косвенно политическое господство пролетариата». Энгельс противопоставляет буржуазной демократии демократию нового типа. Как подчеркивает И.В.Сталин, «...Энгельс тогда под «демократией» понимал диктатуру пролетариата...» Таким образом, несомненно, имеется органическая историческая связь между идеей диктатуры пролетариата и пролетарской критикой буржуазной демократии слева.

«Принципы коммунизма» были, как известно, наброском «Манифеста Коммунистической партии», завершившего формирование взглядов Маркса и Энгельса. В «Манифесте Коммунистической партии» основоположники марксизма, подытоживая созданное ими материалистическое понимание истории, ведущее к признанию неизбежности социализма, формулируют свое понимание государства, диктатуры пролетариата.

Характеризуя основные задачи пролетарской революции, «Манифест Коммунистической партии» указывает, что «первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократий.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

Это и есть, как указывал В.И.Ленин, формулировка коренной идеи марксизма – идеи диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата – главное в марксизме. Идея диктатуры пролетариата представляет собой глубочайшее теоретическое обобщение опыта освободительной борьбы пролетариата и закономерностей классовой борьбы всей истории человечества.

Выше уже было показано, что выдвигению идеи диктатуры

пролетариата предшествовало открытие Марксом и Энгельсом исторической миссии пролетариата и творца коммунистического общества. Однако тогда, в 1844 г., Маркс еще не говорил о том, что осуществить свою историческую миссию пролетариат сможет лишь благодаря установлению своего политического господства, своей власти. Дальнейшее изучение классово-борьбы между пролетариатом и буржуазией привело основоположников марксизма к открытию необходимости установления господства пролетариата как основного политического условия социалистического преобразования общества.

Признавая возможность и «необходимость союза пролетариата с непролетарскими трудящимися массами, Маркс и Энгельс доказывают необходимость именно диктатуры пролетариата, подчеркивая, что из всех классов буржуазного общества пролетариат является наиболее революционным, классом; только пролетариат способен быть подлинным руководителем всех угнетенных и эксплуатируемых в борьбе против всякого гнета и эксплуатации. И именно потому, что пролетариат — подлинный авангард всех эксплуатируемых, он является также самым передовым и последовательным борцом за демократию.

Таким образом, еще до революций 1848 г. Маркс и Энгельс пришли к гениальному выводу о необходимости революционного уничтожения диктатуры буржуазии, создания пролетарского государства — диктатуры пролетариата. Исторически обосновывая эту всемирно-историческую задачу рабочего класса, основоположники научного социализма учили, что ее решение осуществимо лишь при определенных объективных условиях, порождаемых развитием капиталистического строя. Каковы же задачи пролетариата в период, когда эти условия еще отсутствуют? Отвечая на этот вопрос, Маркс и Энгельс указывают на громадное значение пролетарской борьбы за демократию для исторической подготовки диктатуры пролетариата.

«Промышленный пролетариат городов, — пишет Энгельс, — стал венцом всякой современной демократии; мелкая буржуазия и еще больше крестьяне зависят всецело от его инициативы».

Таковы были воззрения Маркса и Энгельса на государство в преддверии революций 1848 г.

2. Революции 1848 г. и буржуазная государственная машина

В работах основоположников марксизма, теоретически подытоживающих исторический опыт революций 1848 г., весьма важное место занимает анализ причин поражения революции во Франции, в особенности анализ социальных корней бонапартизма; Поражение французской революции 1848 г. и контрреволюционный монархический переворот Луи Бонапарта рассматривались Марксом не изолированно, а в органической связи с предшествовавшими им временными завоеваниями и победами революции. Такая постановка вопроса вызвала неистовое возмущение не только либералов, но и мелкобуржуазных демократов. Все они утверждали, что поражение революции и в особенности бонапартистский переворот никоим образом не вытекали из

предшествующего развития событий, никак не были связаны с самим содержанием революции; это был, по их мнению, гром среди ясного неба. Мелкобуржуазные демократы, абстрактно противопоставляя революцию и контрреволюцию, не видели того, что речь идет о буржуазной революции и буржуазной контрреволюции, между которыми нет никакой пропасти, а, напротив, — органическая связь. Это может показаться на первый взгляд парадоксом; в действительности же речь идет об одной из закономерных тенденций развития буржуазных революций, на которую Маркс и Энгельс постоянно указывают в «Новой Рейнской газете» и особенно в работах «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

В последнем произведении подводятся итоги всей французской революции 1848 г., которая рассматривается как единое, закономерно развивающееся на основе внутренних противоречий, целое. В нем, как подчеркивает Энгельс, Маркс, изложив весь ход французской истории от начала революции 1848 г. до ее поражения, доказал, что переворот 2 декабря 1851 г. представлял собой не чудо, а закономерный результат предшествующего развития, в самом деле, разве не закономерно, что февральские события привели к июньской битве? Не случайно, конечно, и то, что в ходе буржуазной революции укреплялись контрреволюционные силы и после поражений пролетариата в 1848 г. и мелкой буржуазии в 1849 г. установилась бонапартистская диктатура. Победа бонапартизма была победой буржуазной контрреволюции, вырастающей из буржуазной революции. Эта закономерность особенно ярко проявилась именно во Франции, потому что здесь революция зашла несравненно дальше, чем в Германии и Австрии. Таким образом, буржуазная революция при наличии развитого, борющегося за свои интересы пролетариата неизбежно порождает буржуазную контрреволюцию, которая подавляет революционные силы, если пролетариат не обладает еще достаточной мощностью, чтобы установить свое собственное политическое господство. Значение вывода Маркса о внутренней связи между буржуазной революцией и буржуазной контрреволюцией неоднократно впоследствии подчеркивал В.И. Ленин, вскрывая историческое своеобразие буржуазно-демократической революции в России. Ленин писал, что для либеральных буржуа и меньшевиков характерно непонимание связи между революцией и контрреволюцией в России, неспособность взглянуть на все пережитое нами, как на одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике».

Характеризуя бонапартизм, Маркс и Энгельс подчеркивают, что он сохраняет в неприкосновенности господство капитала, вопреки всем своим антибуржуазным демагогическим декларациям. Именно крупная буржуазия, органически враждебная демократии, народу, стремится к замене парламентской республики монархической диктатурой, поскольку ее господству начинает угрожать революционная борьба пролетариата. Крупная буржуазия крайне нуждается в социальной демагогии, чтобы привлечь на свою сторону массы. Для этого в конкретно-исторических

условиях французской революции 1848 г. ей и понадобился бонапартизм. Бонапартисты обвиняли буржуазию в том, что она «забыла прошлое, пренебрегает будущим, погружена в настоящее и, кажется, принимает горизонт за границу мира». Но те же бонапартисты обещали буржуазии «увеличить ее перспективы и осветить дорогу, на которой она спасется», пропагандировали гармонию труда и капитала, утверждая, что «пролетариат и буржуазия неотделимы друг от друга...» Маркс разоблачил социальную демагогию бонапартизма и вскрыл его контрреволюционно-буржуазное содержание.

Основоположники марксизма еще в «Новой Рейнской газете» отмечали возможность бонапартистского переворота. Так, после июньских событий 1848 г., накануне президентских выборов, когда вся французская пресса предрекала победу Кавеньяку, Маркс указал на неизбежность его поражения. Маркс оценивал Кавеньяка как представителя контрреволюционной республиканской буржуазии, разоблачившей себя перед народом, и предвидел победу Луи Бонапарта на президентских выборах: «Франция, — писали Маркс и Энгельс, — готова броситься в объятия авантюриста, лишь бы только избавиться от господства Кавеньяка и Марраста...» В дальнейшем «Новая Рейнская газета» пророчески указывала на приближение монархического переворота. Так, 31 января 1849 г., почти за два года до этого события, она, отмечая враждебность французской буржуазии демократическим преобразованиям, констатировала, что «благомыслящая республика трещит по всем швам...». В той же статье говорится: «Монархическая реставрация или красная республика — такова теперь единственная альтернатива во Франции». «Новая Рейнская газета», конечно, не ставила вопрос о неизбежности монархической реставрации во Франции, поскольку сама эта неизбежность явилась продуктом развития событий буржуазной революции, и в 1848—1849 гг. о ней говорить было не только преждевременно, но и ошибочно. Однако уже в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.», т.е. в 1850 г., прослеживая развитие классовых антагонизмов буржуазной революции, Маркс вскрывает нарастающую опасность контрреволюционного монархического переворота. Маркс показывает, что рабочие и мелкая буржуазия, добившиеся установления парламентарной республики, были ее главной опорой, поскольку буржуазия конспирировала против республики, против всеобщего избирательного права, считая его угрозой своему политическому господству. Буржуазия подкапывалась под существование буржуазной республики, а трудящиеся массы идеализировали республику, не видели ее буржуазного характера. Они находились во власти мелкобуржуазных иллюзий и считали буржуазную республику своей республикой. Поэт-демократ Эжен Байе, выражая эти настроения, писал:

Конец всем невзгодам настал,
Грядущего дни лучезарны!

Последующее развитие событий революции нанесло этим иллюзиям сокрушительный удар. С одной стороны, политика Временного правительства, сводившаяся прежде всего к бесперывной борьбе с

требованиями пролетариата, с другой — Национальное собрание, которое, как указывает К.Маркс, немедленно порвало с социальными иллюзиями февральской революции и напрямик провозгласило буржуазную республику и только буржуазную республику, ликвидация Национальных мастерских — все это открыло, наконец, глаза парижским рабочим на действительную сущность буржуазной республики и вынудило их в июньские дни выступить против нее.

После поражения пролетариата в июньские дни на стороне буржуазной республики оставалась лишь городская мелкая буржуазия; что же капается крестьянства, то оно отвернулось от республики еще до июньских дней в связи с введением нового, 45-сантимного налога. В 1849 г. после известной демонстрации 13 июня были разбиты республиканские силы городской мелкой буржуазии. Кто же остался на стороне буржуазной республики?

Выборы президента наглядно обнаружили враждебность народа буржуазной республике. Буржуазная республика — это Кавеньяк, палач и убийца июньских повстанцев. Мелкая буржуазия и часть пролетариата голосовали, как подчеркивает Маркс, за Наполеона для того, чтобы голосовать против Кавеньяка. И если добавить, что за Луи Бонапарта голосовала значительная часть буржуазии, то становится очевидным, что существование буржуазной республики, как подчеркивал Маркс, поддерживалось не силой одного какого-либо класса, а борьбой между классами и борьбой между различными фракциями» самой буржуазии — между бонапартистами, легитимистами орлеанистами и т.д. Каждая из этих фракций была монархической, но в борьбе против своих противников она выдвигала республику, чтобы предотвратить господство враждебной ей фракции. Как указывает Маркс, лидер орлеанистов Тьер не подозревал, какая глубокая правда содержалась в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики».

Опираясь на все эти факты, Маркс блестяще анализирует противоречия политического развития буржуазного общества в революционный период. Так, после того как пролетариат и мелкая буржуазия города и деревни отвернулись от враждебной им буржуазной республики, существование последней являлось результатом взаимно нейтрализующихся монархических устремлений различных фракций господствующего класса. Монархическая буржуазия «поддерживала» республику, будучи враждебна ей. Маркс показывает, что живая картина политической жизни общества в период революции представляет из себя совокупность различных противоречий, причем из всего многообразия противоречий, составляющих содержание исторического процесса, Маркс выделяет главное и решающее на каждом этапе развития. До июня 1848 г. на первый план выдвигалось противоречие между борющимися за доведение революции до конца пролетариатом и контрреволюционно либеральной буржуазией; оно, главным образом, и вызвало к жизни буржуазную республику. После разгрома основных сил парижского пролетариата и временного устранения его с политической арены на авансцену выступило противоречие между объединенными фракциями

крупной буржуазии и мелкой республиканской буржуазией. Это противоречие 13 июня 1849 г. разрешилось в пользу крупной буржуазии, и ее противники из лагеря мелкобуржуазной демократии также временно были устранены. Тогда, естественно, развернулись противоречия между различными фракциями крупной буржуазии. Борьба в конечном итоге привела к победе бонапартистской фракции, что отнюдь не разрешило противоречий а напротив, возобновило с еще большей силой основное противоречие буржуазного общества — антагонизм между рабочими и капиталистами.

Таким образом, Маркс не ограничивается одной лишь констатацией парадоксального на первый взгляд противоречия между буржуазией и буржуазной же республикой, но раскрывает его источник — основное и решающее классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом. Революция подняла к активной политической деятельности широкие пролетарские и мелкобуржуазные массы. Предоставление трудящимся гражданских прав, введение всеобщего избирательного права и прочих демократических институтов не укрепляло, а, напротив, подрывало еще далеко не утвердившееся политическое господство буржуазии.

Буржуазная республика может быть при известных социально-экономических условиях вполне соответствующей интересам буржуазии формой ее политического господства. Но в условиях буржуазной революции, когда буржуазия еще не утвердилась у власти, а вооруженные народные массы стремятся использовать демократические свободы в своих интересах, буржуазия закономерно становится противницей республики. В горниле революции, когда, по выражению Маркса, различные классы французского общества должны были исчислять неделями эпохи своего развития, которые ранее исчислялись полустолетиями, буржуазия выступила против буржуазной же республики и шаг за шагом подрывала ее существование. Об этом свидетельствовали вся политика Временного правительства и в еще большей мере деятельность Учредительного собрания, а также все последующее развитие буржуазной республики вплоть до ее ликвидации 2 декабря 1851 г.

Буржуазный страх перед пролетариатом приводил буржуазию к борьбе даже против таких демократических начинаний, которые могли бы укрепить ее классовое политическое господство. Маркс показывает, что буржуазия, полная страха перед своим антиподом — пролетариатом, расчищала дорогу бонапартистскому перевороту: «Отмена покровительственных пошлин — социализм! потому что она посягает на монополию промышленной фракции партии порядка. Приведение в порядок государственного хозяйства - социализм! потому что оно затрагивает монополию финансовой фракции партии порядка. Свободный ввоз заграничного хлеба и мяса — социализм! потому что он нарушает монополию третьей фракций партии порядка, крупного землевладения. Требования фритредеров, передовой партии английской буржуазии, во Франции сплошь оказываются социалистическими требованиями. Вольтерьянство - социализм, потому что оно нападает на четвертую

фракцию партии порядка, католическим фракцию. Свобода печати, свобода союзов, всеобщее народное образование — социализм, социализм! Ведь все это — покушения на общую монополию партии порядка!»

Можно ли после всего этого удивляться тому, что буржуазное по своему составу Учредительное собрание, вырабатывая конституцию буржуазной республики, приняло все зависящие от него меры для борьбы с демократией? Буржуазия не верила в возможность демократической организации своего господства и в своей конституции всячески усилила исполнительную власть президента, умалив роль представительных учреждений и парламентаризма вообще, максимально усилив независимость исполнительной власти от представительных учреждений. Конституция, указывает Маркс, предоставляла президенту всю полноту фактической власти, оставляя за Национальным собранием одну лишь моральную силу. Естественно, что таким образом буржуазия стремилась оградить себя от «случайностей», могущих иметь место на почве всеобщего избирательного права. Но, делая ставку на независимость исполнительной власти, буржуазия тем самым создавала возможность захвата этой власти одной из конкурирующих друг с другом буржуазных фракций. Главное же противоречие конституции, как подчеркивает Маркс, «заключается в следующем: посредством всеобщего избирательного права она дает политическую власть тем самым классам, социальное рабство которых она должна увековечить, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую социальную власть она санкционирует, — буржуазию — она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в демократические рамки, вторые на каждом шагу содействуют победе противников буржуазии и ставят на карту самые основы буржуазного общества».

Не следует думать, что Маркс считал всеобщее избирательное право принципиально враждебным буржуазному строю. Еще в предреволюционный период основоположники марксизма разоблачили мелкобуржуазные иллюзии наивного республиканизма, согласно которым всеобщее избирательное право несовместимо с буржуазным обществом, с угнетением трудящихся. Положение Маркса, приведенное выше, говорит лишь о том, что в период революции, когда буржуазия теряет контроль над социальными «низми», всеобщее избирательное право не может быть таким же верным орудием буржуазии, каким оно обычно является в нереволюционные периоды исторического развития. В огне революции буржуазия уже не может попрежнему диктовать массам свою волю средствами буржуазного парламентаризма. В период революции, когда, выражаясь словами В.И.Ленина, «низы» не хотят жить по-старому, а «верхи» не могут управлять по-старому, всеобщее избирательное право, в известной мере, перестает быть орудием буржуазной диктатуры, в силу чего буржуазия не останавливается ни перед чем для его уничтожения.

Противоречие буржуазной конституции, глубока раскрытое Марксом,

является, таким образом, юридическим выражением основного противоречия буржуазной революции. И то обстоятельство, что легитимисты, орлеанисты и другие фракции контрреволюционной крупной буржуазии интриговали против республики, отнюдь не говорило об их приверженности к феодальной монархии. Эти партии стремились к установлению буржуазной монархии. Их борьба против республики объясняется страхом перед революционным пролетариатом, активно использующим гражданские права в своих классовых интересах.

Французская буржуазия не ограничилась, как известно, принятием конституции, противопоставляющей президента (исполнительную власть) Национальному собранию (законодательной власти). В ходе развития революционных событий она сама выступила против созданной ею же конституции и установленных конституционным порядком демократических институтов. После того как на дополнительных выборах 10 марта 1850 г. буржуазные кандидаты потерпели поражение, либеральная буржуазия избирательным законом 31 мая 1850 г. ликвидировала всеобщее избирательное право, служившее ей, пока она обладала моральной властью над народом. Таким образом, как говорит Маркс, буржуазия собственными руками разрушила все свои оборонительные укрепления против самодержавия, как только она сама стала самодержавной. Таковы были неизбежные последствия классовой борьбы, прогрессивно обострявшейся в процессе революции. В ходе борьбы классов «моральная власть буржуазии над народными массами ослабевала по мере того, как крепла ее фактическая власть. Всеобщее избирательное право резко высказалось 10 марта против господства буржуазии, — буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классовой борьбы».

Итак, если конституция провозглашала всеобщее избирательное право как основу господства буржуазии, то выборы 10 марта привели буржуазию к ликвидации демократической основы ее политического господства. Отвергая всеобщее избирательное право, которое еще недавно было одним из источников ее политической мощи, буржуазия тем самым обнажала перед народными массами свою диктатуру, опирающуюся не на закон или волеизъявление народа, а на насилие.

Этот вывод, сделанный Марксом более чем за год до бонапартистского переворота, свидетельствует о величайшей силе его исторической проницательности. Маркс показал, что бонапартистский переворот был подготовлен предшествующими ему антидемократическими, антиконституционными актами буржуазии.

Отмена всеобщего избирательного права означала кризис буржуазного парламентаризма. При всей своей ограниченности, урезанности, формальности буржуазная демократия оказалась в условиях продолжавшейся революционной ситуации совершенно недостаточной для поддержания диктатуры буржуазии. Больше того: парламентаризм препятствовал подавлению трудящихся, увидевших эксплуататорский характер буржуазной республики, в этих условиях решающую роль для

буржуазии приобретают средства прямого административного и военного насилия, которыми распоряжается глава исполнительной власти — президент. Средства прямого насилия найдя фактическом распоряжении бонапартистской клики. Отсюда конфликт между исполнительной и законодательной властью (Национальным собранием), конфликт, который буржуазные противники бонапартизма (в особенности «чистые республиканцы») пытались представить как столкновение между властью и народными представителями. Однако Национальное собрание, ликвидировавшее всеобщее избирательное право и попиравшее ногами конституцию, конечно, не представляло народа. Это был конфликт одной из фракций контрреволюционной буржуазии с остальными ее фракциями. Если политическим орудием бонапартистской фракции была исполнительная власть, то политическим орудием остальных фракций, составлявших большинство буржуазии, была уже обанкротившаяся в условиях революции парламентская система, потерявшая свою былую силу и влияние. И законодательная, и исполнительная власть в буржуазном обществе, как доказали Маркс и Энгельс, служат буржуазии. Следовательно, конфликт между законодательной и исполнительной властью представляет собой лишь внешнее выражение противоречий между различными группами самой буржуазии.

Характеризуя противоречия в лагере господствующего класса в период французской революции 1848 г., Маркс показал, что бонапартисты в отличие от легитимистов и орлеанистов опирались на массы французского крестьянства, разочаровавшегося в буржуазно-демократической республике 1848 г. и все еще сохранявшего свои былые «наполеоновские» иллюзии, иллюзии, которые, как показал Маркс, носили буржуазный характер.

Буржуазная революция 1789 г. превратила полукрепостных крестьян в свободных земельных собственников. Упрочение и законодательное закрепление этих социально-экономических преобразований было связано с деятельностью Наполеона

Французское крестьянство 1848—1851 гг. существенно отличалось от того класса, каким оно было в начале века. К середине XIX в. оно было уже в значительной мере разорено всем ходом капиталистического развития Франции. Но именно это и обращало его взор к периоду первой бонапартистской диктатуры, вызывая стремления к ее возрождению.

Бонапартистская фракция использовала в своей контрреволюционной деятельности иллюзии массы французского крестьянства, все еще надеявшегося в условиях капиталистического строя восстановить свое бывшее «благоденствие». Опора на иллюзии подавляющей части французской нации позволяла бонапартистам маскировать; свою буржуазную, антинародную сущность и использовать противоречия между буржуазией и народом.

Характеризуя основные фракции французской крупной буржуазии и существо бонапартистской диктатуры, Маркс говорит: «Подобно тому как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны — династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т.е.

французской народной массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинился буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент».

Указывая на крестьянство как на резерв контрреволюционной буржуазии, Маркс подчеркивает, что речь идет не о крестьянстве вообще, а лишь об определенном этапе развития этого класса, когда оно, получив землю в результате буржуазной революции, все еще идет за той фракцией буржуазии, с которой исторически было связано укрепление крестьянской собственности. Маркс разъясняет, что в своей основной массе крестьянство лишь временно может быть опорой контрреволюционной, глубоко враждебной трудящемуся крестьянству буржуазии, ибо весь ход развития капитализма с неизбежностью показывает мелким производителям, что никакое буржуазное правительство не спасет их от разорения и нищеты. «Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина; не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу; не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севенн, а его современной Вандеи».

Оппортунисты Интернационала обычно изображали крестьянство как сплошную реакционную массу, враждебную всяким революционным устремлениям. При этом оппортунисты обильно ссылались на основоположников марксизма, извращая их действительные взгляды. Между тем Маркс, как это видно в частности из приведенной цитаты, считал, что крестьянство выступает в качестве резерва контрреволюционной буржуазии далеко не всегда, а лишь при определенных исторических условиях.

Последующий исторический опыт позволил В.И.Ленину развить и конкретизировать этот вывод, вытекающий из данного Марксом анализа отношений крестьянской массы к бонапартизму. В 1917 г. В.И.Ленин указывал на угрозу бонапартизма в России, где крестьянство не получило от буржуазии земли, где оно не было в своей основной массе социальной опорой бонапартизма, т.е. контрреволюционной буржуазии, а, напротив, являлось союзником революционного пролетариата. В.И.Ленин подчеркивал в этой связи отличие российского бонапартизма от бонапартизма французского.

В России 1917 г. буржуазия вместе с помещиками боролась и против рабочего класса и против трудящегося крестьянства, требовавшего земли. Если Маркс указывал, и это было вполне справедливо для Франции середины XIX в., что бонапартизм опирался на политическую

неразвитость, консерватизм, предрассудки «крестьян, т.е. французской народной массы», то в России бонапартизм опирался главным образом на контрреволюционность самой буржуазии, поскольку подавляющая часть крестьянства и, следовательно, также армии была враждебна бонапартизму. Коммунистическая партия, обеспечивая гегемонию пролетариата в общедемократической борьбе народов нашей родины, организовала и осуществила ликвидацию корниловского бонапартистского путча. В.И.Ленин, творчески развивая положения основоположников марксизма, показал, что суть бонапартизма не сводится лишь к вопросу о крестьянстве. «Бонапартизм, — указывал В.И.Ленин, — есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции». Характерной особенностью бонапартизма является поэтому подавление революции при сохранении тех ее преобразований, которые выгодны контрреволюционной буржуазии.

Обобщая исторический опыт буржуазных революций XVIII—XIX вв., анализируя неизбежные попытки контрреволюционной буржуазии подавить революцию, максимально ограничить демократические преобразования, В.И.Ленин показал, что бонапартизм является политическим выражением эволюции буржуазной монархии в условиях нарастающего освободительного движения трудящихся.

Легитимизм, как известно, был первой ступенью развития буржуазной монархии в период реставрации, орлеанисты — вторая ступень развития буржуазной монархии, вызванная к жизни июльской революцией, означавшей дальнейшее развитие буржуазно-демократических преобразований. Бонапартизм, следовательно, оказывается третьей и последней ступенью эволюции буржуазной монархии, обусловленной поражением революции 1848 г.

«Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибровать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке». Ликвидация этой последней формы эволюционирующей буржуазной монархии означала доведение до конца буржуазно-демократических преобразований во Франции.

Возвращаясь к раскрытому Марксом конфликту различных фракций крупной буржуазии, следует подчеркнуть, что уже в 1850 г. Маркс рассматривает этот конфликт ближайшую предпосылку бонапартистского дарственного переворота. В Учредительном собрании (Конституанта) бонапартисты не располагали большинством: большинство здесь принадлежало их противникам. Но зато исполнительная власть целиком находилась в распоряжении бонапартистской клики. Ни бонапартисты, ни враждебная им сторона не могли добиться политического господства на почве «мирной», конституционной борьбы. Обе стороны стремились к перевороту. Однако Конституанта, страшась народа, естественно, не могла стать на путь восстания против исполнительной власти и пыталась

осуществить переворот парламентскими средствами (отмена всеобщего избирательного права и т.п.). Бонапартисты, также опасаясь народного гнева и не имея в своем распоряжении парламента, естественно, могли совершить переворот лишь внепарламентским, но вместе с тем антинародным путем, т.е. через контрреволюционный заговор, опирающийся на армию и бюрократию. «Если президент и министры, — говорил Маркс, — толкали Конституанту на путь восстания, то, в свою очередь, Конституанта толкала их на путь государственного переворота, так как у них не было никакой законной возможности распустить ее».

Таким образом, бонапартизм — не случайность, а необходимый результат предшествовавшего хода событий, и основным средством бонапартистского переворота явилась, как показал Маркс, исполнительная власть—армия и бюрократия — важнейшие орудия буржуазной государственной машины. Если контрреволюционность буржуазии, во-первых, разгром пролетариата в июньские дни, во-вторых, ненависть крестьян к грабившей их буржуазной республике, в-третьих, способствовали успеху бонапартистского заговора, то материальной силой, которая его осуществила, была бюрократически-военная машина и прежде всего армия, полиция, чиновничество, находившиеся в руках бонапартистской буржуазии.

Бонапартистский переворот, против которого столь бурно, но вместе с тем лицемерно и бессильно протестовала либеральная буржуазия, вдруг объявившая себя непреклонной сторонницей республиканского режима, свидетельствовал о том, что буржуазная республика означает «политическую форму переворота буржуазного общества, а не сохраняющую его существование жизненную форму...»

Здесь Маркс говорит о кризисе буржуазного парламентаризма, порожденном развитием революционных событий. В условиях, когда буржуазия уже не может управлять парламентскими методами, единственной опорой ее диктатуры оказывается прямое насилие, осуществляемое соответствующими военными и бюрократическими средствами. Именно кризис парламентаризма в условиях революции вынудил контрреволюционную буржуазию прибегнуть к государственному перевороту.

Контрреволюционная бонапартистская буржуазия разогнала парламент, поскольку он не соответствовал ее фракционным интересам, несмотря на то, что этот парламент был вполне буржуазным и вполне контрреволюционным. Буржуазия не колебалась в применении контрреволюционного насилия против парламента.

Разогнав парламент, она показала, что главным орудием ее политического господства является не парламент, не представительные учреждения какого бы то ни было типа, а бюрократически-военный государственный аппарат. В противоположность контрреволюционной, антидемократической буржуазии пролетариат и непролетарские трудящиеся массы отстаивают буржуазно-демократические права и свободы, несмотря на всю их ограниченность. В своей борьбе против буржуазии пролетариат опирается на завоевания буржуазной

демократии, использует буржуазную демократию, в том числе и парламентские учреждения, в своих интересах. Этот основной факт всячески маскируют буржуазные идеологи, изображающие контрреволюционную буржуазию сторонницей демократии, а революционный пролетариат — ее противником. Современная эпоха, когда империалистическая буржуазия повсеместно подавляет демократические права, завоеванные трудящимися, полностью подтверждает эти положения Маркса, высказанные свыше ста лет тому назад.

Характеризуя кризис буржуазного парламентаризма и обусловленную последним борьбу либеральной буржуазии против демократии, в частности против всеобщего избирательного права, Маркс говорит: «Буржуазия правильно поняла, что все виды оружия, выкованные ею против феодализма, обращались против нее самой...»

Но имел ли место кризис парламентаризма в 40–50-х годах прошлого века, когда капитализм развивался по восходящей линии и буржуазия утверждала свое господство в ходе завершения буржуазно-демократических преобразований?

Приведенные выше положения Маркса говорят о неизбежности кризиса парламентаризма в условиях революции. Маркс связывает этот кризис с развитием основных антагонистических противоречий между классами после июньских дней 1848 г. буржуазия неизбежно пришла к ликвидации всеобщего избирательного права, поскольку в этот период оно уже подрывало ее политическое господство. В «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» и в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс доказал, что в ходе развития буржуазного общества существование парламентской республики и политическое господство буржуазии оказываются в глубочайшем противоречии друг с другом. Само собой разумеется (как было показано выше), что признание такого рода противоречий не имеет ничего общего с отрицанием буржуазного характера парламентской республики. Маркс прямо указывает, разоблачая тем самым иллюзии примитивного, мелкобуржуазного республиканизма, что «именно интересы буржуазии, материальные условия ее классового господства и классовой эксплуатации, составляют содержание буржуазной республики». Поэтому в условиях XX в. в Западной Европе кризис буржуазного парламентаризма мог быть лишь временным явлением, вызванным обострением борьбы классов в процессе буржуазной революции.

Однако Маркс, как известно, не ограничился этим выводом относительно кризиса буржуазного парламентаризма в условиях революции 1848 г. Маркс поставил вопрос о неизбежности кризиса буржуазного парламентаризма в ходе пролетарской революции. «Но революция основательна, — писал Маркс. — Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2 декабря 1851 г. она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она довела до совершенства парламентскую власть, чтобы иметь возможность

ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения».

Пролетарская революция в эпоху Маркса и Энгельса не была еще прямой практической неизбежностью. Полное и всестороннее развитие, конкретизацию и уточнение это положение марксизма получило в трудах В.И.Ленина, в решениях КПСС и братских коммунистических и рабочих партий. Ленинизм доказал, что вплоть до наступления империализма буржуазный парламентаризм, буржуазная демократия являются характерными политическими чертами капиталистической надстройки. Империализм есть реакция по всей линии, политика империалистов представляет собой наступление на демократию. В силу этого кризис буржуазного парламентаризма становится закономерным явлением, поскольку реакционные силы стремятся ликвидировать остатки буржуазной демократии и установить открытую террористическую диктатуру.

В тех условиях, когда буржуазия поворачивает от демократии к политической реакции, перед пролетариатом встает во весь рост задача революционного слома буржуазной государственной машины.

Подытоживая изложение положений Маркса и Энгельса о реакционной сущности буржуазной государственной машины, можно сказать, что эти положения были сформулированы основоположниками марксизма на основе глубочайшего научного анализа причин поражения революций 1848 г. В этой связи Маркс пришел к гениальному открытию объективной необходимости слома буржуазной государственной машины: рабочий класс не может воспользоваться буржуазной государственной машиной для своих собственных целей, он должен ее разбить, сломать, Маркс писал в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Все перевороты усовершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания как главную добычу при своей победе».

В.И.Ленин, цитируя это гениальное положение, следующим образом оценивает его место в развитии марксистской науки о государстве: «В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве».

Само собой разумеется, что это главное, основное в марксистском учении о государстве было сформулировано Марксом не в качестве какого-то благого пожелания, а как объективная историческая

закономерность. Констатируя, что буржуазные революции укрепляли, совершенствовали государственную машину эксплуататорских классов, Маркс не собирается противопоставлять этому бесспорному историческому факту субъективистскую точку зрения абстрактного должностования. Диалектический материализм враждебен всякому субъективизму. Задачу разрушения буржуазной государственной машины Маркс формулирует как объективную тенденцию исторического процесса.

В период, предшествовавший революциям 1848 г., основоположники марксизма вскрыли сущность государства, доказали необходимость уничтожения диктатуры буржуазии и установления диктатуры пролетариата. Однако Маркс и Энгельс не ставили еще тогда вопроса об отношении пролетариата к государственному аппарату диктатуры капитала. Они ограничивались лишь принципиальной постановкой вопроса о необходимости свержения политического господства буржуазии Характеризуя «Манифест Коммунистической партии», Ленин говорит: «Здесь не ставится вопрос о том, какова же должна — с точки зрения исторического развития — быть эта смена буржуазного государства пролетарским».

На первый взгляд кажется, что решение вопроса о характере смены буржуазного государства пролетарским чисто логически вытекает из основного содержания пролетарской революции: раз ликвидируется старая, эксплуататорская власть, следовательно, уничтожается и соответствующая ей государственная форма. Однако Маркс и Энгельс, как подлинники диалектики, никогда не занимались умозрительным выводением политических задач пролетариата. Основоположники марксизма всегда осуждали такого рода логические конструкции, не опирающиеся на реальный исторический опыт. Маркс и Энгельс считали, что формулирование классовых задач пролетариата должно быть результатом всестороннего исторического исследования общественной жизни во всей ее противоречивости. Таким образом, лишь исторический опыт буржуазно-демократических революций привел Маркса и Энгельса к выводу, что победа пролетарской революции и завоевание власти пролетариатом необходимо предполагает слом, уничтожение буржуазной государственной машины, т.е. той государственной формы, через которую буржуазия осуществляет свое политическое господство. «Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи», — писал В.И.Ленин, характеризуя исторические корни великого открытия Маркса.

В.И.Ленин говорил, что единственная поправка, которую Маркс и Энгельс сочли необходимым внести в «Манифест Коммунистической партии», заключалась в следующем: пролетариат не может просто захватить государственную власть, он должен сломать буржуазную государственную машину. Это указание Ленина наглядно свидетельствует о том, какое значение сами основоположники марксизма придавали своему теоретическому положению о необходимости слома буржуазной государственной машины. А между тем Маркс и Энгельс жили в эпоху, когда вопрос о слома буржуазной государственной машины еще не был

вопросом непосредственной политической практики. Но основоположники марксизма постоянно имели в виду будущность освободительного движения пролетариата, что непосредственно сказывалось в их практически-политической и теоретической работе.

Естественно, возникает вопрос, каким же образом опыт буржуазных революций дал фактическое основание для вывода, гениально предвосхищающего великую задачу пролетарской революции? Маркс и Энгельс теоретически обобщали исторический опыт буржуазных революций с позиций материалистической диалектики, теории развития. Если бы это обобщение сводилось к одной лишь эмпирической констатации тех фактов, которые уже имелись налицо, то Маркс и Энгельс вообще не смогли бы создать научного коммунизма, учения о диктатуре пролетариата, социалистической революции и т.д. Но все дело в том, что марксистское обобщение исторического опыта является теоретическим анализом процесса развития и, следовательно, научным предвидением его грядущих результатов. Главное в марксистском теоретическом обобщении – анализ фактов, тенденций, закономерностей процесса развития, выявление нового, пусть и не представляющего еще преобладающей силы, но зато указывающего направление последующего развития. Таким образом, гениальное положение Маркса о необходимости слома буржуазной государственной машины вскрывает объективную, существующую вне и независимо от воли и сознания людей закономерность социалистической революции. Этот важнейший вывод учения Маркса о государстве не является, вопреки утверждениям оппортунистов, случайным фрагментарным высказыванием, мимоходом брошенной фразой, а, напротив, представляет итог всего теоретического обобщения исторического опыта революционных событий 1848–1851 гг.

3. Обоснование Марксом и Энгельсом необходимости слома буржуазной государственной машины

В.И. Ленин подчеркивает конкретно-исторический подход Маркса к решению вопроса о необходимости слома буржуазной государственной машины: «Вопрос о государстве ставится конкретно: как исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазии государственная машина? каковы ее изменения, какова ее эволюция в ходе буржуазных революций перед лицом самостоятельных выступлений угнетенных классов? каковы задачи пролетариата по отношению к этой государственной машине?»

В свете указания В.И. Ленина становится понятно, что марксистское обоснование объективной закономерности слома буржуазной государственной машины складывается из следующих трех элементов: 1) исследование генезиса буржуазной государственной машины; 2) исследование ее развития в ходе буржуазных революций; 3) исследование путей уничтожения государственной формы диктатуры буржуазии. Однако прежде чем рассматривать все эти вопросы, остановимся кратко на самом содержании понятия «буржуазная государственная машина», употребляемого основоположниками марксизма.

Маркс и Энгельс учили, что всякое государство, не только буржуазное, но также и феодальное, и рабовладельческое, является машиной для подавления трудящихся. Всякое эксплуататорское государство предполагает наличие особой вооруженной силы, противостоящей населению, в противоположность родовой организации общества, где не было другой военной силы, кроме самого вооруженного народа. В этом смысле любое буржуазное государство всегда является машиной для подавления трудящихся капиталистами. Однако, разоблачая буржуазное государство, Маркс и Энгельс, начиная с 1852 г., обозначали понятием «буржуазная государственная машина» бюрократически-военный централизованный государственный аппарат буржуазного государства, который в середине прошлого века не во всех капиталистических странах существовал в развитом виде. Основовопложники марксизма указывали в 70-х годах XIX в. на отсутствие такой развитой бюрократически-военной государственной машины в Англии и США, хотя там, конечно, уже давно существовало буржуазное государство, являющееся орудием подавления эксплуатируемых. Характеризуя бюрократически-военный централизованный государственный аппарат, основоположники марксизма прежде всего ссылались на Францию. Именно потому, что во Франции борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца, здесь и получила свое классическое выражение буржуазная государственная машина как бюрократически-военный централизованный аппарат власти капиталистов.

Маркс и Энгельс постоянно отмечали, что все составные элементы буржуазного государства служат эксплуатации и угнетению трудящихся. Основовопложники марксизма разоблачали буржуазный парламентаризм и, в частности, «парламентский кретинизм», разъясняя трудящимся, что парламент представляет народ лишь в том отношении, что дает ему возможность решать, кто из деятелей угнетающего господствующего класса будет его представлять и угнетать. В «Восемнадцатом, брюмера Луи Бонапарта» Маркс до конца разоблачает «узурпаторскую власть парламента над народом...». Однако одной этой власти, указывает Маркс, совершенно недостаточно для диктатуры буржуазии, которая не может существовать и функционировать без насилия, без полиции, армии и бюрократии, что, как известно, вытекает из самой сущности государства, которое является диктатурой определенного класса.

Поэтому главным, определяющим в буржуазной государственной машине является исполнительная власть с постоянной, противостоящей народу армией и бюрократическим аппаратом. «Эта исполнительная власть, – указывает Маркс, – с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сеть тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять».

Разъясняя положения Маркса относительно исторического генезиса и бюрократически-военного характера централизованной государственной власти буржуазии, В.И. Ленин говорит: «Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия».

Нетрудно понять, что важнейшей, хотя и не единственной предпосылкой возникновения буржуазной государственной машины является развитие капиталистического экономического уклада в недрах феодального строя, кризис феодальной системы хозяйства, первоначальное накопление капитала и т.п. Маркс и Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» вскрыли экономическую основу централизованной государственной власти буржуазии. Характеризуя исторический процесс утверждения капиталистических отношений и связанную с ним ликвидацию местной феодальной замкнутости и обособленности, основоположники марксизма указывали, что буржуазия централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках, необходимым следствием чего явилась политическая централизация. «Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей» Развитие бюрократически-военной централизации в условиях разлагающегося феодализма тормозилось, как видно из истории Франции XVII—XVIII вв., всякого рода поместными и дворянскими привилегиями, местными привилегиями, городскими и цеховыми монополиями, провинциальными уложениями и другими специфическими особенностями феодального строя. Первая французская буржуазная революция, ликвидировав помещичье землевладение, подорвала тем самым и политическое господство поземельных собственников, которое по самой природе своей, даже при наличии централизованного государства предполагает значительный объем и самостоятельность власти помещиков в их владениях. Этот политический сепаратизм земельных собственников вытекает из самой природы феодального строя и сохраняется в значительной мере и в тех феодальных государствах, где давно уже ликвидирована политическая раздробленность. Вместе с помещичьим и церковным землевладением революция уничтожила самостоятельность всех этих сепаратных, локальных, территориальных, городских и провинциальных властей. Таким образом, все то, что при феодализме было принадлежностью множества более или менее независимых друг от друга властей, стало атрибутом единой бюрократически-военной централизованной и теперь уже буржуазной по своему характеру государственной власти.

Маркс разъясняет, что этот паразитический аппарат буржуазной государственности присвоил себе все то, что раньше составляло сеньериальные привилегии крупнейших феодальных собственников,

синекуры феодальных сановников и т.п. Следовательно, буржуазная революция не уничтожила, а, напротив, усилила бюрократически-военный характер той государственной централизации, которая только и возможна в условиях эксплуататорского общества. «Наполеон завершил эту государственную машину... Всякий общий (gemensatne) интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, всеобщий (agemenes) интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, — начиная от моста школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами Франции. Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить вместе с мерами репрессии средства и централизацию правительственной власти».

Маркс с исчерпывающей глубиной разъясняет: 1) почему буржуазные революции сохраняют и укрепляют бюрократически-военную государственную централизацию, возникающую еще в недрах феодализма; 2) почему буржуазия лишь в бюрократически-военной, т.е. в наиболее грубой и низкой, по словам Маркса, форме централизует свою государственную власть.

Французская буржуазная революция конца XVIII в. вызвала образование громадной массы независимых друг от друга собственников-крестьян. Этот экономический результат революции 1789 г. (парцелляция) способствовал развитию и усилению бюрократически-военного централизованного государственного аппарата. Крестьяне, как разъясняет Маркс, «неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или конвента. Они не могут представлять себе, что их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, стоящим над ними авторитетом, в виде неограниченной правительственной власти, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние мелкого крестьянства в последнем счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество».

Следует иметь в виду, что в данном случае речь идет о том крестьянстве, которое вышло из недр буржуазной революции и, получив помещичью землю, оставалось резервом либеральной буржуазии, поскольку развитие капитализма еще не успело привести к резкой классовой дифференциации. Именно это крестьянство Маркс рассматривал как одну из опор бонапартизма, указывая, что в дальнейшем разоряемые капитализмом крестьянские массы станут во враждебные отношения к буржуазной государственной машине.

Вышеприведенные положения говорят о внутренней связи между ликвидацией помещичьего землевладения, парцелляцией земельной собственности и дальнейшим развитием, укреплением бюрократически-военной централизованной государственной машины капитализма.

Следующим существенным моментом, характеризующим укрепление в ходе буржуазных революций бюрократически-военного государственного аппарата, является развитие классовой борьбы, достигающей высшего напряжения именно в период революции. И в этом отношении французская революция 1789 г. является образцом для других буржуазных революций.

Буржуазные революции свержают феодальные порядки руками трудящихся масс. Буржуазия не может подавить, подчинить себе массы, которые в период революции являются фактическими хозяевами положения (обычно не сознавая этого), не укрепляя, не усиливая находящихся в ее распоряжении бюрократии и военщины. В ходе буржуазной революции буржуазия закономерно встает на путь контрреволюции и противопоставляет трудящимся бюрократически-военную государственную машину как главное орудие контрреволюции. Маркс и Энгельс гениально раскрывают диалектику буржуазных революций, которые укрепляют контрреволюцию, усиливая враждебный народу бюрократически-военный государственный аппарат. Но и покончив с революцией, ликвидировав революционный подъем, буржуазия продолжает укреплять свою государственную машину, что необходимо ей для подавления освободительного движения пролетариата, который объединяет и сплачивает громадные массы трудящихся в национальном масштабе.

Вскрыв бюрократически-военный характер государственной централизации при капитализме, Маркс и Энгельс пришли к выводу о необходимости государственной централизации на новой экономической и политической основе. Маркс и Энгельс (вопреки утверждениям многих буржуазных «критиков» марксизма) выступали не против централизации вообще, а против капиталистической, военно-бюрократической централизации. Это в корне отличает теорию Маркса и Энгельса от всякого рода либеральных концепций, пытавшихся ограничить «вмешательство» государства в хозяйственную жизнь, а также от анархистского нигилистического отрицания значения государства в какой бы то ни было форме.

Уже упоминавшийся в первой главе современник Маркса и Энгельса либеральный буржуа, сторонник конституционной монархии А.Токвиль настойчиво критиковал государственную централизацию. Идеалом Токвиля была конституционная монархия, которая, как он утверждал, максимально ограничивает вмешательство правительства в хозяйственную жизнь или, говоря иначе, не, ограничивает никакими законами свободу капиталистического предпринимательства. Эти буржуазные жалобы на «чрезмерную» государственную централизацию показывают, что Токвиль совершенно не подозревал, что «материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины».

Мелкобуржуазная критика централизованного буржуазного государства наиболее ярким примером которой является анархизм, также

игнорирует классовую природу той централизации, которая характеризует буржуазное государство. Анархизм противопоставляет ей не централизацию, основанную на уничтожении буржуазной государственной машины, а децентрализацию, федерализм, мечтая о создании царства мелких собственников путем вытеснения крупного капиталистического хозяйства. Такова точка зрения Прудона, Кропоткина, Реклю и других анархистов. П.Кропоткин, например, утверждал, что народ «хочет автономии провинций, коммун, рабочих союзов, основанных на взаимном добровольном соглашении, а не на предписанных властью законах». Кропоткин противопоставляет закон интересам трудящихся, не понимая, что закон выражает волю господствующего класса, а в условиях социализма — волю трудящихся. Это утопически-реакционная критика бюрократически-военной централизации. Угнетательский характер буржуазного государства анархизм видит не в диктатуре буржуазии, не в бюрократически-военной организации государственной власти а в самом факте централизации, в существовании государства вообще. Анархизм, следовательно, считает всякую централизацию бюрократически-военной, всякое государство — угнетательским. Все различия между государствами анархизм сводит лишь к формам правления, объявляя несущественными различия между ними.

«Называйте государство империей, монархией, республикой, демократией или общиной,— дело от этого не изменится», — утверждал Прудон, не подозревая, что различие между монархией и республикой меньше всего характеризует классовую природу государства, что дело не в форме правления, а в том, кто, какой класс правит. Противопоставляя государству федерацию самоуправляющихся «анархических» общин, анархисты тем самым демонстрировали свою реакционность, прикрытую бессодержательными декларациями о том, что «только Истина и Право могут служить основаниями порядка...» Доказывая, что централизация, противоречит «истине и праву», анархисты разоблачали себя как идеалистов и сторонников отсталых, изжитых историей общественных отношений.

Маркс и Энгельс подвергли действительно революционной критике бюрократически-военную государственную машину и доказали, что с уничтожением капитализма устанавливается новая, полностью соответствующая интересам развития производительных сил форма государственной централизации — диктатура рабочего класса. Разъясняя, что марксисты являются сторонниками политической централизации, Маркс писал: «Слом государственной машины не подвергает никакой опасности централизацию. Бюрократия есть только низшая и грубая форма централизации, которая еще обременена своей противоположностью, феодализмом».

Известно, что ревизионисты, извращая учение Маркса, отождествляли революционную идею слома буржуазной государственной машины с анархистским отрицанием централизма. Раболепствуя перед буржуазным государством» они утверждали, что его уничтожение

равносильно ликвидации централизации общественной жизни Бернштейн, например, прямо приписывал Марксу прудонизм и на этом основании, т.е. без всякого основания объявлял о наличии в марксизме «немарксистских» элементов. В.И. Ленин писал: «Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти — паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины».

Развивая положения Маркса и Энгельса, В.И. Ленин учит, что социалистическая революция, Советская власть по-новому централизуют общественную жизнь, объединяя в борьбе за коммунизм трудящиеся массы, привлекая их к прямому и непосредственному участию в строительстве нового государственного аппарата, развивая их творческую самодеятельность и инициативу.

Необходимость централизации в обществе, материально-технической основой которого является крупная промышленность, вызывается интересами развития производительных сил, потребностями общественного производства. Если военно-бюрократически централизованный государственный аппарат обусловлен капиталистическим базисом, то советский государственный демократически-централизованный Аппарат порождается экономической основой социализма — общественной собственностью на средства производства и социалистической системой хозяйства.

Энгельс в статье «Об авторитете», разоблачающей анархистское отрицание всякой централизации, наглядно показал, что развитие господства человека над природой, овладение стихийными силами природы требует, в свою очередь, единства воли в организации общественного производства, подчинения всех участников общественного производства единой задаче, единому плану, социализм, говорил впоследствии В.И. Ленин, «требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен тысяч и десятков тысяч людей... Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного».

Оппортунисты II Интернационала, отвергая положение о необходимости слома буржуазной государственной машины, всячески тщились доказать, что результатом такого слома была бы социальная дезорганизация, анархия и т.п. В.И. Ленин в своем труде «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» полностью разоблачил контрреволюционный страх перед революцией. В этой работе, написанной накануне Октября, Ленин показал, что бюрократически-военная государственная машина российской буржуазии абсолютно неспособна решить жизненно важные задачи преодоления разрухи и голода. Только слом враждебной трудящимся буржуазной государственной машины, сковывающей их инициативу и самодеятельность, и создание нового Государственного аппарата, способного опереться на

народные массы, действительно приведет к победе над голодом, разрухой и экономической отсталостью.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть?» В.И. Ленин, творчески развивая марксизм, доказал, что партия пролетариата после свержения буржуазии сможет удержать государственную власть лишь в том случае, если она сломает буржуазный государственный аппарат и поставит на его место новый. Эта задача была решена советским народом под руководством Коммунистической партии Советского Союза.

Маркс и Энгельс учили, что слом буржуазной государственной машины означает революционную ликвидацию бюрократии, полиции и старой постоянной армии эксплуататорских классов, ликвидацию всех составных элементов диктатуры капитала, в том числе и буржуазного парламентаризма.

Ленин, его ученики и соратники развили и конкретизировали положения Маркса и Энгельса о путях революционного слома буржуазной государственной машины. Они не только установили характер и объем этой исторической задачи, но и конкретно показали отношение пролетарской революции к различным элементам бюрократически-военного аппарата буржуазии.

Маркс, указывая в 1852 г. на необходимость слома буржуазной государственной машины, не предвещал тогда еще вопроса о том, чем, какой новой формой государства она будет заменена. Исторический опыт не позволял еще определить, какова будет государственная форма диктатуры пролетариата, чем она будет отличаться от парламентской республики. Маркс, как подчеркивал В.И. Ленин, был решительным противником логического конструирования будущих политических форм. В.И. Ленин указывал: «До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, чем заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году».

Как известно, Маркс и Энгельс поставили вопрос, чем заменить подлежащую уничтожению государственную машину эксплуататорского класса, лишь на основании опыта Парижской Коммуны, который был подытожен Марксом в труде «Гражданская война во Франции». Маркс показал, что парижские коммунары сделали первую в истории попытку создания нового типа государства с соответствующим ему новым государственным аппаратом. Из опыта Парижской Коммуны Маркс и Энгельс сделали вывод, что искомая государственная форма пролетарской диктатуры отныне найдена: диктатура пролетариата должна быть государством типа Парижской Коммуны. Однако кратковременность существования Парижской Коммуны, ее непоследовательность в осуществлении задач пролетарской революции не давали достаточного фактического материала для того, чтобы полностью решить вопрос об отличии государственной формы диктатуры

пролетариата от демократической парламентской республики. Поэтому положение Маркса о специфической государственной форме диктатуры пролетариата не получило дальнейшего развития в период домонополистического капитализма.

В 1891 г. Ф.Энгельс характеризовал государственную форму диктатуры пролетариата как демократическую республику. Он писал: «Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут придти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже Великая французская революция».

Деятели II Интернационала оппортунистически истолковывали это положение Энгельса, как «исправление» формулы Маркса о сломе буржуазной государственной машины. Каутский и другие пособники империалистической буржуазии пытались доказать, что рабочий класс может завоевать власть в рамках буржуазно-демократической республики, которая якобы исключает господство одного класса над другим. Между тем Энгельс, говоря о демократической республике как государственной форме диктатуры пролетариата, имел в виду, конечно, не буржуазную республику, в которой господствуют капиталисты. Энгельс писал Лафаргу в 1894 г.: «Республика по отношению к пролетариату отличается от монархии только тем, что она является готовой политической формой для его будущего господства... Но республика, как всякая другая форма правления, определяется по своему содержанию; пока она является формой буржуазной демократии, она так же враждебна нам, как любая монархия (если отвлечься от форм проявления этой враждебности). Таким образом, принимать ее за форму по существу социалистическую или доверять ей, пока она во власти буржуазии, социалистические задачи — является совершенно необоснованной иллюзией».

Известно, что Ленин вплоть до 1917 г. так же, как и Энгельс, ограничивался указанием на демократическую республику как государственную форму диктатуры пролетариата, поскольку не было новых исторических данных для изменения теоретической постановки этого вопроса. Так, например, в 1915 г. Ленин писал: «Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свергая буржуазию, будет демократическая республика...»

Опыт революционного творчества русского народа » 1905 и особенно в 1917 г. явился основой для дальнейшего развития учения марксизма по данному вопросу. Советы впервые появившиеся в первой русской революции, были зародышем новой государственной формы диктатуры пролетариата. Не парламентская республика, указывал В.И.Ленин в 1917 г., а власть Советов по всей стране — таковым должно быть пролетарское государство. Характеризуя Советскую власть как высший тип государства, в корне отличный от всех предшествующих, В.И.Ленин показал, что только в Советах впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосо-

ваниях и выборах, но и в повседневном управлении. Ленин подчеркивал, что в жизни народов бывали моменты, когда государственная власть переходила к трудящимся, но они не могли ее удержать, ибо у них не было достаточно сильных политических организаций, способных быть как органом восстания в период революции, так и государственной властью в пореволюционное время. Такими политическими организациями стали Советы.

Ссылаясь на данную Марксом и Энгельсом оценку Парижской Коммуны, В.И.Ленин накануне пролетарской революции в России сформулировал задачу уничтожения буржуазного парламентаризма при сохранении представительных учреждений, в корне изменяющих благодаря диктатуре пролетариата свое социальное содержание и назначение. Советская власть представляет собой высшую форму демократии, поскольку она и только она обеспечивает неуклонное привлечение всей массы трудящихся к строительству новой, социалистической жизни. Руководящей и направляющей силой Советского государства является Коммунистическая партия. Под ее руководством советские люди решительно преодолевают элементы бюрократизма, являющиеся в условиях советского строя пережитками капитализма. Громадная сила, организующая и мобилизующая роль нового, советского государственного аппарата ярко проявляется в сознательном использовании экономических законов социализма, в организации миллионов трудящихся на выполнение государственного плана, в развитии коммунистических методов труда, в организационно-хозяйственной и культурно-воспитательной деятельности и т.д.

Маркс и Энгельс, исходя из опыта революций 1848 г. и особенно из опыта Парижской Коммуны, выдвинули задачу ликвидации постоянной кастовой армии как неотъемлемого элемента бюрократически-военной государственной машины буржуазии. Постоянной армии основоположники марксизма противопоставляли всеобщее вооружение народа, значение чего ярко обнаружилось еще в буржуазных революциях, когда вооруженный народ находился на страже демократических завоеваний. В ходе революций постоянная армия, неразрывно связанная с реакционными классами, полностью выявила свою враждебность революционному делу. При этом обнаружилось также, что старая армия по своей боеспособности уступает вооруженному народу, несмотря на недостаточную его организованность и обученность.

Маркс и Энгельс решали вопрос ликвидации постоянной армии, исходя из возможности победы социализма одновременно во всех или в большинстве стран мира и имея в виду прежде всего задачи подавления контрреволюции внутри страны. Главное в этой постановке вопроса - разоружение эксплуататорских классов, вооружение угнетенных и эксплуатируемых — сохранило все свое принципиальное значение и в новых исторических условиях — в эпоху империализма и пролетарских революций. Столь же незыблемым является обоснованное Марксом и Энгельсом положение о необходимости ликвидации старой антинародной армии, являющейся неотъемлемым элементом буржуазной

государственной машины. Однако новые исторические условия эпохи империализма и пролетарских революций, обуславливающие возможность и необходимость победы пролетарской революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране, естественно, поставили на повестку дня вопрос о создании качественно новых, в корне отличных от буржуазной армии, вооруженных сил диктатуры рабочего класса. Необходимость этой принципиально новой, социалистической, кадровой армии диктовалась также громадным развитием и непрерывным совершенствованием военной техники, овладение которой требует наличия кадровой армии, профессионально обученных военных специалистов, постоянно занятых изучением искусства ведения современной войны.

Известно, что в дооктябрьский период В.И. Ленин и большевистская партия еще не ставили вопроса о создании кадровой социалистической армии. Исторический опыт не давал в то время достаточных оснований для такой постановки вопроса. В дооктябрьский период в центре внимания большевистской партии стояла задача разрушения старой армии. Соответственно этому Ленин писал, что большевистская партия «поддерживает все требования сознательных матросов и солдат, добиваясь замены постоянной армии всеобщим вооружением народа».

В период проведения Великой Октябрьской социалистической революции, когда практически решалась задача ликвидации старой, царской армии, а вооруженный пролетариат, поддерживаемый солдатскими массами старой армии, повсеместно устанавливал свою власть, — в этот период Советская власть закономерно была связана со всеобщим вооружением трудящихся.

Однако после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда Советское государство вступило в борьбу против внутренней контрреволюции и интервенции четырнадцати империалистических держав, естественно, встал вопрос о создании регулярной армии, способной овладеть в совершенстве всей современной военной техникой и искусством ведения военных действий, способной постоянно охранять рубежи социалистического Отечества.

VIII съезд РКП(б) по-новому поставил вопрос о вооруженных силах пролетарского государства, указав на необходимость строительства постоянной армии рабочих и крестьян. Дальнейшим развитием решений VIII съезда был переход от территориально-милиционной к кадровой системе комплектования Советской Армии. Опыт Великой Отечественной войны полностью подтвердил правильность этих решений партии и Советского правительства, решений, основанных на дальнейшем развитии теории марксизма.

Марксизм враждебен всякому догматизму. Но, заменяя старые положения новыми, марксистско-ленинская наука руководствуется принципами марксизма, которые не могут быть отменены. Так обстоит дело и в данном случае. Принципиальный смысл положений Маркса и Энгельса заключается в том, что необходимо разоружить буржуазию в военном отношении и всемерно вооружить пролетариат, его государство.

В Советской республике существовавшей в условиях капиталистического окружения, противостоящей вооруженным до зубов империалистическим державам, решение вышеуказанной задачи могло быть осуществлено лишь путем создания регулярной, кадровой армии. Но кадровая армия Советского государства с самого начала принципиально отличалась от постоянной армии капиталистических держав. Это решающее качественное различие ярко проявилось как в период гражданской войны и военной интервенции, так и в период Великой Отечественной войны. Именно потому, что Советская Армия неразрывно связана с народом и является неотъемлемой его частью, именно потому, что ею руководит Коммунистическая партия, она успешно решала все задачи по защите интересов СССР. Советская Армия — армия социализма, проникнутая возвышенными и благородными освободительными идеалами, цементированная советским патриотизмом, показала всему миру замечательные морально-политические и боевые качества. Советская Армия, советский народ, его государство в союзе с народно-демократическими государствами и прогрессивными силами всего человечества стоят на страже мира, защищая великие принципы мира, демократии и социализма.

Разрушение буржуазной государственной машины включает в себя также ликвидацию буржуазного судостроительства и создание новых, соответствующих интересам трудящихся народных судов.

В «Разоблачениях о Кельнском процессе коммунистов» Маркс блестяще вскрыл угнетательский характер буржуазного суда, показав, что «суд присяжных есть сословный суд привилегированных классов, учрежденный для того, чтобы заполнить пробелы закона широтой буржуазной совести». Характеризуя буржуазную государственную машину, Маркс и Энгельс рассматривали буржуазный суд как неотъемлемый элемент этой машины, осуществляющий возведенную в закон волю господствующего класса.

Развивая положения Маркса и Энгельса, Ленин показал что социалистическая революция является необходимым условием для создания народного суда, которому принадлежит громадная роль в строительстве социалистического общества. «Пусть кричат, - говорил В.И. Ленин в 1918 г., - что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером, масс, авторитетом трудящихся, без формальностей».» Это-то и означает превращение суда из орудия эксплуатации в орудие социалистического строительства. В то время как карательные и разведывательные органы буржуазного государства направлены не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага буржуазии — против трудящихся, принципиально новые карательные органы пролетарского государства направлены против эксплуататорских классов, а после их уничтожения — против расхитителей социалистической собственности, шпионов и диверсантов, засылаемых в СССР империалистическими разведками.

Маркс и Энгельс рассчитывали на одновременную победу

пролетарской революции во всех или большинстве стран, что снимало бы с повестки дня вопросы, связанные с существованием стран капиталистического лагеря. В новых исторических, условиях, после победы Великой Октябрьской социалистической революции, В.И. Ленин, исходя из наличия капиталистического окружения, разработал вопрос о вооружении пролетарского государства, дабы оно не только в политическом и хозяйственном, но и в военном отношении могло обеспечить построение и последующее развитие социалистического общества. В борьбе против врагов пролетарской революции Советская власть уже в самом начале своего существования создала необходимые карательные органы революционного пролетариата. Характеризуя значение Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), В.И. Ленин говорил: «Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры...»

Таким образом, Ленин, его ученики и соратники опираясь на положение Маркса и Энгельса о сломе буржуазной государственной машины, развили и конкретизировали это положение и, обобщая новый исторический опыт, внесли в него некоторые необходимые коррективы.

Маркс и Энгельс, создавая свое учение в условиях до-монополистического капитализма, не ставили вопроса о необходимости слома буржуазной государственной машины во всех странах, ограничивая эту задачу странами европейского континента и исключая, следовательно, Англию и Америку. В 1871 г., в письме к Кугельману Маркс, подытоживая опыт Парижской Коммуны и подчеркивая, что Коммуна подтвердила сделанный им в 1852 г. вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины, писал: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, к именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских, па рижских товарищей».

Естественно возникает вопрос: почему Маркс и Энгельс в 70-х годах прошлого века допускали в некоторых случаях возможность установления диктатуры пролетариата без предварительного слома этой машины?

Ответ на этот вопрос заключается в констатации того факта, что в доимпериалистическую эпоху капиталистического развития некоторые капиталистические государства не обладали развитой бюрократически-военной централизованной государственной машиной. Англия и Америка в отличие от Франции не знали столь значительных революционных потрясений, столь большого напряжения классовых схваток в доимпериалистическую эпоху: Англия в 70-х годах все еще представляла из себя «мастерскую мира», превосходящую по своим конкурентным возможностям остальные капиталистические страны. Обладая уже в XX в. громадными колониальными богатствами, беспощадно эксплуатируя сотни миллионов населения колониальных стран, английская буржуазия смогла временно в условиях восходящей линии развития капитализма

подчинить себе рабочее движение, ограничить его тред-юнионистской борьбой, подкупив за счет колониальных сверхприбылей незначительную, но весьма влиятельную верхушку рабочего класса. Энгельс писал, что в Англии классовая борьба «была ожесточеннее в период развития крупной промышленности и затихла, как раз когда наступил период неоспоримого мирового промышленного господства Англии».

Отсутствие революционного подъема и прямой угрозы политическому господству буржуазии, ограбление колоний подавление национального движения в Ирландии и возможность осуществления либеральной политики по отношению к рабочему классу — все это замедляло развитие в Англии буржуазной бюрократически-военной государственной машины. Маркс и Энгельс неоднократно указывали на исторические особенности развития Англии и Америки в XIX в. Так, Энгельс писал об английском рабочем движении в 1889 г., тогда, когда оно, по его словам, находилось в лучшем положении, чем в предшествующий период: «Самое отвратительное здесь — это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «респектабельность». Социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные градации, из которых каждая в отдельности имеет свой «гонор» и проникнута врожденным ей чувством уважения к «лучшим» и «высшим», столь старо и столь устойчиво, что надувать массы для буржуазии не представляет большого труда».

В США в силу ряда особенностей их исторического развития для рабочего движения были характерны аналогичные черты. Говоря в 1892 г. о положении в США, Энгельс указывал, что «буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе... американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное, нечто не могущее быть превзойденным».

Таким образом, положение Маркса, территориально ограничивающее для 70-х годов XX в. задачу слома буржуазной государственной машины, прежде всего сводится к констатации фактов и к соответствующему выводу из них: там, где не получил значительного развития бюрократически-военный государственный аппарат, там перед революцией и не стоит задача уничтожения такового. Следовательно, ограничение, введенное Марксом, ничего общего не имеет с отрицанием необходимости пролетарской революции для некоторых капиталистических государств, что пытались приписать Марксу оппортунисты. Маркс лишь указывал на различные особенности пролетарской революции в разных странах в зависимости от того, получил ли в них значительное развитие военно-бюрократический централизованный государственный аппарат. При этом Маркс, как известно, не исключал возможности более или менее мирного развития социалистической революции в тех странах, где не получили значительного развития постоянная армия и кастовое чиновничество.

Выступая на митинге в Амстердаме, Маркс говорил: «Мы знаем, что приходится считаться с учреждениями, нравами и традициями отдельных стран; и мы не отрицаем, что существуют страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть я прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами».

Указывая на возможность при определенных конкретно-исторических условиях мирного развития социалистических преобразований, Маркс вместе с тем подчеркивал, что реакционная буржуазия добровольно не уступит своих позиций и попытается путем контрреволюционного насилия сорвать социалистические мероприятия, осуществляемые мирными средствами.

«Если бы, например, — писал Маркс, — в Англии и в Северо-Американских Соединенных Штатах большинство в парламенте или в конгрессе получил рабочий класс, то он мог бы на законном основании устранить стоящие на его пути законы и учреждения, да и то лишь в той мере, в какой это вызывается общественным развитием. И все-таки «мирное» движение превратилось бы в «насильственное», столкнувшись с сопротивлением заинтересованных в старом порядке, а если эти последние в результате насилия оказываются побежденными (как американское движение и французская революция), то они восстанут против «законного» насилия».

Буржуазные идеологи лживо утверждают, будто коммунисты всегда и всюду являются сторонниками насилия. В действительности, как показал еще Маркс, рабочий класс прибегает к революционному насилию постольку поскольку к этому его вынуждает буржуазия, действующая методами контрреволюционного насилия. Культ силы глубоко чужд рабочему классу и его коммунистическим партиям. Проповедью насилия, пропагандой культа силы в настоящее время, как известно, занимаются идеологи империалистической реакции. Так, например, значительная часть современных буржуазных философов и социологов, отвергая существование объективных закономерностей общественного развития, объявляет движущей силой истории насилие, применяемое «избранным», господствующим меньшинством общества по отношению к якобы инертной массе народа.

В трудах В.И.Ленина мы находим глубокий разбор положения Маркса, выдвинутого в 1871 г. в письме к Кугельману. В.И.Ленин показывает, что в 70-х годах XIX в. для Англии и США слом буржуазной государственной машины еще не являлся предварительным условием всякой народной революции. Однако в эпоху империализма в капиталистических государствах, в особенности таких крупнейших, как США, Англия, развивается и всячески укрепляется буржуазией бюрократически-военная государственная машина, несравненно более реакционная и паразитическая, чем та, которая имела место в домонополистическую эпоху.

«Теперь, — говорил В.И.Ленин, — в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И

Англия, и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является ломка, разрушение «готовой», (изготовленной там в 1914-1917 годах до «европейского», общеимпериалистского совершенства) «государственной машины»».

В.И.Ленин разъясняет, что империализм с характерной для него реакцией по всей линии отличается необыкновенным усилением бюрократически-военного аппарата, что прямо и непосредственно выражает природу загнивающего капитализма. Гигантский рост капиталистических монополий, возникновение государственно-монополистического капитала неизбежно ведут к дальнейшему усилению бюрократически-военной машины буржуазии. Поэтому В.И.Ленин подчеркивал: Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушении» государственной машины».

В.И.Ленин развил и конкретизировал положение Маркса о сломе буржуазной, государственной машины как предварительном условии всякой народной революции. Совершенно очевидно, что данное выражение Маркса имеет в виду не буржуазную революцию, поскольку буржуазная революция не разрушает, а, напротив, укрепляет бюрократически-военную государственную машину. Очевидно также и то, что имеется в виду не только социалистическая революция, поскольку «всякая народная революция» (даже с тем ограничением, что речь идет о революции в Западной Европе в период после Парижской Коммуны) не обязательно должна быть революцией социалистической. О какой же революции идет речь у Маркса? Оппортунисты из Интернационала, привыкшие метафизически противопоставлять буржуазную и социалистическую революции именно для того, чтобы ревизовать идею непрерывной революции, объявляли само понятие народной революции «обмолвкой» у Маркса. В действительности, как показал В.И.Ленин, в этом выражении Маркса заключалось глубокое содержание: «В Европе 1871-го года, — указывает В.И.Ленин, — на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование».

Таким образом, Ленин указывает, что в слове буржуазной государственной машины наряду с пролетариатом заинтересованы все трудящиеся, в особенности крестьянство. Именно поэтому задача слома буржуазной государственной машины, которая может быть полностью разрешена лишь в ходе пролетарской революции, исторически встает на повестку дня впервые как задача революционной демократии в ходе буржуазно-демократической революции, отличающейся определенно выраженной тенденцией к перерастанию в революцию социалистическую. Ленин прямо указывал, что задача слома буржуазной государственной машины в определенной своей части есть задача не только пролетарская, но вместе с тем революционно-демократическая. И это находится в полном согласии с известными положениями Маркса, высказанными в «Гражданской войне во Франции», а также в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта». В обоих этих произведениях Маркс показывает угнетательскую роль буржуазной государственной машины по отношению к трудящемуся крестьянству, ненависть последнего к этому паразитическому механизму. Развивая положения Маркса, Ленин пишет: «...говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (о них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871-м году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым».

Положение Маркса о предварительном условии всякой народной революции, несомненно, имеет в виду непрерывную революцию, которая на первом этапе своего развития представляет собой буржуазно-демократический переворот, а в дальнейшем становится пролетарской революцией. Развивая учение Маркса и Энгельса, В.И. Ленин создал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую. Он доказал, что гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции представляет собой зародыш диктатуры пролетариата. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в ходе непрерывной революции, благодаря слома буржуазной государственной машины, в результате социалистического переворота превращается в диктатуру рабочего класса. Так, основываясь на положениях Маркса и Энгельса, В.И. Ленин обогатил марксистское учение о путях революционного слома буржуазной государственной машины и создания нового государства, государства диктатуры пролетариата.

4. Дальнейшее развитие учения

о диктатуре пролетариата в письме К. Маркса к И. Вейдемейеру

Обосновывая необходимость революционного слома буржуазной государственной машины, Маркс и Энгельс развивали и конкретизировали основную идею научного коммунизма — идею

диктатуры пролетариата. Неудивительно поэтому, что замечательным итогом этих гениальных обобщений исторического опыта является знаменитое письмо Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г.

В письме к Вейдемейеру Маркс разоблачает К.Гейнцена и других буржуазных идеологов, которые, отрицая не только борьбу, но и самое существование классов, доказывает тем самым лишь то, что они «считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, крайним пределом истории...»

Констатируя вырождение буржуазной социально-политической мысли, Маркс осмеивает буржуазный страх перед признанием существования классов и классовой борьбы.

В прошлом, указывает Маркс, буржуазные мыслители отваживались признавать и описывать борьбу классов при всей их враждебности к эксплуатируемому и угнетенным. Так, Д.Рикардо, классический представитель интересов буржуазии и решительный противник пролетариата, на первой же странице своего труда «Начала политической экономии и податного обложения» утверждает, что продукт земли, производимый путем объединенного применения труда и капитала, «распределяется между тремя классами общества, а именно — между собственником земли, владельцем капитала, требующегося для ее обработки, и рабочими, трудом которых обрабатывается земля». Признание существования классов и даже борьбы между ними имеет место, как указывает Маркс, у Тьерри, Гизо и других буржуазных историков, весьма консервативных в политическом отношении. Тем не менее буржуазные мыслители последующего периода, решительно выступая против своих предшественников, обвиняют таких людей, как Милль, Сэй, Торренс, Уэкфильд, Мак-Кэллох, Уотли, Р.Джонс и др., в том, что они, признавая деление общества на классы и отмечая различные интересы разных классов, якобы разрывают тем самым общество на части и подстрекают к гражданской войне.

Такого рода обвинения выдвигал не только против Рикардо, но и против вышеуказанных буржуазных экономистов американский экономист Кэри, пытавшийся доказать, что рента, прибыль и заработная плата представляют собой условия ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма классов.

Подтверждая этими фактами вырождение буржуазной экономической и социологической мысли, превращение ее в сплошную апологетику капитализма, Маркс подчеркивает, что его учение никоим образом не сводится к признанию существования классов и даже борьбы между ними, хотя Гейнцен и подобные ему «невежественные олухи» именно признание борьбы классов считают наибольшим преступлением. «Буржуазные историки, — говорит Маркс, — задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов».

Маркс здесь не входит в разбор классовой ограниченности и научной неудовлетворительности буржуазных представлений о классах и классовой борьбе. Для него принципиально важно указать на главное и

решающее: само по себе признание классов и классовой борьбы вполне совместимо с буржуазной идеологией. Во всяком случае, как свидетельствует история, такое признание существования классов и классовой борьбы имеет место на определенных этапах развития этой идеологии. Увековечивая социальное неравенство, буржуазные ученые сплошь и рядом рассматривают классы как естественные различия между людьми. Признавая же борьбу между классами, идеологи буржуазии доказывают возможность и целесообразность примирения между ними. С их точки зрения богатые и бедные взаимно дополняют друг друга, каждая из сторон заинтересована в существовании своей противоположности. Поэтому признание борьбы классов" без признания непримиримости классовых противоположностей вполне укладывается в рамки буржуазного мировоззрения. Такая концепция вполне позволяет буржуазному идеологу извращать действительное происхождение, содержание, перспективы борьбы классов, рассматривая ее как нечто второстепенное и отнюдь не необходимое. Отсюда понятно, почему Маркс специально подчеркивает, что его учение принципиально отлично даже от того лучшего, чего достигла буржуазная экономическая и социологическая мысль и от чего она уже успела отказаться. Маркс говорит: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов».

Трудно представить себе более краткое и в то же время исчерпывающе точное определение сути научного социализма, его коренного отличия от всех предшествующих, в том числе и прогрессивных, социально-политических учений. Маркс указывает прежде всего на исторически преходящий характер классового деления общества. Впоследствии Маркс и Энгельс в ряде трудов исследовал» проблему происхождения, возникновения классов. Однако уже здесь в письме к Вейдемейеру, Маркс указывает на исторически преходящий характер условий существования классовых противоположностей — определенные фазы развития общественного производства, определенный уровень развития общественных производительных сил. Такая постановка вопроса в корне отличает научный социализм от буржуазных учений, выводящих происхождение тех или иных классов из завоевания одного народа другим, как это, в частности, было характерно для упоминаемых Марксом историков периода Реставрации во Франции.

Рассмотренное выше положение Маркса столь же решительно отличается от всякого рода мелкобуржуазных, анархистских, а также утопически-социалистических концепций, которые, протестуя против эксплуатации, ограничивались общими фразами, осуждающими эксплуатацию, но не выясняющими ее причин, ее исторической обусловленности.

Маркс рассматривает развитие общества как естественно-

исторический процесс, ввиду чего совершенно исключается утопическое, идеалистическое представление о классах как злополучном последствии некоего веками Продолжавшегося обмана, самообмана, забвения справедливости, завоевания, голого насилия и т.п. То обстоятельство, что эксплуатация человека человеком была на протяжении ряда исторических эпох повсеместным явлением, то, что в различные эпохи она, изменяя свою форму, сохраняется по существу, рассматривается Марксом как фундаментальный исторический факт, который не может быть объяснен какими-либо частными причинами и, следовательно, коренится в самой основе общественной жизни, в развитии материального производства.

Однако Маркс не ограничивается простой ссылкой на материальное производство. В то время как буржуазные экономисты доказывали, что разделение общества на противоположные классы вызывается потребностями производства вообще Маркс, отбрасывая метафизику буржуазной политической экономии, учит, что существование классов (и это принципиально отличает его от Смита и Рикардо, не говоря уже об их выродившихся последователях) обусловлено не производством вообще, а лишь «определенными историческими фазами развития производства». И именно потому, что существование классов имело в свое время историческое оправдание и даже было прогрессивным явлением, оно теряет свою необходимость на новой, более высокой ступени развития производства. Никакой обман, самообман, насилие и прочие средства не могут остановить исторического процесса, приводящего к необходимости уничтожения эксплуататорских классов.

В дальнейшем Маркс самым подробным образом исследует материальные предпосылки ликвидации классов в своем «Капитале». Таким образом, письмо к Вейдемейеру выступает в истории марксизма не только как подытожение предшествующего развития теории, но и как программа последующей исследовательской работы, особенно в области политической экономии, проблемы которой находились в центре внимания Маркса именно в период после революций 1848 г.

Во втором пункте письма к Вейдемейеру говорится о главном и решающем в учении марксизма — о диктатуре пролетариата. Борьба антагонистических классов ведет не к стиранию классовых противоположностей, а к уничтожению господства эксплуататоров, к установлению политического господства пролетариата.

Буржуазные и мелкобуржуазные теоретики, разглагольствующие о примирении классовых противоположностей, умалчивают о том, что речь идет о борьбе между политически господствующим, вооруженным до зубов эксплуатирующим классом и поработанным, обезоруженным, эксплуатируемым классом. О каком же примирении может идти в таком случае речь?

Примирение оказывается лишь лицемерной либеральной фразой, замазывающей факт политического господства эксплуататорского класса. Известно, что правые лидеры социалистических партий Западной Европы, проповедуя буржуазные идеи гармонии классов и отрицая тот очевидный

факт, что власть в капиталистическом обществе принадлежит буржуазии, сводят классовые противоположности к простому количественному различию между более имущими и менее имущими слоями населения, различило, которое, по их мнению, носит естественный и чуть ли не благодетельный характер. Ленинизм противопоставляет этим буржуазным концепциям положение Маркса и Энгельса о том, что борьба между трудом и капиталом закономерно ведет от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата.

Это основное положение марксизма, впервые сформулированное его основоположниками накануне революций 1848 г., было развито и конкретизировано Марксом и Энгельсом на опыте 1848–1851 гг.

В частности, опыт революций наглядно подтвердил положение Маркса и Энгельса о невозможности примирения классовых интересов буржуазии и пролетариата. Все лублановские утопические проекты были опровергнуты самой жизнью, и контрреволюционный террор буржуазии засвидетельствовал во всемирно-историческом масштабе, что диктатура буржуазии может быть заменена лишь диктатурой пролетариата. Соответственно этому Маркс указывал, что политическая борьба пролетариата объективно имеет своей главной задачей не завоевание отдельных политических прав, а установление классовой пролетарской диктатуры.

Третий пункт письма к Вейдемейеру является гениальной постановкой вопроса о переходном периоде от капитализма к социализму. Классическое, исчерпывающе ясное решение этого вопроса дано Марксом, как известно, в «Критике Готской программы», где указывается, что между капитализмом и социализмом лежит переходный период, период социалистического преобразования общественной жизни. Однако уже письмо к Вейдемейеру формулирует основную идею: лишь благодаря диктатуре пролетариата возможен переход от классового антагонистического общества к бесклассовому коммунистическому обществу. Диктатура пролетариата и есть политическая форма такого перехода. Правда, Маркс здесь не проводит различий между низшей и высшей фазами коммунизма, не говорит о длительности переходного периода, не характеризует еще диктатуры пролетариата как особой формы борьбы классов. Но с точки зрения принципиального противопоставления марксизма предшествующим буржуазным и мелкобуржуазным учениям в письме к Вейдемейеру раскрывается основное, решающее в научном коммунизме.

В период революций 1848 г. немало было мелкобуржуазных социалистов, полагавших, будто установление республиканского строя (буржуазная сущность которого при этом игнорировалась) создает политическую основу для ликвидации всякого угнетения и эксплуатации. Иллюзии наивного республиканизма полностью опровергаются формулой Маркса, решительно указывающей на историческую необходимость не только уничтожения диктатуры буржуазии, но и установления пролетарской диктатуры.

Опыт французской революции 1848 г. не только помог разоблачить

буржуазную сущность парламентской республики, но и показал, что ликвидация эксплуататорских классов отнюдь не является кратковременным революционным актом. Идея переходного периода как целой полосы революционного преобразования капиталистического общества в общество социалистическое была впервые сформулирована Марксом и Энгельсом на опыте 1848–1851 гг. Буржуазные революции 1848 г. свидетельствовали о длительности исторического процесса утверждения капитализма и завершения буржуазно-демократических преобразований. Если утверждение буржуазного общества, отличающегося от феодального лишь иным типом антагонистических производственных отношений, было результатом целой революционной эпохи, начавшейся во Франции в конце XVIII в. и продолжавшейся еще в середине следующего века, то утверждение принципиально нового, социалистического общества, в корне отличного от предшествующих ему антагонистических формаций, не может быть делом кратковременного революционного переворота.

Таким образом, исторические факты, на основе которых Маркс и Энгельс оценивали не только прошлую историю, но и будущее развитие общества, явились основой для теоретической постановки вопроса о переходном периоде. И вместе с тем недостаточность этих данных для решения вопроса о сущности социалистических преобразований объясняет, почему Маркс в письме к Вейдемейеру говорит о переходном периоде от капитализма к бесклассовому, коммунистическому обществу, не указывая на то, что переходный период завершается установлением социалистического общества, которое ликвидирует лишь эксплуататорские классы, а не классы вообще. В «Критике Готской программы» в этом отношении сделал новый шаг вперед, поскольку там переходный период определяется как период революционного преобразования капитализма в социализм, характеризуемый Марксом уже как первая, низшая стадия коммунизма.

В «Критике Готской программы» диктатура пролетариата рассматривается как политическая основа переходного периода. Впоследствии В.И. Ленин, его ученики и соратники доказали, что диктатура рабочего класса образует также политическую основу социалистического общества. Ныне это положение зафиксировано в Конституции СССР.

Великой научной заслугой В.И. Ленина является разработка теорий и тактики пролетарской революции и диктатуры пролетариата в особенности. Ленинизм раскрыл скобки в понятии «диктатура-пролетариата», сформулировав высший принцип диктатуры пролетариата – союз рабочего класса с трудящимся крестьянством под руководством рабочего класса. В.И. Ленин разработал учение, о диктатуре пролетариата как орудии пролетарской революции, открыл Советскую власть как государственную форму пролетарской диктатуры, исследовал основные стороны диктатуры рабочего класса, основные формы классовой борьбы в период, строительства социализма, показал роль Коммунистической партии и руководимых ею массовых организаций

трудящихся в осуществлении диктатуры рабочего класса.

Подводя итоги рассмотрению развития взглядов Маркса и Энгельса по вопросам государства, можно сказать, что опыт революций 1848 г. позволил основоположникам марксизма развить и конкретизировать то понимание государства вообще и диктатуры пролетариата в особенности, которое выдвигалось ими в предреволюционный период. Благодаря важнейшему теоретическому положению о необходимости слома буржуазной государственной машины не только была дана всесторонняя критика буржуазного государства, но и ближайшим образом определено существо диктатуры пролетариата, которая никоим образом не сводится поэтому к захвату власти и означает не только ликвидацию политического господства буржуазии, но и уничтожение бюрократически-военного аппарата, с помощью которого буржуазия подавляет трудящиеся массы. Конкретное решение вопроса об отношении пролетариата к вооруженным силам и бюрократии капиталистического государства явилось вместе с тем более точной характеристикой задач пролетарской революции и выяснением ее коренной противоположности революций буржуазной. Не ограничиваясь исследованием истории возникновения, формирования и совершенствования буржуазной государственной машины, Маркс и Энгельс вскрывают объективную неизбежность ее слома проистекающую в конечном счете из развития основных антагонистических противоречий капиталистического общества. Анализ бонапартизма как закономерной эволюции буржуазной монархии в условиях революционного подъема трудящихся масс и ожесточенных классовых схваток на политической арене приводит Маркса и Энгельса к теоретическим обобщениям, далеко выходящим за пределы этого частного вопроса, к обоснованию объективной неизбежности, а не просто целесообразности слома буржуазной государственной машины. Анализ отношения непролетарских трудящихся масс к паразитическому бюрократически-военному аппарату буржуазного государства дает возможность основоположникам марксизма вскрыть связь социалистических и демократических задач в решении вопроса о сломе этой государственной машины и, таким образом, с новой стороны осветить вопрос о резервах пролетарской революции.

Теоретическое и политическое значение всех этих положений Маркса и Энгельса раскрывается с особенной силой последующим развитием марксистской теории. В эпоху империализма, когда пролетарская революция стала непосредственной практической задачей освободительного движения рабочего класса капиталистических стран, В.И. Ленин, его ученики и соратники решительно высказались против оппортунистического извращения и отрицания важнейших положений Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, о сломе буржуазной государственной машины, об основном содержании и главной задаче социалистической революции. В противовес оппортунизму ленинизм доказал, что эти положения Маркса и Энгельса, о которых ревизионисты говорят как о случайно оброненных фразах, представляют собой главное, решающее в марксизме. В трудах Ленина всесторонне раскрывается глубочайшая связь положений Маркса и Энгельса о диктатуре

пролетариата, о сломе буржуазной государственной машины в ходе социалистической революции со всем содержанием учения основоположников марксизма, с материалистическим пониманием истории, с учением об объективных экономических законах возникновения, развития и гибели капиталистической общественной формации.

Но Ленин, как известно, не ограничился восстановлением идей Маркса и Энгельса, очищением их от оппортунистических извращений, разъяснением их величайшего теоретического и практически-политического значения. Ленинизм развил эти важнейшие положения Маркса и Энгельса на базе нового исторического опыта в цельную и стройную систему взглядов о диктатуре пролетариата как основном содержании социалистической революции и политической основе строительства коммунизма, о государственных формах диктатуры рабочего класса, о роли Коммунистической партии и других организаций трудящихся в системе диктатуры рабочего класса, о путях дальнейшего развития и укрепления социалистического государства.

ГЛАВА IV. БОРЬБА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ПРОТИВ ИДЕАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

О РОЛИ ИДЕЙ И РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

1. Опыт революций 1848 г. и вопрос о роли идей и роли исторических деятелей

Теоретически обобщая опыт революций 1848 г., развивая свое учение о революции и государстве, вскрывая объективные закономерности общественно-исторического процесса, Маркс и Энгельс вместе с тем развивали и обогащали философию марксизма — диалектический и исторический материализм. Важнейшим вопросом материалистического понимания истории, разработанным основоположниками марксизма на опыте революций 1848 г., как было показано выше, является вопрос о роли народных масс, освободительного движения трудящихся в развитии общества. В своем учении о революции Маркс и Энгельс исходят из признания решающего значения социального творчества и революционной инициативы угнетенных и эксплуатируемых масс. Разоблачая буржуазную государственную машину и обосновывая необходимость ее революционного слома, основоположники марксизма прежде всего вскрывают ее антинародный характер.

Подождивая события 1848—1851 гг., Маркс и Энгельс подвергают уничтожающей критике идеологов эксплуататорских классов, фальсифицирующих действительное содержание революций 1848 г. и роль народных масс в этих исторических событиях.

Рецензируя книгу Г.-Фр. Даумера «Религия нового века», Маркс беспощадно бичует либеральную, мещанскую пошлость, «для которой пролетарий является всегда каким-то деморализованным, пропадающим

оборванцем и которая довольно потирает руки при виде парижской июньской бойни 1848 г...» Революция, через которую прошла Германия, представлялась Даумеру следствием помрачения народного сознания и забвения немецким народом своих культурных и, особенно, религиозных традиций. Стремясь предупредить новую революцию, этот контрреволюционный буржуа объявлял, что немецкому народу не хватает лишь новой религии, основанной на культе природы, — религии, которая смогла бы окончательно утихомирить разбушевавшиеся страсти.

«Вся современная классовая борьба, — говорит Маркс, — представляется господину Даумеру только в виде борьбы «грубости» против «образования». Вместо того чтобы объяснить ее из исторических условий жизни этих классов, он находит причины ее в происках нескольких злонамеренных лиц, которые играют на низких инстинктах черни и натравливают ее на образованные сословия».

Обосновывая коренное положение исторического материализма о решающей роли народных масс в общественном развитии, Маркс и Энгельс, естественно, должны были выступить против идеалистических теорий, согласно которым ход человеческой истории определяется выдающимися историческими деятелями и теми идеями, которые владеют сознанием людей. Однако, подвергая критике идеалистические теории о роли идей и роли исторических деятелей, вскрывая действительную материальную основу и материальные движущие силы исторического процесса, Маркс и Энгельс вместе с тем решительно подчеркивали роль и значение сознания, указывая, что реакционные идеи тормозят общественный прогресс, и разоблачая тех исторических деятелей, которые стояли на пути революционного движения масс. Перед основоположниками марксизма стояла, таким образом, двуединая задача: бороться против абсолютизации роли идей и исторических деятелей, но вместе с тем вскрывать их действительную роль и значение. Известно, что в период революции разрешение назревшей задач материальной жизни общества невозможно без организующей, мобилизующей роли передовых идей, без борьбы против реакционных идей и реакционных деятелей.

Реакционные идеи, оказывавшие значительное влияние на массы в период революций 1848 г., сковывали их революционную активность, тормозили революционный подъем, способствовали победе контрреволюционных сил. В борьбе против этих идей Маркс и Энгельс развивали, конкретизировали материалистическое положение о роли идей в общественной жизни.

Разоблачая реакционных лидеров и выявляя действительную роль исторических деятелей, Маркс и Энгельс исходили из того, что в развитии общества и особенно в периоды революций решающая роль принадлежит массам, народу.

В 1848—1851 гг. реакция, как известно, утверждала, что причиной революции являются отдельные злонамеренные лица, преимущественно иностранцы, как заявлял прусский король. Буржуазные демократы, выступая против взглядов представителей реакции, отвергавших наличие

глубоких корней революции, доказывали, что причиной революционного взрыва была потребность в справедливом устройстве общества. Что же касается причин поражения революции, то здесь буржуазные демократы принимали теоретическую аргументацию своих противников, утверждая, что в этом виноваты отдельные личности. Эта ссылка на личности затушевывала связь, существовавшую между поражением революции и политической линией определенных социальных групп, классов, партий. Примером такого рода воззрений могут быть слова итальянского демократа Феличе Орсини о том, что «итальянцы проиграли свое дело из-за неспособности и взаимной вражды своих вождей».

Другой пример — «Манифест» так называемого европейского Центрального комитета (Мадзини, Ледрю-Роллен и др.), критикуя который Маркс говорил, что в нем проповедуется тот мещанский взгляд, что «революция потерпела крушение благодаря честолюбивому соперничеству отдельных вождей и непримиримому антагонизму мнений различных учителей народа».

Буржуазный характер революций 1848 г. с неизбежностью порождал идеалистические иллюзии, которые затушевывали классовые противоположности и тем самым способствовали подчинению трудящихся политике либеральной буржуазии. Немецкий либерал Бенсен утверждал, что «деспотизм уничтожает сам себя, поскольку он все более и более вступает в противоречие с духовной природой людей». Мелкобуржуазные демократы, которые вели за собой широкие массы, также видели в революции лишь конфликт между нравственным сознанием и действительностью. Идеалистическое понимание причин революции представлялось наиболее глубоким и возвышенным ее объяснением и оправданием.

Упомянутый выше Ф.Орсини утверждал, что сила революции в идее справедливости, которая объединяет все мыслящее, честное, независимо от каких бы то ни было социальных различий. С этой точки зрения «материальный интерес» оказывается чем-то низменным, ему противопоставляются нравственные принципы, о которых Орсини говорит: «не гибкие и материальные принципы, нет, но те принципы, которые всюду признаны, как таковые, всеми людьми и нациями, которые не меняются с переменой времени, стран и правительств; я разумею те принципы, которые являются вечными истинами, абсолютными, неизменными, не зависящими от чьего-либо каприза».

Такого рода идеалистические представления имели значительное распространение и в массах трудящихся, находившихся под определенным влиянием буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. Идея справедливости казалась им главной причиной исторического движения, а материальные, действительно определяющие это движение интересы и потребности рассматривались как нечто второстепенное. Критика идеалистических представлений была необходима для развития классового сознания пролетариата.

Таким образом, необходимость научной разработки вопроса о роли идей и роли личности в истории была обусловлена теми практическими

задачами, которые стояли перед Марксом и Энгельсом во время революционной борьбы масс в 1848-1851 гг. И вместе с тем разработка этих коренных социологических вопросов являлась продолжением той идейной борьбы, которую вели Маркс и Энгельс накануне революций 1848 г., в период формирования своих взглядов.

Вся домарксистская социология, идеалистическая по-своему характеру, игнорировала, недооценивала или прямо отрицала определяющее значение материального производства, решающую роль народных масс в истории. Домарксовские социологи, одни в большей мере, другие в меньшей, считали движущей силой человеческой истории идеи, мнения, волю людей, в особенности же выдающихся; людей, желания и деятельность которых сплошь и рядом рассматривались как главная причина исторических преобразований. Вопросы социологии в подавляющем большинстве случаев сводились к вопросу о роли идей, о роли исторических деятелей в общественной жизни. Если буржуазные социологи и указывали на другие «факторы» человеческой истории, то они оценивали их как второстепенные.

Это относится и к тем представителям домарксистской: социологии, которых ошибочно именуют «географическими материалистами». Последние, как известно, не были материалистами в понимании общественной жизни; их положение о решающем значении географических условий отнюдь не вело к материалистическому пониманию истории; они также считали определяющими силами истории, темперамент, разум людей, указывая прежде всего на выдающихся исторических деятелей.

Правда, отдельные, наиболее выдающиеся мыслители домарксистской эпохи иногда указывали на значение материальных потребностей в ходе общественного прогресса, на выдающуюся роль народа, трудящихся в истории человечества. Так, например, Н.Г.Чернышевский и другие представители революционно-демократической мысли в России и других странах решительно разоблачали реакционное идеалистическое возвышение отдельной личности, противопоставляя этому ненаучному воззрению глубокое понимание роли исторической личности в ее неразрывной связи с народом. Однако и революционные демократы оставались на позициях идеалистического понимания истории, разделяя, хотя и в меньшей мере по сравнению со своими предшественниками, свойственные им заблуждения. Осуществляя великий революционный переворот в философии, достраивая материализм доверху путем создания материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс, естественно, должны были прежде всего подвергнуть суровой критике идеалистические концепции о роли идей и роли личности в истории, поскольку эти концепции составляли центральный пункт в домарксистской социологии. Формирование философии марксизма неразрывно связано с полным и окончательным преодолением реакционного идеалистического культа личности и идеалистического истолкования роли идей. Ведь в 40-х годах, в преддверии революций 1848 г., Марксу и Энгельсу приходилось вести

борьбу именно с теми философскими, социологическими, а также политическими течениями, которым в наибольшей мере (по сравнению с их предшественниками) было свойственно идеалистическое абсолютизирование роли идей и роли личности в истории.

Выше уже говорилось о борьбе Маркса и Энгельса против младогегельянцев, противопоставлявших суверенитету народа суверенитет самосознания и проповедовавших реакционный идеалистический культ личности. Если Гегель утверждал, что абсолютный дух приходит к самопознанию в его собственной (гегелевской) философии, то младогегельянские философы считали самих себя воплощением абсолютного самосознания, а их анархистствующий продолжатель Штирнер объявил абсолютом одно лишь свое собственное «единственное» я. Если Гегель толковал абсолютную идею как сверхчеловеческую и сверхприродную, то младогегельянцы отождествляли абсолютную идею с самосознанием, с «критической» личностью; они, следовательно, ставили знак равенства между ролью идей и ролью личности в истории, доводя до предела, до карикатуры идеалистическое понимание истории.

Реакционный идеалистический культ личности пропал наряду с младогегельянами и Т.Карлейлем, идеологом феодального «социализма, который также противопоставлял исторических деятелей «толпе», избранных в качестве подлинных творцов истории, носителей сознательного начала, а вторую — как стихийно действующую, неразумную массу, противодействующую гению. Карлейль утверждал, что общественная жизнь неподвижна, мертва, пока великий человек не выведет ее из состояния покоя, «...он ударяет своим словом, — писал Карлейль, — и все пылает огнем...». В отличие от младогегельянцев Карлейль был не буржуазным радикалом, а сторонником отживающих феодальных сил, идеологом так называемой торийской реакции. Это свидетельствует том, что реакционный идеалистический культ личности поддерживался идеологами самых различных социальных групп господствующих эксплуататорских классов.

Энгельс еще в 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике» выступил против реакционных воззрений Карлейля, показав, что проповедуемое последним переустройство общества под руководством «истинной аристократии» направлено на сохранение, а не на устранение социального неравенства, при котором общество делится на «овец и козлиц, правящих и управляемых, аристократов и чернь, господ и простаков...»

Подытоживая опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс подвергли критике опубликованные в 1850 г. «Современные памфлеты» Карлейля, в которых этот теоретик феодальной реакции пытался обосновать свои реакционные идеалы и связанное с ними понимание роли исторических деятелей и народных масс в истории при помощи идеалистического истолкования революционных событий 1848–1851 гг.

Карлейль утверждал, что причиной революционного взрыва, разразившегося как бы под влиянием «симпатического подземного

электричества», были беспочвенные надежды, распространяемые студентами, молодыми литераторами, адвокатами, газетчиками, пылкими к неопытными энтузиастами и просто людьми, поссорившимися с правосудием. Напуганный массовым революционным движением, Карлейль призывал к созданию «реальной, а не воображаемой аристократии», способной подчинить массы своему влиянию. Разоблачая реакционную утопию Карлейля, Маркс и Энгельс обосновывают свое положение о значении социального творчества масс для прогрессивного развития общества.

Следует, далее, отметить, что представителя различных исторических форм утопического социализма, начиная от Сен-Симона, Фурье, Оуэна и кончая такими идеологами мелкобуржуазного утопического социализма, как Прудон, теоретически обосновывали свои утопии идеалистическим пониманием роли идей, роли личности в истории. Все эти мыслители не понимали, что проповедуемые ими идеи вызваны определенными социально-экономическими условиями, которых не было в прошлом, и что воплощение этих идей в жизнь также возможно лишь благодаря определенным материальным условиям. Идея социализма представлялась всем им как порождение их собственного разума, подготовленное предшествующей историей идей, но совершенно независимое от интересов каких бы то ни было классов и групп. Фурье, как известно, утверждал, что учение социализма могло бы возникнуть и 500 лет назад, если бы он, Фурье, родился, скажем, в XIII в. Социализм рассматривался как продукт мысли гения, пророка, основателя новой религии, а социалистическое преобразование понималось как результат его мессианской деятельности. Сен-Симон и другие утописты представляли себе свою роль, исходя из христианской легенды об Иисусе Христе и других «основателя религий, не подозревая, что возникновение определенной религии также было обусловлено не инициативой мифического или действительно существовавшего религиозного реформатора, а историческими условиями. Утопический социализм был оторван от классового рабочего движения и, естественно, возлагал свои надежды на тех или иных исторических деятелей и всепобеждающее влияние социалистической идеи. Культ личности и абсолютизирование роли идей составляли неотъемлемую особенность воззрений всех теоретиков утопического социализма. Мелкобуржуазный социализм выродившихся последователей великих социалистов-утопистов носил узко сектантский характер. Именно со своей деятельностью и деятельностью своей секты созывали эти «пророки» судьбы социализма. Так, например, Прудон решительно выступал против рабочего движения во всех его формах, против народной борьбы за социальные преобразования, утверждая, что для осуществления царства вечной справедливости достаточно лишь претворить в жизнь изобретенную им экономическую комбинацию - непосредственный, безденежный обмен товарами. Разоблачая идеалистическую концепцию Прудона, Маркс саркастически писал: «Итак, историю делают ученые, люди, способные похитить у бога его сокровенную мысль. А простой народ должен лишь

применять на практике их откровения.

В борьбе против различных концепций мелкобуржуазного утопического социализма Маркс и Энгельс доказывали, что исходным пунктом социалистической теории должен быть реальный исторический опыт освободительной, социалистической по своей тенденции, борьбы пролетариата, что социализм должен стать наукой, для чего необходимо изучение экономических законов; присущих развитию общества. С этих позиций основоположники марксизма подвергли уничтожающей критике всякого рода псевдосоциалистическое знахарство, комбинаторство, шарлатанство, оказывавшее деморализующее влияние на рабочее движение.

П. Анненков в своих воспоминаниях рассказывает о борьбе Маркса против немецкого утописта В. Вейтлинга. Критикуя идеалистические представления Вейтлинга, Маркс, по словам Анненкова, говорил, что «...обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно с пустой и бесчестной игрой в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот». В этих приводимых Анненковым словах Маркса наглядно обнаруживается характерная особенность развития марксизма — борьба против реакционного идеалистического культа личности и связанных с ним социального знахарства и сектантства.

Маркс и Энгельс беспощадно разоблачали всех тех идеологов мелкобуржуазного утопического социализма 30—40-х годов, которые воображали» будто они имеют в своем портфеле решение всех загадок, волнующих человечество. В этом смысле основоположники марксизма постоянно подчеркивали, что они не являются обновителями мира, творцами систем, изобретателями принципов. В этом духе и надо понимать известное положение Энгельса: «Коммунизм не доктрина, а движение. Он исходит не из принципов, а из фактов».

Маркс и Энгельс считали борьбу против идеалистического абсолютирования роли идей, против реакционного культа личности настолько необходимой, первоочередной задачей, что при своем вступлении в «Союз коммунистов» прежде всего потребовали отказа от культа личности, который проповедовался членами этой тайной организации. В противовес всякого рода утопистам Маркс и Энгельс говорили об исторической миссии пролетариата, называя себя представителями рабочего класса. Такая, чуждая утопическому социализму, постановка вопроса была неразрывно связана с материалистическим пониманием сущности и роли теории, идей, исторических деятелей. Уже в 1844 г. Маркс указал, что теория может стать серьезной общественной силой лишь в том случае, если она выражает интересы масс. Маркс говорил, что теория, овладевая массами, превращается в материальную силу, в сплоченность, организованность масс.

Отвергая идеалистическое возвеличение исторических деятелей, Маркс и Энгельс материалистически решают проблему личности и

общества, доказывая, что сущность человека не какой-то абстракт, присущий отдельному индивидууму: сущность человека – совокупность общественных отношений. Основоположники марксизма, характеризуя исторических деятелей, вскрывают прежде всего их классовую направленность, партийность. Классическим примером этого может быть данная Марксом в известном письме Анненкову оценка Прудона, как идеолога мелкой буржуазии.

Однако не только и не столько полемика с противниками материалистического понимания истории, сколько задачи освободительной борьбы пролетариата, задачи создания действительной науки об обществе определяли такую постановку теоретических вопросов. Исследуя развитие общества как естественно-исторический процесс, Маркс и Энгельс установили, что материальная жизнь общества существует независимо от воли и сознания людей. Что же касается сознания и воли людей, то они коренятся в общественном бытии, материальной жизни общества. Главным и решающим в жизни общества является производство материальных благ.

Рассматривая производство в его историческом развитии, основоположники марксизма создавали учение об исторически сменяющих друг друга способах производства, последовательное, прогрессивное развитие которых неизбежно приводит к коммунизму. Постановка проблемы общественно-экономических формаций закономерно вела к разработке учения о базисе и надстройке. Это было дальнейшим шагом вперед в разработке вопроса о соотношении между материальной и духовной, жизнью людей. Естественно поэтому, что в центре внимания основоположников марксизма в период формирования их взглядов находился вопрос о происхождении идей, а не вопрос об их роли. Энгельс писал по этому поводу: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии».

Энгельс подчеркивал, что ни он, ни Маркс никогда, даже в ранних своих произведениях, не отрицали значения субъективной стороны исторического процесса, не отрицали, следовательно, и той роли, которую играют выдающиеся деятели, идеи, сознание в развитии общества. И как только им приходилось иметь дело с конкретным исследованием какого-либо периода истории, они постоянно вскрывали роль определенных идей, роль тех или иных исторических деятелей в развитии событий. Это указание Энгельса относится прежде всего к тем работам, которые являются предметом нашего изучения. Энгельс говорит, что произведения Маркса, посвященные революциям 1848 г., являются образцом всестороннего историко-материалистического исследования всех сторон общественной жизни во всей ее сложности и

многообразии.. Враги марксизма и в последующий период неоднократно пытались приписать Марксу и Энгельсу отрицание или же игнорирование роли сознательной деятельности людей в истории. Против подобной фальсификации марксизма в борьбе против «легальных марксистов» В.И. Ленин показал что с точки зрения исторического материализма совершенно недостаточно ограничиваться одним лишь указанием на объективную необходимость того или иного исторического процесса: следует выяснить, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В противоположность либеральным народникам, приписывавшим Марксу и Энгельсу нелепейшие фаталистические воззрения, Ленин показал, что основоположники марксизма глубоко раскрыли громадное значение субъективной стороны исторического процесса. Таким образом, в произведениях Маркса и Энгельса, подытоживавших опыт революций 1848 г, всесторонне, на конкретном историческом материале рассмотрен вопрос о субъективной стороже исторического процесса, о роли идей и роли личности в истории.

2. Борьба Маркса и Энгельса против идеалистического понимания роли идей в развитии общества

Подытоживая события 1848– 1851 гг., анализируя многочисленные факты, поведение отдельных исторических деятелей, политическую линию тех или иных партий, движение народных масс, лозунги, идеи, иллюзии, с которыми выступали участники революционной борьбы, Маркс и Энгельс гениально вскрывают действительные, коренные, глубинные источники, причины событий, отмечая видимость, обнаруживая внутреннюю связь, сущность, движущие силы всего того, что происходит.

Мелкобуржуазная «Реформа», рассматривая события революции с позиций идеалистического понимания истории, выводила борьбу классов из разногласий между различными группами населения. Этот идеалистический подход являлся теоретической основой соглашательской линии «Реформы», стремившейся примирить противоположные классы, вместо того чтобы безоговорочно поддерживать борьбу революционного лагеря. В противоположность идеализму «реформистов» основоположники марксизма доказывали, что идейные разногласия между классами являются не причиной, а следствием: именно существование классовых противоположностей, борьба между классами порождает идейные разногласия. И задача заключается не в том, чтобы найти общий язык, а в том, чтобы обеспечить победу революционных сил над силами контрреволюционными.

Общество отличается от природы тем, что здесь действуют сознательные существа и объективные экономические условия, определяющие их поведение, созданы самими людьми, рядом человеческих поколений. «Люди, – писал Маркс в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», – сами делают свою историю, но они ее

делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого».

Это положение Маркса вскрывает специфический характер объективных закономерностей общественной жизни и указывает вместе с тем на гносеологические корни того идеалистического представления, которое принимает идеальные, сознательные побудительные мотивы действий людей за конечные, определяющие их деятельность причины.

Материалистическое понимание истории нисколько не отрицает существования идеальных побудительных мотивов, не отрицает, следовательно, и того, что присущие человеку чувства, страсти, влечения, убеждения, идеи так или иначе направляют, стимулируют поведение людей, являются определенными двигательными силами, наличие которых отличает общество от природы. Однако материалистическое понимание истории не останавливается на признании роли чувств, сознания, но вскрывает их материальные корни, рассматривая духовное как отражение материального, общественное сознание — как отражение общественного бытия. Буржуазному идеалистически мыслящему рассудку революция представляется взрывом страстей, которые ломают ограничивающие их рамки и действуют стихийно, безудержно, не сообразуясь с существующими правовыми и моральными нормами. Материалистическое понимание истории, напротив, выводит революцию не из чувств и страстей человеческих, а из развития производительных сил и производственных отношений, конфликт между которыми и является экономической основой революции. Именно этот конфликт порождает возмущение масс против старого экономического строя, усиливает их ненависть к тем классам, которые его защищают, короче говоря, обуславливает то многообразие сильных чувств, страстей, переживаний, которые действительно особенно характерны для периода революций.

Идеалист объясняет возникновение революции распространением неизвестно откуда появившихся революционных идей. Материалист, напротив, видит в революционных идеях свидетельство происходящих в обществе глубинных экономических процессов, отражение назревающего революционного кризиса. Идеи и страсти людей потому-то и являются могущественной общественной силой, без которой вообще невозможно развитие общества, особенно в периоды революций, что в них выражается действие глубинных экономических сил.

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс говорит: «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве, своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивид, получая свои чувства и взгляды путем традиции и воспитания, может вообразить себе, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности».

В этом положении Маркса глубоко указаны причины того, что отдельным индивидам их чувства и взгляды представляются определяющими причинами их деятельности.

Общественное сознание существует в головах отдельных людей, принадлежащих к данному обществу, классу, социальной группе. Но вместе с тем общественное сознание со всем присущим ему многообразием форм и полнотой содержания не совпадает, конечно, с сознанием отдельного индивида, являющегося лишь отдельным представителем данного общества, класса. Вот почему сознание отдельного человека, будучи общественным по своему характеру, является вместе с тем индивидуальным сознанием, отличающим данного индивида от другого. Таким образом, в общественном сознании людей обнаруживаются черты общего, особенного и единичного. На этой почве и возникает идеалистическая иллюзия, согласно которой чувства и взгляды каждого отдельного индивида образуют исходную точку и определяющий мотив его деятельности.

Отдельный человек, как подчеркивает Маркс, обретает присущие ему чувства и взгляды путем традиции и воспитания, он воспринимает эти взгляды и чувства как существовавшие до него и существующие независимо от его личного сознания, а также от его бытия и бытия других индивидов. Тот факт, что сознание отдельного человека является продуктом деятельности всего общества, класса, что оно представляет собой своеобразное отражение материальных условий существования данного класса, непосредственно не воспринимается отдельным индивидуумом. Поскольку определяющее влияние общественного бытия на сознание личности осуществляется не непосредственно, а через воспринимаемые ею взгляды, идеи, чувства, постольку и создается видимость, будто эти взгляды и чувства являются источником действий личности. Маркс гениально вскрывает диалектику взаимодействия между общественным бытием и общественным сознанием, проявляющимся в сознании каждого индивидуума, показывая действительное место духовных побудительных мотивов в общественной жизни и обосновывая необходимость материалистического изучения определяющей их экономической основы.

Общественное сознание отражает общественное бытие, но из этого вовсе не следует (как было показано Марксом и Энгельсом еще в «Немецкой идеологии»), что оно всегда правильно отражает это свое основание, совпадает по своему содержанию с ним. Религия тоже является отражением общественного бытия, но ее символы, образы: обозначают то, чего на самом деле не существует. Мысль о необходимости строгого разграничения между объективным содержанием и субъективной формой тех или иных философских учений развита Марксом в работе «К критике политической экономии». В своем знаменитом предисловии к этой работе Маркс классически сформулировал положение о необходимости строго разграничивать действительное содержание и субъективное, идеологическое выражение социальных революций. При рассмотрении таких переворотов, писал

Маркс, необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним. В своем первоначальном виде эти идеи были высказаны Марксом и Энгельсом в трудах 1850—1852 гг.

Подытоживая опыт революций 1848 г., Маркс гениально обосновал необходимость строгого материалистического различия между сознанием и бытием, между фактически происходящим историческим процессом и его идеологическим отражением, его видимостью в сознании людей. Сопоставляя идеологическое облачение революций 1848 г. с их фактическим социально-экономическим содержанием, Маркс писал: «И подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и делает на самом деле, так в исторических битвах еще более следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной организацией, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной природой».

Маркс показывает, что отношение между духовной и материальной жизнью общества является вместе с тем, также отношением между субъективной и объективной стороной общественно-исторического процесса. Если бы объективное содержание и субъективное выражение общественно-исторического процесса полностью совпадали друг с другом, не нужна была бы историческая наука научные исследования. В действительности между сознанием и бытием, между субъективной и объективной стороной общественно-исторического процесса имеет место сложное диалектическое взаимоотношение, взаимодействие.

Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» глубоко вскрыл вышеуказанное различие между религиозным идеологическим облачением и реальным содержанием событий 1525 г. в Германии, показав вместе с тем действительное влияние религиозной идеологии на ход исторических событий. В этом произведении Энгельс нанес сокрушительный удар идеалистическому изображению крестьянской войны 1525 г. как войны на почве религиозных разногласий в среде немецкого народа. Немецкая идеалистическая историография, указывал Энгельс, «несмотря на опыт последнего времени, все еще продолжает видеть в борьбе, положившей конец средневековью, одни только яростные богословские перебранки. По мнению наших отечественных знатоков истории и государственных мудрецов, если бы только люди того времени могли столкнуться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел».

Энгельс показывает, что идеализм умалчивает о действительных причинах великих исторических событий, подставляя на место освободительной борьбы трудящихся религиозные распри, заблуждения, нетерпимость и т.п. С этой точки зрения революция изображается как нечто отнюдь не необходимое. Исследование Энгельса приводит его к

выводу, что «во времена так называемых религиозных войн XV столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были проявлением борьбы классов, как и более поздние внутренние конфликты в Англии и Франции. Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени».

Само собой разумеется, что религиозное, идеалистическое облачение крестьянской войны против феодализма с необходимостью вытекало из экономической основы феодального общества, обусловившей превращение религии в господствующую форму общественного сознания и религиозная форма протеста свидетельствовала о неразвитости классового сознания крестьянской массы. Таким образом, не религиозные споры, а определенные материальные условия (в том числе и тот факт, что сама церковь являлась крупнейшим феодальным собственником) вызвали крестьянскую войну. Однако религиозные идеи, несомненно, оказали значительное влияние на движение крестьянских масс, ослабляя сознание противоположности их интересов интересам помещиков. Энгельс указывает, что выступления против феодализма происходили в ту историческую эпоху то в виде мистики, то в виде открытой ереси и, наконец, в виде вооруженного восстания, более или менее свободного от религиозного облачения. Последнего рода выступления против феодализма отличались «обычно большей последовательностью, решительностью, большим сознанием своих классовых интересов со стороны массы крестьянства. Совершенно очевидно, что освобождение крестьянской массы от господства религиозной идеологии, выступление против феодализма под определенными политическими лозунгами, характерное для последующих исторических периодов капиталистического развития, знаменуют более высокий уровень и мощь освободительного движения трудящихся».

Проводя строгое различие между действительным содержанием исторического процесса и его идеологическим облачением, Маркс и Энгельс в 1848—1851 гг. считали своей первостепенной задачей разоблачение иллюзий, порожденных в сознании рабочего класса буржуазной революцией и буржуазной идеологией. С этой целью основоположники марксизма неустанно вскрывали социальную ограниченность буржуазных революций и действительное содержание тех иллюзий, которые с необходимостью порождаются ими. Маркс и Энгельс не только констатируют противоречие между лозунгами, декларациями и реальным содержанием буржуазных революций; это противоречие отмечали еще социалисты-утописты. Основоположники марксизма вскрывают материальные корни этого противоречия. Буржуазные революции неспособны разрешить противоречие между эксплуатируемыми и эксплуататорами; они свергают старый класс эксплуататоров лишь для того, чтобы на его место поставить новый класс эксплуататоров. Но,

отражая революционный подъем масс, буржуазные революции неизбежно вынуждены провозглашать задачи, которые заведомо не могут быть ими разрешены. В то время как буржуазия стремится лишь к уничтожению феодальной собственности, она провозглашает задачей революции устранение всякого угнетения человека человеком, т.е. то, к чему стремятся угнетенные и эксплуатируемые. Отсюда вытекают те идеалистические иллюзии, которые владеют трудящимися массами на протяжении всей эпохи буржуазных революций. Маркс и Энгельс показывают неизбежность этих иллюзий, прикрывающих ограниченное, не могущее удовлетворить народные массы содержание буржуазных революций. Так, например, Маркс указывает, что Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета, французская революция 1789 г. драпировалась то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи. Это иллюзорное, идеологическое облачение буржуазных революций было объективно необходимо их участникам «для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы...»

Но буржуазные революции XIX в. существенно отличаются от буржуазных революций XVII–XVIII вв. Соответственно этому изменяется и та роль, которую играют эти идеологические иллюзии. Если в XVII–XVIII вв. они отражали революционные устремления буржуазии, то в XIX в. эти иллюзии, идеалистические идеи уже тормозили развитие общества и, в частности, доведение до конца буржуазно-демократических преобразований.

Одни и те же идеи в различных исторических условиях играют различную роль. В ранних буржуазных революциях обращение к прошлой истории и ее идеям — это, как говорит Маркс, «воскрешение мертвых» — служило «для того, чтобы поднять значение данной задачи в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак». Что же касается революций 1848 г., то здесь эти идеалистические иллюзии способствовали лишь поражению революций. Поэтому критику этих иллюзий Маркс и Энгельс считали необходимым предварительным условием победы буржуазно-демократических революций.

В XVII–XVIII вв. народные массы верили в то, что уничтожение феодализма, установление буржуазно-демократических свобод приведет ко всеобщему благоденствию. Это убеждение вело классы за революционной буржуазией и способствовало доведению до конца буржуазных революций. В период революций 1848 г. те же убеждения, надежды, иллюзии играли уже другую роль: они способствовали поражению революций. «Традиции всех мертвых поколений, — писал Маркс, — тяготеют, как кошмар, над умами живых».

Маркс и Энгельс учат, что если буржуазные революции порождают идеалистические иллюзии, то утверждение капиталистического общества способствует рассеиванию этих иллюзий и создает предпосылки для

социальной революции без иллюзий; для социалистического переворота. Буржуазным революциям необходимо было иллюзорное идеологическое облачение, чтобы хоть временно увлечь за собой народ. Пролетарская революция не нуждается в иллюзиях, ибо она действительно освобождает трудящихся. Ее идеологическим выражением являются поэтому не иллюзии, а понимание исторической необходимости. Сила идей пролетарской революции в том, что они правдиво отражают действительность. Пролетарская революция, как подчеркивает Маркс, полностью порывает с иллюзиями прошлого, ибо она представляет собой начало совершенно новой: исторической эпохи, в корне отличающейся от всех предыдущих.

«Социальная революция XIX века, — говорит Маркс, имея в виду пролетарскую революцию, — может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начаться прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались во всемирно-исторических воспоминаниях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы».

Замечательно, что эти глубочайшие теоретические обобщения относительно коренной противоположности между идеологическим облачением буржуазной революции и идеологией социальной революции пролетариата были сделаны Марксом тогда, когда пролетарская революция еще не была прямой практической необходимостью. Но, опираясь на опыт борьбы пролетариата в июньские дни 1848 г., Маркс смело указал на коренные отличия революции буржуазной от революции социалистической не только в отношении экономическом и политическом, но и в идеологическом отношении. Эти теоретические обобщения Маркса явились вместе с тем замечательной постановкой вопроса о действительной роли идей, правильно отражающих исторические задачи. При этом уже тогда Маркс указал на совершенно новую, в корне противоположную идейному облачению буржуазной революции роль революционных идей пролетариата.

Выясняя значение социалистической сознательности для осуществления пролетарской революции, Маркс исходил, таким, образом, из учета коренной противоположности между Социальной революцией рабочего класса и социальной революцией буржуазии. В противоположность буржуазной революции, нуждающейся в самообольщении, в идеализации своих задач, пролетарская революция по самой природе своей самокритична.

Маркс говорит: «...пролетарские революции; каковы революций XX века, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, затем, чтобы еще раз начать это сызнова, с жестокой основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток: сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из

земли всосал свежие силы и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенно громадной силой своих собственных целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно: Здесь Родос, здесь прыгай! Таким образом, в этом глубочайшем положении основоположника научного коммунизма в зародышевой форме содержится впоследствии развитое ленинством учение критике и самокритике как могущественном революционном методе социалистического строительства. Ленинизм учит что критика и самокритика являются необходимым средством укрепления рядов Коммунистической партии необходимым проявлением внутрипартийной демократии, одной из движущих сил развития социалистического общества, свободного от антагонистических противоречий, порождаемых наличием частной собственности на средства производства. Опыт социалистического строительства в СССР и других странах социалистического лагеря, история Коммунистической партии Советского Союза полностью подтверждают это учение.

Следует подчеркнуть, что в период революций 1848 г. и в пореволюционное время Маркс и Энгельс считали своей первоочередной задачей разоблачение реакционных идей. Эти идеи – о чем каждодневно свидетельствовал революционный опыт – сковывали революционную самостоятельность масс, укрепляли позиции контрреволюционных сил. Почему в период февральской революции в Париже, когда вооруженный народ фактически господствовал на политической арене, буржуазии удалось захватить власть и затем организовать наступление против рабочего класса? Прежде всего потому, что массы, в том числе и пролетариат, находились под влиянием буржуазной идеологии.

Конечно, вера в буржуазную республику, в возможность сотрудничества классов коренилась в совокупности материальных условий того времени. Однако это вовсе не означает, что иллюзии эти были совершенно непреодолимы. Указывая на их объективное основание, Маркс и Энгельс ставили своей задачей рассеивание этих иллюзий, считая это и возможным, и необходимым при наличии революционной пролетарской партии, вооруженной правильным пониманием законов общественного развития.

Революции 1848 г. потерпели поражение также и потому, что массы, находившиеся под влиянием буржуазной идеологии, не сознавали необходимости борьбы -против соглашательской политической линии либеральной буржуазии, не видели контрреволюционности буржуазного либерализма.

Тот факт, что рабочий класс подвергается влиянию буржуазной идеологии, несомненно, обусловлен самой капиталистической системой, где именно буржуазная идеология является господствующей. Однако отсюда отнюдь не вытекает, что социалистическое просвещение пролетариата, а следовательно, и освобождение его от тех или иных буржуазных предрассудков невозможно в условиях капитализма. Несмотря на господствующее положение буржуазной идеологии при

капитализме, именно освободительная борьба пролетариата служит той материальной основой, которая способствует развитию социалистического сознания в рабочих массах и превращению этого сознания в господствующее в рабочем движении.

Маркс и Энгельс учили, что в ходе исторического развития, в процессе своей освободительной борьбы передовые слои рабочего класса изживают свои буржуазные иллюзии, что является необходимым предварительным условием победоносной социалистической революции. С этой точки зрения Маркс и Энгельс и оценивали итоги революций 1848 г. Революции потерпели поражение, однако ограничиваться одной лишь констатацией этого политического результата Маркс и Энгельс считали недопустимым. В своем гениальном анализе диалектики революционного процесса Маркс показывает, что поражение революций явилось вместе с тем поражением тех . иллюзий, которые способствовали подчинению пролетариата либеральной буржуазии. Свою замечательную работу «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс, как известно, начинает следующими словами: «За исключением лишь немногих глав, каждый более или менее значительный раздел революционной летописи от 1848 до 1849 г. носит заглавие: поражение революции!»

Но в этих поражениях погибала не революция. Погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не февральская победа, а только целый ряд поражений».

Это положение, доказательству которого была посвящена «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», впервые было выдвинуто еще в «Новой Рейнской газете», где, подводя итоги. 1848 г., Маркс и Энгельс писали: «Главным плодом революционного движения 1848 г. является не то, что приобрели народы, а то, что они утратили, – потеря их иллюзий. *Июнь, ноябрь, декабрь* 1848 г. – таковы грандиозные верстовые столбы разочарования и отрезвления европейского народного сознания».

И далее, в статье, опубликованной в феврале 1849 г., «Новая Рейнская газета» подчеркивала: «Народы, пережившие революцию, знают, как дорого им пришлось заплатить за то, что в своей наивности они тогда поверили высоким словам и напыщенным уверениям».

Там, где мелкобуржуазные революционеры видели одно лишь поражение, упадок, гениальные вожди пролетариата увидели необходимые предпосылки для последующего подъема революционной борьбы. Лишь на собственном политическом опыте, в огне революционных боев пролетариат освобождается от буржуазных предрассудков и приходит к революционно-социалистическому пониманию своих классовых задач. Такова объективная закономерность развития социалистического сознания пролетариата в ходе его освободительного движения.

Таким образом, обобщая опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс вскрыли самым конкретным образом ту общественную роль, которую играют идеи, особенно в период социальных революций. Маркс и Энгельс указали пути и средства преодоления буржуазной идеологии освободительным движением пролетариата, руководимым коммунистической партией, доказали необходимость соединения научно-социалистической теории с массовым рабочим движением. Они показали тем самым величайшее организующее, преобразующее, мобилизующее значение идей научного социализма. Все эти положения основоположников марксизма получили свое дальнейшее развитие, обогащение в трудах основателя КПСС В.И.Ленина, в решениях и во всей деятельности Коммунистической партии Советского Союза, коммунистических и рабочих партий всего мира.

3. Борьба Маркса и Энгельса против идеалистического понимания роли личности в истории

В борьбе против идеалистического понимания истории основоположники марксизма прежде всего подвергали критике идеалистическое возвеличение исторических деятелей, направленное на отрицание или принижение роли народных масс в истории. Если в предреволюционный период Маркс и Энгельс разоблачали реакционный культ личности, пропагандировавшийся младогегельянами и мелкобуржуазными утопистами, то во время революции основоположники марксизма считали своей первостепенной задачей разоблачение буржуазных и мелкобуржуазных «кумиров», соглашательская политика которых противопоставлялась революционному движению масс.

«Новая Рейнская газета», подымая массы на борьбу против оживившейся реакции, писала: «...не надо приписывать никакой всемирно-исторической инициативы какому-то Кампгаузену, какому-то Ганземану, этим людям среднего калибра. Они служили только органами класса. Их речи и действия были только официальным эхо класса, выдвинувшего их на авансцену. Они представляли только крупную буржуазию на авансцене».

Вскрывая за деятельностью господ кампгаузенов и ганземанов политическую линию либеральной буржуазии, Маркс и Энгельс развивали революционное самосознание пролетариата, его самостоятельность, инициативу, внушали ему сознание необходимости самому возглавить движение широких народных масс.

Подвергая уничтожающей критике идеалистический культ личности, Маркс и Энгельс вместе с тем конкретно ставят и решают вопрос о роли исторических деятелей. Они решительно выступают как против субъективистской, так и против фаталистической концепций в оценке исторических деятелей. В этой связи Маркс подвергает критике взгляды В.Гюго и П.Прудона на существо бонапартистского государственного переворота. Известно, что В.Гюго, стремясь развенчать новоявленного французского императора, выступил против него с памфлетом «Наполеон малый». Об этом памфлете Маркс говорит: «Виктор Гюго ограничивается

едкими и остроумными выпадами против ответственного издателя государственного переворота. Самое событие изображается у него, как гром из ясного неба. Он видит в нем лишь насильственное деяние одного человека. Он не замечал, что возвеличивает этого человека, вместо того чтобы умалить его, приписывая ему беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы».

Так идеалистическое понимание роли личности в истории привело В. Гюго к результатам, совершенно противоположным его замыслам. Луи Бонапарт в изображении писателя превратился в исполнинскую фигуру, сумевшую, несмотря ни на что, повернуть историю вспять. «2 декабря и в последующие дни, - писал В.Гюго, - Луи Бонапарт представлявший собой исполнительную власть совершил покушение на власть законодательную, подверг аресту депутатов, разогнал Законодательное собрание, распустил Государственный совет, упразднил Верховный суд, отменил законы, забрал во Французском банке двадцать пять миллионов, осыпал золотом армию, расстрелял картечью Париж, терроризовал Францию...»

Прудон в своей книге «Государственный переворот» исходил из теоретических позиций, отличавшихся от воззрений Гюго. Как указывает Маркс, Прудон «стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых объективных историков».

Это положение Маркса замечательно прежде всего в том отношении, что оно разоблачает сущность буржуазного объективизма. Буржуазный объективист доказывает, что данное явление не случайно, и оправдывает его на этом основании, настаивает на примирении с ним. Так, доказательство исторической необходимости капитализма означает с точки зрения буржуазного объективиста отрицание необходимости пролетарской борьбы против капиталистического рабства. Марксизм в корне противоположен буржуазному объективизму, который, по сути дела, является лишь теоретическим прикрытием классового субъективизма буржуазии.

В основе буржуазно-объективистской концепции Прудона лежит метафизическое истолкование исторической необходимости и анархистское понимание природы государственной власти. Историческая необходимость представляется Прудону абсолютной, независимой от условий, места и времени неизбежностью, предопределенностью. Что же касается государственной власти, то она, с точки зрения Прудона, является источником всяческого зла, первопричиной всех злоключений рода человеческого. Отрицая принципиальную возможность революционной диктатуры, Прудон рассматривает бонапартистский государственный переворот как обнаружение «дьявольской», злокозненной природы всякого государства. Единственной предпосылкой этого переворота является, согласно прудонистской концепции, лишь предшествующее ему усиление

государственной машины. Прудон совершенно игнорирует буржуазный характер революции 1848 г. во Франции, классовую природу политической власти, установившейся в результате революции, роль государства в борьбе противоположных классов. Таким образом, прудонистская концепция, в основе которой лежало отрицание возможности революционной власти вообще, в значительной мере реабилитировала «героя» этого монархического переворота.

Критикуя субъективистское и объективистское понимание роли исторических деятелей, Маркс на примере того же Луи Бонапарта показал, «каким образом классовая боба во Франции создала условия и обстоятельства, павшие возмощностью посредственному и смешному персонажу сыграть роль героя». В предыдущей главе мы рассматривали уже взгляды Маркса и Энгельса на происхождение и развитие бонапартизма как исторически определенной формы диктатуры буржуазии. В этой связи основоположники марксизма оценивали и Луи Бонапарта как исторического деятеля, успех которого они объясняли наличием определенных, независимых от его воли, условий. Контрреволюционность либеральной буржуазии, разочарование крестьянства в республике – все это вело к бонапартизму. И даже то, что именно Луи Бонапарт оказался «ответственным издателем» государственного переворота, было обусловлено не столько его личной инициативой, сколько исторической традицией. «Историческая традиция, – говорит Маркс, – породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся некто, выдающий себя за этого человека только потому, что... он носит имя Наполеон. После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается предсказание, и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества». Таким образом, Маркс показывает, что Луи Бонапарт был для крестьян не просто личностью, а программой, что он, далее, представлял нарицательное имя всех партий, враждебных республике. Таковы были условия, определившие успех бонапартистского переворота, без них переворот был бы пустой вспышкой, безрезультатной и комичной.

Следует ли отсюда, что личные качества Луи Бонапарта не играли никакой роли в этом историческом событии? Отнюдь нет. Маркс указывает, что Луи Бонапарт обладал личными качествами, необходимыми для того, чтобы похоронить республику и реставрировать монархию. Правда, это не были качества выдающегося человека, но именно такого рода качества и были необходимы для «ответственного издателя» реакционного государственного переворота. Исторический деятель, подобный Луи Бонапарту, был наиболее подходящим претендентом на власть в момент, когда буржуазия, бесстыдно предавая революцию, лицедействовала в костюме демократии: «...в такой момент авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить».

Маркс развенчал Луи Бонапарта, разоблачив вместе с тем и контрреволюционную буржуазию. Он показал объективную обусловленность контрреволюционного монархического переворота и роль субъективных качеств «героя» этого переворота. Совпадение личных качеств претендента на императорскую мантию с политическими требованиями контрреволюционной буржуазии, совпадение мании Луи Бонапарта с предрассудками французской крестьянской массы в условиях поражения революции с неизбежностью вело к событиям 2 декабря 1851 г. Но в самих событиях ничто не было фатально predetermined, они были результатом взаимодействия различных обстоятельств, среди которых известная, хотя, конечно, не решающая роль принадлежала и личности Луи Бонапарта, чьи настойчивые, но на протяжении ряда лет бесплодные попытки совершить монархический переворот, наконец, увенчались успехом.

Маркс показывает, что историческая роль таких реакционных деятелей проявляется не в том, сколь глубоко и полно понимают и выражают они потребности развития, интересы нового, – их роль определяется временной победой реакционных сил над силами прогресса. Маркс и Энгельс называли такого рода деятелей «маленькими великими людьми», подчеркивая тем самым, что реакционные классы не способны выдвинуть действительно великих исторических деятелей. Само собой разумеется, что реакционные исторические деятели не отражают действительных потребностей народа, но, как правило, опираются на иллюзии и предрассудки, имеющиеся среди трудящихся. Историческая роль реакционных деятелей может быть понята лишь в свете истории того эксплуататорского класса который они представляют. Критический анализ деятельности этих исторических личностей возможен лишь с позиций исторического материализма, в свете научной теории борьбы классов. Отсюда ясно, что данная Марксом оценка Луи Бонапарта представляет несомненный интерес и актуальность с точки зрения характеристики деятелей империалистической реакции.

Характеризуя лидера французской мелкобуржуазной демократии Ледрю-Роллена, Маркс показывает, как в его поведении воплотилась классовая сущность мелкой буржуазии, у которой «проявление революционной энергии ограничивалось парламентскими вылазками, составлением обвинительных актов, угрозами, повышениями голоса, громовыми речами и крайностями, которые не шли дальше фраз». Однако, вскрывая объективную обусловленность политической линии Ледрю-Роллена, Маркс абсолютно чужд фатализма в истолковании этого главного персонажа демократической мелкой буржуазии. Маркс отмечает, что Ледрю-Роллен ухитрился «за какие-нибудь две недели безнадежно погубить могучую партию, во главе которой он стоял...» Причиной тому было неразумное, лишенное последовательности, продуманности поведение руководимой им партии. «Если Гора, – говорит Маркс, – хотела победить в парламенте, ей не следовало звать к оружию. Если она в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламентски. Если она серьезно думала о мирной

демонстрации, было глупо не предвидеть, что демонстрация будет встречена по-военному».

Таким образом, из факта объективной обусловленности поведения мелкобуржуазных лидеров отнюдь не следует, что они были лишены индивидуальности или что эта индивидуальность не проявлялась в их политической деятельности. Материалистический детерминизм, отвергая идеалистические басни о свободной (в смысле независимости от мотивов) воле исторического деятеля, отнюдь не рассматривает последнего как пассивного исполнителя исторической необходимости. Историческая необходимость, как известно, складывается из деятельного взаимодействия индивидуумов, групп, классов в определенных условиях. Энгельс впоследствии указывал, что в истории конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей; здесь всегда имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, общим результатом взаимодействия которых оказывается то или иное историческое событие.

Поведение Ледрю-Роллена, обусловленное положением мелкой буржуазии, Маркс объясняет тем, что Ледрю-Роллен при всем своем интеллектуальном превосходстве над рядовыми представителями своего класса разделял все свойственные им иллюзии и предрассудки. Дело, значит, не сводится к тому, что Ледрю-Роллен – выходец из мелкой буржуазии или сам мелкий буржуа. Идеологи мелкой буржуазии, а таковые имелись и кроме Ледрю-Роллена, отнюдь не были все на одно лицо. Они отличались друг от друга в пределах общей линии поведения, воплощая в себе разные стороны, различные ступени развития своего класса, по-разному понимая и истолковывая положение и задачи той социальной группы, которую они – сознательно или бессознательно – представляли. Не следует думать, пишет Маркс, «что все представители демократии на самом деле лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводят практически его материальные интересы и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями какого-нибудь класса и тем классом, который они представляют».

Положение исторической личности в качестве идеолога определенного класса не предопределено, хотя и обусловлено окружающими ее материальными условиями и ее собственным поведением. Тот же Ледрю-Роллен проводил бы совершенно другую политическую линию, если бы он сумел преодолеть свою мелкобуржуазную ограниченность и стать на позиции пролетариата.

Вышеприведенное положение Маркса показывает, что те или иные деятели становятся идеологами определенного класса не только в силу

своей фактической принадлежности к нему вследствие рождения, воспитания, образования, но и в меру свойственной им способности понимания потребностей общественного развития, интересов тех или иных классов и т.д.

Исторический деятель, постигший потребности материальной жизни общества, осознавший историческую необходимость, увидевший, какой из классов способен ее осуществить, может стать выдающейся исторической личностью, ускоряющей ход общественного развития. И наоборот, исторический деятель, преклоняющийся перед отживающим, отмирающим, боящийся нового, не признающий действительных потребностей общественного развития, не способен совершить что-либо значительное и разделяет судьбу тех отживающих сил общества, перед которыми он преклоняется. Еще в «Манифесте Коммунистической партии», характеризуя революционные эпохи в истории человечества, основоположники марксизма писали, что в это время вследствие разложения старого строя «небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее».

Здесь, так же как и в приводившейся выше выдержке из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», основоположники марксизма доказывают, что поведение исторических деятелей в известной мере зависит и от того, насколько свойственно или, напротив, чуждо им сознание действительных общественных потребностей, исторической необходимости. Оценивая представителей контрреволюционной буржуазии, Маркс и Энгельс клеймят их идейное убожество, представляющее собой не только индивидуальное свойство того или иного идеолога, но и общую им всем характерную черту. Такова, например, характеристика Ламартина как человека, который в своем понимании событий революции остался на уровне самых поверхностных февральских иллюзий. Разоблачая буржуазные и мелкобуржуазные кумиры, основоположники марксизма вместе с тем указывают на величие тех исторических деятелей, которые выражают интересы освободительного движения угнетенных и эксплуатируемых. Громадный интерес в этой связи представляет та сравнительная характеристика Лютера и Мюнцера, которая дана Энгельсом в «Крестьянской войне в Германии».

Известно, какой ореол создала буржуазная историография вокруг имени Лютера. Вскрывая материальные корни выступления Лютера, Энгельс показывает, что оно выражало интересы бюргерства и дворянства, объединившихся в борьбе против консервативно-католического лагеря. Именно поэтому лютеровская оппозиция католицизму объединяла самые различные элементы от бюргерства и массы низшего дворянства до некоторой части светских князей, стремившихся прибрать к рукам церковное имущество и добиться большей независимости от центральной власти. Лютеровские обличения католицизма обосновывали правомерность выступления всех оппозиционных сил против папской власти. Именно поэтому молния которую,

как говорит Энгельс, метнул Лютер, привела в движение весь немецкий народ. Крестьяне и плебеи, подавленные не только властью помещиков, но и идеологической диктатурой католической церкви, увидели в обличениях Лютера, в его проповеди христианской свободы призыв к восстанию. К крестьянам присоединилась часть низшего дворянства. Другие классы и социальные группы также должны были выявить свое отношение к массовому, народному движению. Назревавшее в течение длительного периода, предшествовавшего крестьянской войне, возмущение против феодального угнетения вылилось наружу. В ходе борьбы произошла дифференциация классов и партий. «Лютер должен был сделать выбор между ними... Он отрекся от народных элементов движения и перешел на сторону бюргеров, дворян и князей. Его призывы к истребительной войне против Рима замолкли».

В этой краткой характеристике сущности общественного движения, исторически связанного с именем Лютера, не только развенчивается буржуазная легенда о Лютере, но и вскрываются причины громадного влияния его идей. Идеи Лютера выражали буржуазные устремления имущих классов тогдашней Германии. Но поскольку Лютер выступил против господствовавшей феодальной религии, которая была мощной уздой для крестьянства, он тем самым, по сути дела, давал сигнал для восстания. Вместе с тем идеи Лютера выразили в соответствующей для того времени форме протест различных сословий тогдашней Германии против папского владычества, они санкционировали выступление против Ватикана. Однако католицизм был не только идеологией чуждого и враждебного немцам Ватикана. Католицизм был также главной идеологической опорой господства немецких помещиков. И те, кто восстал против Ватикана, восставали и против своих угнетателей в Германии, дискредитация католической религии потрясла господство крепостников. И Лютер, как представитель имущих классов, перешел на сторону крепостников, пошел против восставшего крестьянства, призывая к беспощадному истреблению всех борцов против феодализма.

Вскрыв классовую природу выступлений Лютера, Энгельс противопоставляет ему идеолога и вождя крестьянской и плебейской массы — Томаса Мюнцера, которого постоянно третируют буржуазные историки и идеологи буржуазии вообще. Разногласия между Мюнцером и Лютером носили, в сущности, не религиозный, а политический характер: в них проявлялась противоположность «низов» и «верхов». Поэтому теологическое и философское учение Мюнцера, как показывает Энгельс, нападало не только на католицизм, но и на христианство в целом. Мюнцер «отказывался рассматривать Библию как единственный и безупречный источник откровения. Настоящее и живое откровение, по его мнению, есть разум, откровение, которое существовало во все времена и у всех народов и которое существует до сих пор... ибо святой дух, о котором говорит Библия, не есть нечто, существующее вне нас; святой дух и есть наш разум... Поэтому рай не является чем-то потусторонним, его нужно искать в этой жизни, и призвание верующих состоит в том, чтобы установить этот рай, т.е. царство божье, здесь на

земле».

Энгельс указывает, что в выступлениях Мюнцера а отразилось стихийное стремление угнетенных и эксплуатируемых уничтожить всякое угнетение. Если выступления Лютера в период крестьянской войны отразили, как подчеркивает Энгельс, нерешительность и страх бюргерства перед принимавшим все более серьезный характер народным движением, то в выступлениях Мюнцера идеологически выражалась энергия и решимость наиболее развитой части плебеев и крестьян. Но идеи Мюнцера шли значительно дальше непосредственных представлений и требований социальных «низов», они разделялись поэтому лишь небольшой, хотя и наиболее энергичной частью восставшего крестьянства. Тем не менее эти идеи не исчезли бесследно: заключавшееся в них предчувствие коммунизма питало и в дальнейшем революционные настроения в угнетенных и эксплуатируемых массах.

Энгельс разъясняет, что аскетические идеи в проповеди Мюнцера были одним из первых, наиболее примитивных выражений утопического коммунизма: «Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишиться его даже самый суровый гнет».

В первых исторических выступлениях зарождающегося пролетариата аскетические идеи, как показывает Энгельс, являются наивным выражением враждебности рабочего класса всем устоям эксплуататорского общества. Однако в дальнейшем, с развитием организованной и самостоятельной борьбы рабочего класса, эти аскетические идеи становятся реакционными, поскольку они противоречат и ближайшим и конечным целям его освободительной борьбы. Тогда возникает необходимость в научном коммунистическом понимании социальной действительности, предпосылки которого возникают в ходе развития капитализма.

Основоположники марксизма показывают, что положение исторических деятелей, их влияние на общественную жизнь не остаются одними и теми же на различных этапах общественно-исторического развития. Так, если немецкая революция 1848 г. являлась жалкой пародией на революцию 1789 г., то немецкие буржуазные деятели представляли собой карикатуру на французских деятелей XVIII в. буржуазные революции XV в. развивались по восходящей линии, в то время как буржуазные революции середины XIX в. развивались уже по нисходящей линии. Этим определяется изменение роли исторических деятелей. Если у колыбели буржуазного общества находились великие исторические личности, то в период своего заката буржуазия выдвигает «маленьких великих людей». Такова историческая тенденция, отмечаемая Марксом: «Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо

Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг., племянник вместо дяди»

Нетрудно понять, что это изменение роли буржуазных исторических деятелей обусловлено превращением буржуазии в контрреволюционный класс. И если эпоха революционной борьбы с феодализмом закономерно выдвинула ряд великих людей из среды буржуазии, то победившее буржуазное общество «нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сзях, Кузенах, Руайе-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо».

Однако, если «талантливые люди буржуазии находятся на ущербе», то пролетариат – новый революционный класс, призванный разрешить всемирно-историческую задачу, выдвигает из своей среды действительно выдающихся деятелей, Таковы основные положения Маркса и Энгельса по вопросу о роли исторической личности в общественном развитии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение трудов Маркса и Энгельса, посвященных революциям 1848 г., приводит к выводу, что теоретическое обобщение революционного опыта 1848–1851 гг. являлось необходимым этапом развития марксистской теории.

Исторический опыт революций 1848 г. полностью подтвердил учение Маркса и Энгельса, сложившееся в предреволюционный период. В то время как многочисленные буржуазные и мелкобуржуазные теории, а также учение мелкобуржуазного социализма, господствовавшее тогда в рабочем движении, потерпели поражение, марксизм практически доказал свою способность дать научное понимание истории, предвидеть ее ход, идейно вооружить рабочий класс.

Революции 1848 г. подтвердили открытый Марксом и Энгельсом закон общественного развития, согласно которому духовная жизнь общества является отражением его материальной жизни, вследствие чего развитие общества представляет собой естественно-исторический процесс, в котором люди сами делают свою историю, но делают ее не по произволу, а при обстоятельствах, не зависящих от их выбора и являющихся результатом всего предшествующего развития материальной жизни общества.

Ход революционных событий доказал правильность марксистского учения о классовой борьбе как движущей силе развития антагонистического общества.

Столь же убедительно подтвердилось положение марксизма, что коренные преобразования экономической и политической структуры антагонистического общества возможны лишь революционным путем. И если переход от феодального к капиталистическому обществу потребовал глубоких революционных потрясений, то тем более необходима пролетарская революция для перехода к социализму.

Уроки революции оправдали взгляды Маркса и Энгельса на государство как на аппарат классового господства, характер которого определяется не той или иной государственной формой (монархия, республика и т.п.), а тем, какой класс осуществляет диктатуру. Революционные события 1848–1851 гг. показали, что борьба буржуазии против феодализма ведет к установлению диктатуры капиталистов, а освободительная борьба пролетариата закономерно должна привести к диктатуре рабочего класса.

Революции 1848 г. засвидетельствовали принципиальную правильность той тактической линии, которая была сформулирована основоположниками

марксизма в «Манифесте Коммунистической партии».

Однако опыт революций не только подтвердил учение Маркса и Энгельса, но и явился вместе с тем основой для его дальнейшего развития. Если в предреволюционный период Маркс и Энгельс вскрыли коренное различие между борьбой за социализм и борьбой за демократические, буржуазные по своему содержанию преобразования, то теперь, развивая далее свое учение, они показывают, при каких условиях борьба за демократию необходимо перерастает в борьбу за социализм. Вскрывая контрреволюционность либеральной буржуазии, основоположники марксизма противопоставляют ей пролетарскую борьбу за демократию, которая не только обеспечивает завоевание максимума буржуазно-демократических преобразований, но при определенных условиях перерастает в борьбу за социализм. В этой связи Маркс и Энгельс развивают теорию революции, исследуя роль народных масс и значение революционной диктатуры в развитии буржуазной революции, выдвигая и обосновывая гениальную идею непрерывной революции.

Вопрос о власти – основной вопрос всякой революции, революция 1848 г. во Франции, ликвидировав орлеанскую монархию, не только не ликвидировала бюрократически-военный государственный аппарат, возникший еще в период разложения феодализма, а, напротив, еще более усовершенствовала его. В своей борьбе против революционного народа либеральная буржуазия опиралась на враждебный трудящимся государственный аппарат. В этой связи Маркс и Энгельс выдвинули и обосновали свою гениальную идею о необходимости слома буржуазной государственной машины: пролетариат не может просто овладеть властью, он должен сломать бюрократически-военный государственный аппарат и создать новый государственный аппарат, отвечающий интересам социального освобождения трудящихся.

Обобщая исторический опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс конкретно-исторически анализировали и оценивали буржуазные и мелкобуржуазные идеи, буржуазных и мелкобуржуазных исторических деятелей – участников революционных событий. На громадном фактическом материале основоположники марксизма показывают, что без преодоления буржуазных и мелкобуржуазных идей, иллюзий, без решительной идейной борьбы с буржуазией победа пролетариата неосуществима. Маркс и Энгельс вскрывают качественное различие, существующее между влиянием передовых и реакционных идей, рассматривают идейное облачение буржуазной революции и доказывают, что лишь рабочий класс и его коммунистическая партия способны поставить на место иллюзий, приукрашивающих действительность, революционные идеи, правильно отражающие исторический процесс, предвосхищающие будущее и вооружающие трудящихся в их борьбе за свое социальное освобождение. В этой связи основоположники марксизма разрабатывают основные вопросы исторического материализма. Не случайно поэтому В.И. Ленин, характеризуя данный Марксом «итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции», считал его «образчиком материализма».

Теоретическое обобщение исторического опыта революций 1848 г. в трудах Маркса и Энгельса является замечательным образцом творческого применения и развития материалистической диалектики. Главное в этом теоретическом обобщении – диалектико-материалистический анализ явлений в их органической взаимосвязи, взаимообусловленности, в их движении, изменении, развитии, выделение основных тенденций, разграничение сущности и видимости, исследование внутренних противоречий, предвидение будущего. Именно поэтому теоретические выводы сделанные основоположниками марксизма из опыта этих революций, вышли по своему значению за пределы конкретно-исторической ситуации 1848–1851 гг. и явились драгоценным вкладом в сокровищницу

марксизма. Поэтому-то обобщение опыта буржуазных революций способствовало разработке проблем пролетарской революции и означало также дальнейшее развитие диалектического и исторического материализма. Обогащая, двигая вперед свое учение о революции и государстве, свою теорию общественно-исторического процесса в целом, Маркс и Энгельс развивали вместе с тем марксистский диалектический метод. Анализ противоречий буржуазной революции и возможности ее перехода в свою противоположность – в революцию пролетарскую, исследование развития классовых противоречий, в силу которых пролетариат становится в известном смысле более заинтересованным в победе буржуазной революции, чем буржуазия, исследование развития буржуазной государственной машины и обоснование исторической неизбежности ее уничтожения – все это явилось дальнейшим развитием и конкретизацией не только теории научного социализма и исторического материализма, но и материалистической диалектики. Вскрывая органическую взаимообусловленность основных событий революционного периода, исследуя качественные изменения, характеризующие развитие этих явлений, обосновывая неизбежность превращения эволюционной формы исторического развития в революционную его форму, основоположники марксизма разрабатывали свое учение о внутренних противоречиях, являющихся источником процесса развития. Ярким примером этого является исследование противоречий между пролетариатом и буржуазией в ходе буржуазной революции.

Оппортунисты Интернационала извратили и предали забвению основные теоретические выводы Маркса и Энгельса из опыта революций 1848 г. В.И. Ленин, его ученики и соратники не только восстановили эти важные теоретические положения основоположников марксизма, но и развили их дальше, обогатили новым содержанием на базе нового исторического опыта эпохи империализма и пролетарских революций. Вооруженная марксистско-ленинской теорией Коммунистическая партия Советского Союза привела трудящихся нашей Родины к Великой Октябрьской социалистической революции, к всемирно-исторической победе социализма в СССР.

Таким образом, изучение развития марксистской теории на опыте революций 1848 г. раскрывает перед нами основные черты марксизма, качественно отличающие его от всех предшествующих, в том числе и прогрессивных, учений. Открытая воинствующая пролетарская партийность, диалектический подход к явлениям окружающей действительности и их материалистическое истолкование, единство теории с революционной практикой, способность обобщать настоящее и научно предвидеть будущее, враждебность всякому догматизму и созерцательности – все эти черты творческого марксизма ярко выступают в произведениях Маркса и Энгельса изучаемого нами периода. Именно поэтому великие идеи, почерпнутые основоположниками марксизма из исторического опыта 1848–1851 гг., сыграли выдающуюся роль в последующем развитии марксизма и ныне вооружают трудящихся всех стран в их борьбе против империалистической реакции.